

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2025 Том 22 № 2

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикиреева Улданий Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канаараджа Суреши, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка, директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аmineва Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Валуицева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламаева Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Джусеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухунн Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редакция журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин

Компьютерная верстка Н.В. Маркеловой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 26.06.2025. Выход в свет 30.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 21,90. Тираж 500 экз. Заказ № 770. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Volume 22 No. 2 (2025)

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editors

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA
Suresh Canagarajah, PhD, Professor, Pennsylvania State University, Philadelphia, USA

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Mar'yam A. Vakhidova, Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States

Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody, University of Macau, China, United States

Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translanguing literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translanguing literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translanguing practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

English Text Editors *Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin*

Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Canagarajah S.** Studying Transnational and Translingual Professional Communication (Изучение транснациональной и транслингвальной профессиональной коммуникации) 219
- Danilov I.A.** Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia) (Этноязыковая идентичность якутоязычных эвенков: итоги исследования в Жиганском районе Республики Саха (Якутия)) 240
- Dzhusupov M.** Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multi-Cultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan (Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан) 251

ЭССЕ

- Alexandrova N.Sh.** Bilingualism: Research Problems (Проблемы исследования билингвизма) 265

ЛИНГВОКУЛЬТУРА. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Lebedeva I.L., Makarova K.V.** Sustainable Development in the British and Russian Lingua-cultures: A Case Study of Non-Financial Reports (Вербализация концепции устойчивого развития в британской и русской лингвокультурах на материале нефинансовых корпоративных отчетов) 274
- Shcherbakov O.V.** Street Art or Successful Commercial Projects? New Functions of the Symbolic Usage of Language in Linguistic Landscapes of Russian Cities (Стрит-арт или успешные коммерческие проекты? Новые функции символического использования языка в лингвистических ландшафтах российских городов) 290

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

- Galaktionov S.S., Proshina Z.G.** Overcoming Tiki Pop: Polynesian Translingual Literature Against Cultural Exoticization (Преодолевая Тики-Поп: полинезийская транслингвальная литература против культурной экзотизации) 303
- Шафранская Э.Ф.** Чеченец в современной чеченской литературе: проза Эльбруса Минкаилова 314
- Косенко В.С.** Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник 332
- Афанасьева Н.Д., Васильева А.А.** Литературный этюд жизненных ученого: феномен Г. Гачева 343
- Овчеренко У.В., Щенникова Н.В.** Осмысление закона Абсолют в современной интеллектуальной прозе Казахстана: на материале романов Х. Адибаева «Созвездия близнецов» и Д. Накипова «Круг пепла» 353
- Дианова Л.П.** Поэзия Н. Ахпашевой в русле теории транслингвизма 366

Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Воропаева Ю.А. Поль Буайе и русско-французский диалог культур	380
Тхакахова К.С. Две печатные машинки Кадыра Натхо, или Писатель транскультурного пограничья	395

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Зайцева И.П. М.Л. Матусовский как переводчик украинской поэзии: на примере стихотворения М. Бажана «Пролог до спогадів»	408
Золотухин Д.С. Проблема перевода лингвистического термина на материале французского и русского языков	419

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТАТЬИ

Окутин Н.Ю. Русская литература в журнале «Простор» 1991–1999 гг.: публикации, рецензии, научные статьи	439
Аксенова Д.А. Литературоведческая русистика в Российско-Армянском университете (1991–2021): материалы к «Большой энциклопедии русистики Евразии»	449

CONTENTS

LANGUAGE CONTACTS: THEORY AND PRACTICE

Canagarajah S. Studying Transnational and Translingual Professional Communication	219
Danilov I.A. Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia)	240
Dzhusupov M. Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multi-Cultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan	251

ESSAY

Alexandrova N.Sh. Bilingualism: Research Problems	265
--	-----

LINGUOCULTURE. LANGUAGE IN PROCESS

Lebedeva I.L., Makarova K.V. Sustainable Development in the British and Russian Lingua-cultures: A Case Study of Non-Financial Reports	274
Shcherbakov O.V. Street Art or Successful Commercial Projects? New Functions of the Symbolic Usage of Language in Linguistic Landscapes of Russian Cities	290

LITERARY DIMENSION

Galaktionov S.S., Proshina Z.G. Overcoming Tiki Pop: Polynesian Translingual Literature Against Cultural Exoticization	303
Shafranskaya E.F. The Chechen in Modern Chechen Literature: Prose by Elbrus Minkailov	314
Kosenko V.S. The Poetics of the Artist's Image in the Novel "Reminder" by Enna Alennik	332
Afanaseva N.D., Vasileva A.A. The Literary Study of Scientist's Lives: The Phenomenon of G. Gachev	343
Ovcherenko U.V., Shchennikova N.V. Understanding the Law of the Absolute in Modern Intellectual Prose of Kazakhstan: Based on the Novels of H. Adibaev "Constellations of Twins" and D. Nakipov "Circle of Ashes"	353
Dianova L.P. Poetry by N. Akhpasheva in the Mainstream of Translingualism Theory	366
Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A., Voropaeva J.A. Paul Boyer and the Russian-French Dialogue of Cultures	380
Tkhakhova K.S. Two Printing Presses of Kadir Natkho, or A Writer of the Transcultural Borderland	395

LITERARY INTERPRETATION AND THEORY OF TRANSLATION

Zaitseva I.P. M.L. Matusovsky as a Translator of Ukrainian Poetry: Using the Example of M. Bazhan's Poem "Prologue to Memories"	408
--	-----

Zolotukhin D.S. Translating Linguistic Terms: A Case Study of French and Russian Terminologies..... 419

INFORMATIONAL ARTICLES

Okutin N.Yu. Russian Literature in the Journal “Prostor” 1991–1999: Publications, Reviews, Scientific Articles 439

Aksenova D.A. Literary Russian Studies at the Russian-Armenian University (1991–2021): Materials for “The Great Encyclopedia of Russian Studies in Eurasia” 449

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

LANGUAGE CONTACTS: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-219-239

EDN: OSBTLF

Research article / Научная статья

Studying Transnational and Translingual Professional Communication

Suresh Canagarajah^{id}

Pennsylvania State University, *Pennsylvania, USA*

✉ Asc16@psu.edu

Abstract. In the modern world of globalization, there is a need to establish a multilingual communication environment in the work process of transnational corporations for more efficient execution of tasks and organization of negotiations. As a result, a completely new polylingual space appears with its own internal dynamics of linguistic phenomena, the study of which requires the formation of new approaches to research. In this paper, the processes that arise as a result of the transition of business to a transnational space are analyzed from the point of view of Interactive Sociolinguistics. The influence of global processes and technologies on communication and interaction between participants in work and contractual processes within corporations and between them is considered. The formation of a multilingual communication system due to the participation of users of different languages in communication is studied. The factors that result in the establishment of a particular multilingual system in the workspace are identified, and its manifestations are considered. The internal dynamics of this system are studied as it develops. The work is based on theoretical and practical researches by authoritative authors in the field of sociolinguistics, such as J.J. Gumperz, R. Wodak, J. Blommaert, and others. The study analyzes the effectiveness of the application of the Interactive Sociolinguistics approach to describing the work process in the context of the need to establish multilingual communication in transnational business.

Key words: Interactive Sociolinguistics, interaction, language diversity, globalization, multilingualism, discourse analysis

Article history: received 29.03.2025; accepted 14.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Canagarajah, S. 2025. "Studying Transnational and Translingual Professional Communication." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 219–239. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-219-239>

© Canagarajah S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Изучение транснациональной и транслингвальной профессиональной коммуникации

Суреш Канагараджа^{ORCID}

Пенсильванский национальный университет, Пенсильвания, США

✉ Asc16@psu.edu

Аннотация. В современном мире глобализации возникает необходимость установления мультилингвальной среды коммуникации в рабочем процессе транснациональных корпораций для более эффективного выполнения задач и организации переговоров. В результате появляется совершенно новое полиязыковое пространство со своей внутренней динамикой лингвистических явлений, для исследования которого требуется формировать новые подходы к изучению. В данной работе производится анализ процессов, возникающих в результате перехода бизнеса в транснациональное пространство с точки зрения интерактивной социолингвистики. Рассмотрено влияние глобальных процессов и технологий на коммуникацию и интеракцию между участниками рабочих и договорных процессов внутри корпораций и между ними. Исследовано формирование мультилингвальной системы общения вследствие участия в коммуникации пользователей разных языков. Выявлены факторы, в результате которых устанавливается та или иная мультилингвальная система в рабочем пространстве, а также изучены её проявления. Рассмотрена внутренняя динамика данной системы по мере её развития. Работа опирается на теоретические и практические исследования авторитетных ученых в области социолингвистики, таких как Дж.Дж. Гамперц, Р. Водак, Я. Бломмарт и др. Проведён анализ эффективности в применении подхода интерактивной социолингвистики при описании рабочего процесса в условиях необходимости установления мультилингвальной коммуникации в транснациональном бизнесе.

Ключевые слова: интерактивная социолингвистика, интеракция, языковое разнообразие, глобализация, мультилингвальность, анализ дискурса

История статьи: поступила в редакцию 29.03.2025; принята к печати 14.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Canagarajah S. Studying Transnational and Translingual Professional Communication // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 219–239. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-219-239>

Introduction

In this article, I address the changes and challenges in developing a sociolinguistics of transnational work. Professional interactions are becoming more transnational and, for that reason, more translingual. These changes are facilitated by neoliberal marketization, in addition to technology and mobility. The changes in patterns of work are leading to new challenges in negotiating language diversity. However, the existing workplace studies also suggest that professionals are adopting creative strategies to negotiate meanings. In an effort to motivate close analysis of workplace interactions, this paper makes a case for Interactional Sociolinguistics as a suitable method.

Context

Developments in technology, economy, and mobility facilitate professional relations that involve employers and employees, or service providers and clients, from different languages and communities across national boundaries. Work is also shaped by multilateral flows of capital, labor, and media [1] across localities, with competing linguistic markets determining value. Many recent sociolinguistic studies have started to refer to such workplace communication as “transnational” (see [2–8]). These work settings are “transnational” in that they involve people, resources, and interactions that transcend nation-state borders and space/time boundaries. Of interest to sociolinguists is the need to negotiate diverse languages, discourse conventions, and language ideologies in order for institutions to serve their clients, collaborate with their employees, and manage services across borders. The complex global flow of labor, capital, and products, and the way it shapes the uptake of diverse semiotic resources in variable spatiotemporal contexts, merit closer sociolinguistic analysis.

Influenced by such changes in work practices, workplace communication is also changing. The interactions between workers, and with employers and clients, are conducted in multiple languages that Duchene et al. argue: “multilingualism and the knowledge of more than one language have become almost a requirement” [2. P. 2]. Communication technology is generating other changes. As digital media and computers mediate work, talk is shaped by diverse other modalities of communication, especially writing, that they have constructed a more “textualised workplace” [9. P. 336]. Communication happens also in multiple channels, as people multitask by reading texts, emailing others, typing reports, and seeing and talking to distant others through the same computer. These resources enable participants to switch languages very fluidly to the extent that it is difficult to say which is the matrix language of a given interaction (see [5; 7]). Communication goes beyond separately labeled languages in other ways. Participants might use their “fragmented multilingualism” [10. P. 9], constituting partial competence in multiple languages, for limited transactional purposes; or use their “receptive multilingualism” to understand production in diverse languages and respond in one language as in “polyglot dialog” (see [11; 12]). For all these reasons, some sociolinguists find it inadequate to capture these interactions as simply “multilingual” (i.e., a collection of separately labeled languages). Many scholars use “translingual” (see [13; 4; 5]) to characterize contemporary work site communication.

Beyond the challenges for intelligibility in contexts of language diversity, interactions in these settings have to contend with restrictive language policies. Among them are nation-state ideologies informed by language ownership, purity, and territoriality. Neoliberal ideologies, on the other hand, might favor multilingualism and diversity, though in the service of profit-making objectives. Such

objectives might lead to “technicize and standardize” communication [14. P. 10], where creativity, negotiation, and voice might be restricted. While speakers of less privileged languages might be disadvantaged in such work contexts, everyone confronts challenges for inclusive participation, identity representation, and equitable social and material outcomes.

These recent developments in work site communication pull in opposite directions. Sociolinguistic studies from policy, ethnographic, and critical perspectives have characterized these tensions through constructs such as the following:

- *fixity and fluidity* [15]: a dialectical shuttling between communicative norms that are relatively more creative or restrictive;
- *profit and pride* [14]: while pride in the local might resist objectification for profit making purposes, sometimes local pride adds value towards marketization;
- *public and private* [2]: while public institutions enforce national languages, private enterprises favor multilingualism;
- *policy and practice* [16]: the greater scope for diversity and creativity in local practices, and restrictive policies at the institutional, national, or global contexts;
- *institutional order and interactional order* [17]: institutional policies regulate languages narrowly, while the communicative practices emerging in interactions at the everyday level could be diverse;
- *competing linguistic markets* [18]: value for languages are not consistently or uniformly structured, but changes under different economic considerations in diverse places.

Though these somewhat binary ways of characterizing the tensions is helpful as a broad framework, interaction patterns can be variable and unpredictable in actual work interactions. In fact, policy and practice considerations will shape each other in complex ways, rather than remaining separate or distinct. We need closer analysis of how these tensions are negotiated by participants for different outcomes, according to changing activities, genres, and configurations of participants. Wodak et al. make a case for their interactional study of “the intricacies of the increasingly complex phenomenon of multilingualism in transnational-organizational spaces” [7. P. 157] pointing to a need to ‘challenge the dichotomy that is often stated in the literature between “distinctly monolingual” and “distinctly multilingual” language practices and policies’ [7. P. 158] (see also [16; 2; 19]). An interactional analysis will show how conflicting language ideologies and policies are negotiated interpersonally according to different conditions in situated work site communication. While appreciating how broader social structures and ideologies constrain local interactions, we can also appreciate the creativity of professionals as they devise new interactional strategies, genres of communication, and semiotic repertoires to deal with multilingualism. We will thus gain insights into the “structuration” (in Giddens’ terms) of emerging patterns of work and communication. Such a perspective will provide constructive suggestions for policy formulation,

as there is a search for more effective work regulations in the context of geopolitical changes. The findings can also help pedagogical intervention. In contexts where increasing number of migrants and “host country” professionals are being prepared to work together, these findings can inform more nuanced training and professionalization.

There are therefore calls for more interactional studies on transnational and translanguing workplace communication. In a state-of-the-art essay on socialization in workplace communication, Roberts notes that what professionalization “will consist of in terms of language mix, switch, and shift within multimodal practices remains still relatively uncharted research territory. Future research will need to map this territory, with micro-analysis of the local contexts of production” [20. P. 223]. Though there is a respectable body of sociolinguistic studies on workplace communication emerging, some scholars observe that they focus on dominant languages (such as English) within nation-state frameworks (see [4]). They call for more studies on multilingual interactions situated in transnational work spaces [11; 4]. After an extensive review of studies on workplace communication, Holmes and Marra argue, “To date, workplace research has been dominated by a focus on organisations in which English is spoken. Increasingly, however, interest is developing in multilingual business settings and in workplace talk expressed in languages other than English” [21. P. 123].

In this paper I discuss how Interactional Sociolinguistics (IS) might help us in understanding changing work site communication practices. IS has been adopted for the study of workplace communication from its inception, continuing to be used in ongoing research on professional communication by many other sociolinguists. Gordon and Kraut, in a state-of-the-art review of IS in professional communication, observe that “Workplace discourse has constituted a privileged analytic site since the genesis of IS” [22. P. 6]. Furthermore, IS was adopted to explain professional interactions in contexts of mobility and diversity, thus sensitive to the transnational considerations in this thematic issue. Auer and Roberts claim that “Gumperz was the first to develop a kind of ‘social linguistics’ which is able to deal with the challenges of language in late modernity, in an age of ‘globalisation’ whose ‘superdiversity’... has been on the agenda for him for many decades. It is hardly imaginable that a sociolinguistics of globalisation should be possible in the future without relying on his insights” [23. P. 390]. Rampton concurs with that claim [24]. What merits such expectations is that Gumperz problematizes meaning-making in communication, rather than treating language structure, speech community, or discourse conventions as homogeneous and shared. IS was therefore formulated to explore how interlocutors negotiate meanings in situated interactions where shared norms may not be available. What makes it even more suitable for this project is its theoretical openness and methodological eclecticism. In the context of changing geopolitical and philosophical contexts, IS is elastic to accommodate

new analytical considerations. To begin with, it is remarkably eclectic in adopting competing sociolinguistic orientations, such as conversational analysis (CA), ethnographies of communication, and (critical) discourse analysis (CDA). As IS is already an “eclectic toolbox” [25. P. 839], and has been complemented by other methods in workplace communication studies, we don’t expect the treatment of this issue to be unnecessarily restrictive. Though IS “lacks the theoretical elegance and austerity of conversation analysis or the single-minded determinism of critical discourse analysis” [25. P. 839] (see also [24; 22]), it is open to further expansion in order to accommodate the changes in workplace communication and academic inquiry. Of additional interest is that IS merges analytical considerations with pedagogical and policy intervention. Gumperz and collaborators always treated interactional analysis as explicating subtle assumptions, practices, and cues that can help train workers for more effective interactions and counter the “linguistic penalty” [26] imposed on those from less privileged language groups.

I first review what studies on transnational work reveal about translanguaging. I then discuss how IS can help us study these interactions more closely. A word on definitions first. In the context of the geopolitical and technological changes that shape work, it is becoming difficult to define what we mean by a “workplace.” Scholars increasingly recognize that work is not defined in terms of a place but an activity (see [17]). In this sense, work might not be a physical domain separated from other social locations such as home or school. Work is made up by spaces where one’s professional role becomes salient, whether inside or outside institutions defined as professional. We might consider the work site a liminal space that transcends place boundaries. One might work from home and treat a room as the work site. In the US, the IRS allows for one’s room at home to be treated as a workplace if it meets certain conditions. The workplace can also occupy liminal transnational spaces, and not bound by a single country. Workplace may also not be situated; it might be mobile. Tour guides walking with tourists are at work. Consider the following description of work by Ladegaard and Jenks: “Work is no longer confined to a single [place]. It now requires people to travel over great geographical distances, communicate with cultural ‘others’ located in different time zones, relocate to different regions or countries and, not least, conduct business in virtual teams and other online settings” [19. P. 2]. Therefore, some scholars adopt the term work “space” rather than “place,” as in Räisänen’s use of “transnational work space” in her study [5].

For these reasons, most researchers adopt “a broad and inclusive perspective on what qualifies as professional communication” [21. P. 112]. For example, Gunnarsson (2009) uses “professional” as a synonym for “paid-work-related,” including skilled and unskilled employees. For her, professional communication contrasts with “private discourse” [27. P. 6]. The term covers text and talk “in professional contexts and for professional purposes” [27. P. 5], including talk between

professionals and with lay people. She identifies a number of distinguishing features, including the fact that workplace discourse entails domain-specific knowledge and skills, and is goal-oriented. However, Roberts goes a bit further in arguing that some forms of personal and informal discourse are becoming important for networking and for the professional presentation of self under neoliberalism [20]. Campbell and Roberts describe the complex weaving of the personal and professional often required of interviewees in contemporary professions: “They must conceal any divisions between work and personal life through the effective synthesization of institutional and personal discourses. Those who fail to effectively synthesize these discourses, but rather present a hybridized juxtaposition of styles and identities are ‘divided from others’ by being constructed as ‘non-belongers’ to the organization and failing the interview” [26. P. 266]. For similar reasons, many researchers also don’t adopt the traditional distinction of business discourse, institutional discourse, and professional discourse (formulated by Sarangi and Roberts [17]), as “there is little agreement on what exactly is included and excluded from each of these terms. Indeed some researchers use all three interchangeably” [21. P. 112]. We are open to fluid genres, languages, and discourses in work site communication, depending on how they are framed as relevant to the professional activity under consideration.

Emerging Configurations of Translingual Work Communication

The changes in work and professional practices are of considerable significance to sociolinguists. What we learn about the implications for language practices and proficiency are the following:

- Language is central to contemporary work. It is not only the process for professional and industrial outcomes; it is often the end product. Heller and Duchene assert the “new centrality of language in late capitalism” [14. P. 19].
- There is increasing multilingualism in work sites as interactions involve diverse language groups across nation-state boundaries or within the same physical location.
- Communication is increasingly multimodal, shaped by the digitized and textualized work space.
- Work-related genres and modalities of communication are rapidly changing. Technological developments have a bearing on this. Consider the possibilities in virtual conferences. Such developments are also making possible multiple channels of simultaneous communication. Workers could be reading a report on the screen, viewing images, emailing someone, and discussing something virtually (either in talk or in writing) in a single communicative event. In addition to new genres of communication, earlier genres are also changing. As I illustrated earlier, there are new expectations of self-presentation in job interviews.

- Communicative competencies required of workers are also changing. Rather than being restricted to particular isolated roles, what is appreciated are repertoires. Repertoires are becoming more expansive, diverse, and challenging, requiring constant learning and upgrading of proficiencies. They could range from a knowledge of globally valued *lingua francae* to national languages in places of work; formal registers for high-stakes interactions and “soft skills” for self-presentation; and social media for informal interactions and professional genres valued in work.

- All this makes sociolinguistics critical for an understanding of transnational work space communication and emerging patterns of professional interaction. There are important contributions to be made in defining new genres, mapping competencies, formulating revised language policies, raising awareness about inequalities and unfair exclusions, and intervening in training and professional development.

Despite the diversity, unpredictability, and complexity in the repertoires, the constant changes in genres and modalities, and the sometimes restrictive institutional language policies, sociolinguistic studies in transnational work spaces show that professionals are negotiating these challenges creatively among themselves and with their clients and other stakeholders. Though not all the following studies are interactional — i.e., some adopt interviews, surveys, or ethnographic observations — it is useful to review these studies for emerging patterns of interaction.

The picture that emerges is as follows:

- Professionals might adopt a *lingua franca*, such as English, for general communication, and multiple local languages for group-specific or informal interactions. Kingsley in a questionnaire survey of three international banks in Luxembourg observes: “An analysis of employees’ broad frequency patterns indicates that English is the language most frequently used alongside others. A number of languages are flexibly used in meetings, informal communication and more hybrid genres (emails and presentations). The ethnolinguistic composition of employees and transactional/relational functions of language are the two most important bottom-up pressures on language choices. However, above all, English emerges as an essential *lingua franca* for involving and including all employees in these contexts” [4. P. 533]. Yanaprasart finds variable practices in the 12 international banks she studies in Switzerland. She describes the dominant patterns as follows: *lingua franca* English as the sole corporate language; one language as the official language, and 4 other languages as supplementary; two administrative languages; American English as the corporate language and three national languages as supplementary; and three official corporate languages with English as supplementary [8]. Wodak et al. label as “hegemonic multilingualism” the practice in European Union (EU) administrative offices where a few working languages (such as English, French, or German) become salient over the plurality of the 23 languages of EU [7].

- The choice of languages is genre-specific in some contexts. KINGSLEY learns from her survey of international banks in Luxembourg that there is a sliding

scale from solely English to using diverse other languages as employees move from formal written reports (solely in English); and emailed correspondence, oral presentations, and face to face meetings (largely in English, but mixed with other languages); to telephone calls and small talk (in local languages) [4].

- Different languages might be chosen as befitting the nature of the activity. Certain tasks require greater precision or more widespread comprehension. Other tasks that are low-stakes or orally conducted can accommodate greater diversity. There is space for a greater range of languages, or deviations from the norm, for certain low-stakes conversational interactions. Similarly, more formal interactions, such as interactions with employers in interviews and consultations, require more formal and privileged codes. Using a widely shared language for formal interactions, and adopting ethnic or national languages to index in-group solidarity is very common (see [28; 19]). There are also creative practices of multitasking. Kingsley observes of presentations by Luxembourg bankers that they “combine elements of both spoken and written communication, since employees both orally present and used their written slides. In banks, employees often reported using two languages together in this hybrid genre of presentations. For example, English was frequently used as the language of slides and another language was used to orally present depending on the audience present on the day” [4. P. 537].

- Professionals are largely accommodative of the divergent proficiencies of their colleagues. In accommodating the concerns of collaboration and efficiency, professionals focus on functionality rather than formal correctness. Firth in an early study showed how interlocutors might ignore incorrectness and wait patiently for more clues to understanding (which strategy he called “let it pass”) and sometimes redefine the indexicality of a nonnormative feature (“make it normal”) [29]. Such examples also suggest that interlocutors adopt diverse discourse and sociolinguistic strategies to achieve intelligibility, going beyond a reliance on grammatical correctness or formal proficiency. This could include practices such as truncated multilingualism, receptive multilingualism, and polyglot dialog — which Gonçalves and Schluter find among Spanish-speaking and Brazilian workers in a Portuguese-owned cleaning business in the United States [11].

- Nonverbal resources also help interlocutors mediate multilingualism. International professionals in the field of STEM (i.e., science, technology, engineering, mathematics) use computer screens, chalk boards, writing and visuals to communicate with multilingual participants in research group meetings, though they acknowledge their limited proficiency in English grammar (see [30]). They also use gestures to overcome communication breakdown. Body is used to negotiate affect in sales encounters — as in the faux haggling of a Chinese butcher with his East European customer in a Birmingham market [13] or the sale of cheese in Switzerland [31].

- Diversity in language is not always resolved in favor of a shared code. Often, differences serve as resources for communication. They serve affective purposes such as humor or mitigation. Someone could choose a dispreferred language for such purposes. Moody shows how English in a Japanese workplace contextualizes playful talk. The American employee David plays the “foreigner” identity in his switches into English with his Japanese co-workers [32] (see also [33]). Sometimes switches into marked codes are rhetorical, as they help convey messages with force or persuasion. Wodak et al. account for the switches of an argumentative member in a meeting of the European Council, in which English is the *lingua franca*, as follows: “First, for politeness, [the speaker] accommodates the Polish chair; he continues in English, due to the previous speaker and the other [members of Parliament] whom he attacks; he then shifts into his native language of Spanish. However, in the argument, he remains in English throughout until the conflict is resolved” [7. P.179]. Higgins shows from her research in newsrooms in Tanzania how English might mitigate traditional status hierarchies which are maintained in the native Swahili language interactions [34]. Language switches could thus activate different identities. By choosing the institutionally marked or unmarked languages, someone could bring into focus work or personal relationships, respectively.

- The choice of languages can help manage participation frameworks. Räisänen demonstrates how a Finnish engineer Oskari shifts between English (for a Chinese co-worker), Finnish (for a fellow national), and German (for researcher) [5]. He has parallel conversations with all of them, signaling relevant participation frameworks based on language choice. He would also read international emailed correspondence in English while talking to co-workers in other languages, indexing the reading and speaking activities as distinct channels of communication.

- Mediators and language brokers, often self-chosen, facilitate communication between workers with diverse languages by translating or assisting in the conversation. Virkkula-Räisänen shows how a manager serves as a “mediator” in meetings [28]. This doesn’t necessarily mean translating every utterance, but facilitating intelligibility when specific contributions are critical. She also shows that this is a self-chosen role, for practical reasons. The manager is not professionally trained, linguistically proficient, or formally assigned this role. Furthermore, he has to switch roles adroitly between a manager and a translator. We thus see participants in professional interactions stepping into roles as interpreters, brokers, or mediators as situations demand (see also [35]).

- All such considerations can come together in a multifaceted choice of languages, based on different considerations. Wodak et al. provide the following summary as the rationale for the switches they see in the European Union Parliament from a year-long fieldwork:

- CO-TEXT RELATED FACTORS, such as the specific topic and technical jargon, the language of the preceding speaker, and politeness phenomena;
- GENRE-RELATED FACTORS, such as the macro-structure of the respective meetings and their official manifest functions;
- LANGUAGE-IDEOLOGY RELATED FACTORS, such as language choice due to the perceived prestige of a language;
- POWER-RELATED FACTORS, such as the intention to win an argument, attempts to control the debate, gain the floor, set the agenda, and so forth;
- PERSONALITY- AND RELATIONSHIP-ORIENTED FACTORS, such as preferred language choice, modes of self-presentation (on front stage and back stage), group dynamics, and traditions of a community of practice. [7. P. 180]

Mondada accounts for the switches in a single meeting in France in the following manner:

- A change of linguistic regime, from a monolingual regime (English *Lingua Franca* only) to a bilingual regime (French and English).
- A change of activity, from lecture to discussion, implying also a change from prepared topics presented on PowerPoint to topics constructed online within the discussion.
- A change of participation framework, from the focus on a speaker lecturing in front of an audience, to a focus on the participants scattered around the room, and finally on a participant among the others becoming the main speaker.
- A change in the interactional space, from an activity oriented towards the front row, where the speaker and the PowerPoint presentation projected on the wall are located, to an activity focused on the back row of the room.
- A change of participants' categories, concerning their medical-institutional expertise and their linguistic competences.
- A change of categories related to the management of interaction: at the beginning, the organizational work of the CHAIRMAN is central; progressively, the work of another figure, acting as a MEDIATOR or as a FACILITATOR, becomes crucial. [35. P. 229]

• Interlocutors might adopt a complex “decision-making algorithm” [16] to choose a language for interaction in the midst of such diversity and unpredictability. Angouri outlines these considerations as operating beyond the language choice imposed by the official policy. They are: “common sense,” motivated by teams sharing the same language or teams that tacitly agreed on their choice earlier; “safest bet”, where a compromise is made for groups with a large range of languages; and “explicit and negotiated”, where choice has to be discussed before every interaction [16. P. 577].

- Language choices are not always democratic or inclusive. Power can play a role in the lack of negotiation of multilingualism. Hazel points out that in certain relationships the dispreferred language will be subtly flagged as inappropriate, providing a marginalized identity or role for that speaker [3]. Yanaprasart describes the challenge for Swiss international banks as balancing and managing “the need for divergence (complexity, diversity, differences) and convergence (cohesion, uniformity, standardization)” [8. P. 91]. Standardization can be unfair sometimes, and lead to “linguistic penalty” [26] for those who fail to conform. In this sense, language is resourceful for establishing hierarchies, exclusion, and norms as well.

Whether interlocutors choose to accommodate or control communicative diversity in work settings will be motivated by situated interactional considerations. This explains the significance of sociolinguistic approaches such as IS.

The Relevance of Interactional Sociolinguistics

There are many features in IS that are suitable for undertaking an interactional analysis of transnational and translingual work space communication. In his original formulation, Gumperz was explicit about adopting a focus that went beyond what he has called “structuralist abstractions that are notoriously difficult to operationalize” [36. P. 309]. In this way, he went beyond treating a shared grammar as helping ensure intelligibility and comprehension. As he demonstrated from his research in India and Norway, even within the same speech community there is considerable diversity in norms and conventions that violate the grammatical structure of separated languages. For the same reason, he was also not fully satisfied with Conversational Analysis (CA) as it was traditionally conceived. He noted that CA focused on the structure of conversation, disregarding meanings. This was because CA treated conversations as taking place between interlocutors with shared norms. As it assumed homogeneity, CA did not problematize meaning making. CA also excluded wider social, cultural, and ideological contexts that mediated conversations, preferring focus on the sequential. Gumperz observed that “sequential analysis cannot by itself account for situated interpretation. It describes just one of the many indexical processes that affect inferencing” [36. P. 312].

At the other end of the interactional continuum, Gumperz was sensitive to how broader cultural values shape talk. He was open to drawing information from approaches such as ethnography of communication to consider diversity and inequality in communication. He situated interactions as happening among interlocutors bringing different norms and values, thus requiring that meaning-making be problematized. He brought an orientation to communication as *practice*, and broadened the unit of analysis to “activity” or “event,” beyond the grammatical or sequential. However, he also found the approaches of ethnography of communication or discourse analysis too broad for operationalization. Therefore, he treated

the interactional as a middle level of consideration that can bring together the larger sociocultural considerations and micro-level sequential, grammatical, and interpersonal considerations. He claimed, “IS seeks to bridge the gap between these two approaches by focusing on communicative practice as the everyday-world site where societal and interactive forces merge” [36. P. 312]. In this way, IS allows us to draw on information from beyond the immediate, such as historical, cultural, social, and ideological considerations. At the same time, IS also brings a CA-influenced close analysis to interactions. I introduce three constructs of IS — i.e., conversational inference, contextualization cues, and repertoires — to demonstrate how they might help us orientate to the type of diversity typical of transnational and translingual work site communication.

Through *conversational inference*, IS problematizes interpretive practices by participants in an interaction. The construct is defined by Gumperz as: “the interpretive procedure by means of which interactants assess what is communicatively intended at any one point in an exchange, and on which they rely to plan and produce their responses. Sequential positioning of turns at speaking is clearly an important input to conversational inference, but many other, analytically prior factors are also involved. Furthermore, it is also true that individuals engaged in conversation do not just react to literal meaning — if there is such a thing — in the linguist’s sense of the term. At issue is communicative intent; to assess what is intended, listeners must go beyond surface meaning to fill in what is left unsaid” [36. P. 313]. Rather than treating meaning as shared or guaranteed by language norms, IS treats it as negotiated. In fact, inferences are a reciprocal activity. The parties in an interaction have to interpret the verbal cues of the others appropriately, and also respond with suitable cues to demonstrate their understanding and frame their contributions to continue the interaction. Thus IS brings a focus on the “procedure” behind planning, producing, and exchanging signs. Bailey explains, ‘Interlocutors rely not on “rules” that lead unambiguously to one meaning, but rather on “strategies” that guide interpretations of their speech and help make sense of the interactions in which they are engaged’ [25. P. 2]. Furthermore, IS is supple enough to allow for a range of macro level details to explain the interpretations made by participants. In order to understand the communicative action performed, we have to go beyond the “literal,” “surface,” and “unsaid” — as Gumperz states above.

What allows participants to signal the types of information they are assuming in framing their contribution is Gumperz’s second construct, *contextualization cues*. If inference is too broad a construct, contextualization cues enable us to focus on the range of background information invoked in situated interactions. It is a useful construct for researchers, as it will help them figure out how the interaction is framed and meanings constructed by the participants, when researchers don’t share their backgrounds. Gumperz defines contextualization cues as: “any verbal sign

which, when processed in co-occurrence with symbolic grammatical and lexical signs, serves to construct the contextual ground for situated interpretation and thereby affects how constituent messages are understood” [36. P. 315]. What is useful about this construct is that it helps us approach communication ground up. Rather than assuming shared values and norms to shape interactions, we can analyze how the “contextual ground” is collaboratively constructed by participants. This perspective is especially valuable in interactional contexts of diversity when language or discourse norms are not shared. In fact these subtle cues, which might be taken for granted or habituated in in-group communication, are the ones that might pass under the radar in inter-community interactions. Gumperz’s early studies in workplaces, such as the “gravy study” in UK, showed how the lack of attention to such contextual cues led to conflict and penalty. Note, however, that Gumperz considered contextualization cues as “verbal sign” above, or “oral forms ... in talk” [36. P. 316]. We may have to broaden it to include nonverbal cues, such as objects, texts, and gestures, which are often strategically used in transnational and translingual work space interactions.

The third construct is the notion of *repertoires*. This helps us to go beyond structuralist grammar and homogeneous speech community assumed in traditional analysis. Gumperz defined verbal repertoire as containing “all the accepted ways of formulating messages” [37. P. 137–138], being “the totality of linguistic forms regularly employed within the community in the course of socially significant interaction” [38. P. 182]. This construct is open to different varieties and dialects of a language, such as world Englishes, giving all of them equal importance. A community’s repertoires might be different from another’s even in the “same language.” It is also open to language change. Furthermore, it captures how features from diverse languages can form a community’s repertoire, as in Gumperz’s studies on code switching. The notion is open to the diversification of a community’s repertoire through language contact.

Despite the promising constructs offered by IS for a study of interactions in transnational work spaces, the manner in which work and communication have been changing in the context of recent technological, economic, and geopolitical changes call for further expansions. To add to these developments, disciplinary discourses in humanities and social sciences have been changing to motivate new modes of inquiry. We might consider these as further developments beyond the structuralism that Gumperz was critical of. In sociolinguistics, paradigms such as embodiment [39], spatiality [40], and mobility [41] have introduced new analytical perspectives to address transnational interactions. In some cases, scholars have directly critiqued IS for its inability to address emerging questions and considerations. After reviewing these developments, I outline ways in which the constructs of IS can be expanded to accommodate the emerging concerns.

To begin with, several critics point out that not all information that shapes communication can be recovered from talk or contextualization cues in sequential analysis. There are many layers of context that might hover in the background of talk and shape the interaction. Though they might not be directly invoked in the talk, the interlocutors are mindful of those types of information in shaping their interpretations. As they may not be indexed in language, they might not be visible to researchers. Rampton argues, “although the analysis of real-time processing in the here-and-now is vital in Gumperzian analysis, it is never enough. Beyond the understandings articulated by co-present individuals, there are historically-shaped and potentially discrepant communicative sensibilities operating unnoticed in the background” [24. P.10] (see also [22]). Although Gumperz is open to interpretive strategies going beyond the visible and verbal in conversational inference, it is not clear how researchers can choose from the layers of possible contexts as relevant for a given interaction.

Along with such macro-level influences, critics also point to a lack of attention to power. There is sometimes an ambiguity in addressing communication breakdown and misunderstanding as attributable whether to cultural differences or power inequalities. Bailey observes that IS “mistakes power differentials for cultural differences and sociopolitical conflicts for linguistic-interactional problems” [25. P. 836]. So, for example, did the Indian worker’s falling intonation in “gravy?” get misunderstood because the British workers were unfamiliar with the intonation pattern or whether they were biased? Furthermore, did the miscommunication result because they assumed their higher status as “native speakers” and became judgmental rather than collaborate? In fact, interlocutors who can change their footing to accommodate each other have been shown to successfully renegotiate norms and collaborate in achieving intelligibility (see [29], for example). Refusal to change one’s footing or insisting on others accommodating to one’s own norms is often an exercise of power. It is also a reflection of privilege. While those from dominant languages or social groups have the luxury of treating their norms as universally shared, those from minority communities are compelled to accommodate. Attributing miscommunication to cultural difference will also misunderstand resistance or voice. Those from non-dominant groups may refuse to accommodate to dominant norms in favor of their voice and identity, and not because they are unaware of the contextualization cues or norms of the interlocutor (see examples in [42]). Why and for whom is diversity a problem rather than a resource?

The traditional focus of IS on talk and verbal resources has also been pointed to as limiting its usefulness for contemporary communication. As we saw above, communication involves multiple modes and semiotic resources simultaneously. While IS has been traditionally applied to a single channel of communication, typically face to face conversation, including professional genres such as interviews and meetings, we now know that talk, writing, video conferencing, and reading

reports might all occur simultaneously. In fact, the other resources such as texts and computer screens might mediate talk in deep and pervasive ways that it will be difficult to focus on talk or words alone. After an extensive review of the way IS has been employed in studying workplace communication, Gordon and Kraut state: “How workplace communication occurs via (now seemingly omnipresent) digital communication media, including and beyond email, is [...] an important future research direction” [22. P. 11].

There is also a rethinking of the construct *context*. Sociolinguists have urged us to problematize and unpack context for a long time. Goffman (1964), in “The neglected situation,” cautioned that “The social situation gets treated in the most happy-go-lucky way, in an opportunistic fashion ... social situations do not have properties and a structure of their own but merely mark, as it were, the geometric intersection of actors making talk and actors bearing particular social attributes ... your social situation is not your country cousin” [43. P. 134]. What we now realize is that there are many layers of time and place that shape talk; contexts are relational in that they will scale meaning and interactions in different ways based on what considerations are made relevant for that activity; they are layered in that different levels of social, spatial, and temporal considerations might shape communication rather than being discrete and monolithic; and they are deeply involved in “entextualizing” communication rather than remaining separate in the background. Sociolinguists now adopt the term “layered simultaneity” [44] to consider how relative and multiple contextual considerations are implicated in communication. Such developments will do justice to the diverse contexts for transnational communication, deriving from the multiple channels and participants in work interactions. Duchêne et al. observe that workplaces “are permeable and constantly influenced by other events, institutions, discourses and groups which flow across each other ... In contrast to studying a set of workplace or institutional interactions as relatively autonomous events with some background context added, [we must] attempt to make linkages across sites, activities and social actors, examining some of the ways in which discourses circulate and are recontextualized ... and spatial, temporal and physical environments rework and reconnect social actors and their talk and text” [2. P. 6].

The concern now is not about adding a few more considerations to IS as it is operationalized in interactional analysis. The philosophical paradigms mentioned earlier, such as embodiment and spatiality, motivate us to consider sociolinguistic analysis in a different way. For example, embodiment, as recently articulated by many sociolinguists [39; 31], expands our perspectives on interactions in the following ways: material resources such as objects and bodies are agentive and shape meaning-making, thinking, and human agency; material resources are equally semiotic, challenging the traditional bias on language as the superior medium of communication (i.e., labeled as “logocentrism”); and all resources work together as an assemblage rather than communicating separately.

In response to these considerations, I revise the central constructs in IS for our analytical purposes. As we might recollect, Gumperz defined repertoires as constituting verbal resources and located them in the speech community. However, the construct has been going through redefinition in keeping with changing analytical needs. Sociolinguists have moved further in their understanding of what constitutes these repertoires and where they are located. Rymes's notion of "communicative repertoire" includes multimodal resources beyond just languages. She defined it as: "the collection of ways individuals use language and literacy and other means of communication (gestures, dress, posture, or accessories) to function effectively in the multiple communities in which they participate" [45. P. 528]. Note that artifacts such as dress and accessories are treated as communicating meanings. Others have demonstrated how objects, such as machines, computers, projection devices, and tools shape meaning [46; 30]. Similarly, Blommaert and Backus explain that 'A repertoire is composed of a myriad of different communicative tools, with different degrees of functional specialization. No single resource is a communicative panacea; none is useless' [47. P. 25]. Mondada has urged that we go beyond treating only gestures as facilitating embodiment, and consider the whole body as shaping communication. She demonstrates how spatial positioning, movement, and posture contribute to meaning making [31]. Mondada and others [48] have also argued for including sensory resources (touch, smell) and affect in our analysis of meanings.

We have also moved beyond treating the speech community as the locus of these communicative resources. Scholars like Blommaert and Backus, Busch, and Rymes focus on the repertoires of individual speakers [47; 49; 45]. They treat these repertoires as evolving from people's life histories. For example, Blommaert and Backus define repertoire as "individual, biographically organized complexes of resources" [47. P. 8]. Detaching a speaker's repertoires from that of the community is well motivated. As we know, an individual's repertoire may not correspond to a community's one. One may not be proficient in all the resources that constitute a community's repertoire. Nor is proficiency limited to the norms of a single community. In the context of mobility, one's life trajectory might play a big role in what communicative activities have been relevant and what resources have mattered for accomplishing them. Räisänen demonstrates how a Finnish engineer's repertoire changes in keeping with his designation and transnational interactions over a period of 13 years [5]. The participant first works as a factory intern in Germany, then as a project engineer and project manager in Finland, and later as an operations manager in China. His register changes from technical to business oriented, while he acquires additional proficiency in German and English, becoming more translingual.

Going beyond the community and the person, other sociolinguists treat repertoires as situational. Goodwin's notion of "substrate" suggests that interlocutors

draw from resources that are embedded in a setting in order to accomplish relevant communicative activities. He defines substrate as: “an immediately present semiotic landscape with quite diverse resources that has been given its current shape through the transformative sequences of action that culminate, at this moment, in the current action [50]. The current substrate organizes coherence by gathering together a limited, but uniquely appropriate, collection of resources implicated in the organization of the specific actions now in progress” [50. P. 11]. We might treat such resources as constituting a “spatial repertoire” [30; 51]. These resources are spatial in the sense that they are situated in the physical contexts (or places) in which the communicative activity occurs. That is, these are the semiotic resources used by previous interlocutors for that activity in that setting. They become sedimented to shape similar communicative activities associated with that place. Other interlocutors draw from them for their own purposes. Consider the typical layout of a classroom, with the configuration of board, screen, podium, and chairs set up in particular relation to each other, and which instructors creatively use for their teaching purposes. In studies of international scientific professionals, we find that though they may bring limited resources in English, they engage with the spatial repertoires in labs and classrooms effectively for successful communication.

In our analysis, therefore, we should be sensitive to how the repertoires of a community, participants, and those available in that setting might shape communication. For migrant professionals, it is not only the language of the profession (community repertoire) or the verbal and nonverbal resources they bring with them (personal repertoire) that matter, but the spatial repertoires in the places they work. Kusters et al. include all of them in their analysis and adopt the label “semiotic repertoires” for such a consideration [48]. Räisänen uses such an orientation productively in her research on a transnational work space in a multinational engineering firm in Finland [5]. She adopts “translingual” as the umbrella term for how all three sources of communicative repertoire work together.

Despite professional communication and sociolinguistic analyses expanding in ways not addressed in early IS studies, I consider Gumperz’s constructs as flexible enough to accommodate emerging considerations. Though contexts are broad and diverse, arguably not always indexed in words, Gumperz’s notion of conversational inference allows us to invoke them in our analysis. This construct reminds us that meaning making and analysis are an interpretive process and cannot be reduced to the literal, present, and verbal. Gumperz is open to drawing from forms of knowledge that emerge as important for explaining the strategies, reception, and production of participants. Contextualization cues can still help us keep track of how layered contexts are invoked and made relevant when necessary. For this, we have to broaden the construct to include other nonverbal resources as also facilitating contextualization and generating meanings, as in the expanded orientation to semiotic repertoires above. In cases of miscommunication, we can ask how contextualization

cues might help participants to signal the relevant contexts to their interlocutors and facilitate interpretation. We should also be open to supplementing IS with analytical tools from CA, ethnography, or CDA to address other considerations that can explain the interaction. The eclecticism of IS enables us to accommodate emerging theoretical, analytical, and geopolitical considerations in transnational work space interactions.

Conclusion

In my own current research, I am studying how professional interactions in skilled migration, particularly in scientific/research interactions, might reveal how multiple languages and modalities are negotiated effectively by multinational participants to suit diverse interests. I find how international scholars who claim limited grammatical proficiency in native speaker varieties of English are still able to communicate successfully because they draw from diverse translingual repertoires. Their Anglo American colleagues are able to engage with them in distributed practice because their work is framed as a collaborative activity for mutual professional benefits. However, I am also able to show that in professional interactions framed in more agonistic and judgmental terms, as in interviews, conference presentations, or teaching, their translingual repertoires can index lack of proficiency and lead to unequal outcomes. Transnational and translingual professional interactions are a rich site for empirical studies on how neoliberal market pressures can be negotiated by multilinguals for more inclusive and ethical outcomes.

References

1. Appadurai, A. 1996. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: U of Minnesota Press publ.
2. Duchêne, A., M. Moyer, and C. Roberts. 2013. "Introduction." In *Duchêne*. Edited by A.M. Moyer and C. Roberts. *Language, Migration and Social (In)equality. A Critical Sociolinguistic Perspective on Institutions and Work*, pp. 1–24. Bristol: Multilingual Matters.
3. Hazel, S. 2015. "Identities at odds: embedded and implicit language policing in the internationalized workplace." *Language and Intercultural Communication*, vol. 15, no. 1, pp. 141–160.
4. Kingsley, L. 2013. "Language choice in multilingual encounters in transnational workplaces." *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 34, no. 6, pp. 533–548.
5. Räisänen, T. 2018. "Translingual practices in global business. A longitudinal study of a professional communicative repertoire." In *Translanguaging as Everyday Practice*. Edited by G. Mazzaferro, pp. 149–174. Berlin: Springer.
6. Sherman, T., and M. Strubell. 2013. "Multilingualism in companies: An introduction." *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 34, no. 6, pp. 511–514.
7. Wodak, R., M. Krzyzanowski, and B. Forchtner. 2012. "The interplay of language ideologies and contextual cues in multilingual interactions: Language choice and code-switching in European Union institutions". *Language in Society*, no. 41, pp. 157–186.
8. Yanaprasart, P. 2016. "Managing language diversity in the workplace: Between "One Language Fits All" and "Multilingual Model in Action." *Universal Journal of Management*, vol. 4, no. 3, pp. 91–107.

9. Iedema, R., and H. Scheeres. 2003. "From doing to talking work: Renegotiating knowing, doing, and talking." *Applied Linguistics*, no. 24, pp. 316–337.
10. Blommaert, J. 2010. *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Gonçalves, K., and A. Schluter. 2017. "Please do not leave any notes for the cleaning lady, as many do not speak English fluently": Policy, power, and language brokering in a multilingual workplace." *Language Policy*, no. 16, pp. 241–265.
12. Ludi, G. 2013. "Receptive multilingualism as a strategy for sharing mutual linguistic resources in the workplace in a Swiss context." *International Journal of Multilingualism*, vol. 10, no. 2, pp. 140–158.
13. Blackledge, A., and A. Creese. 2017. "Translanguaging and the body." *International Journal of Multilingualism*, vol. 14, no. 3, pp. 250–268.
14. Heller, M., and A. Duchene. 2012. "Pride and profit: Changing discourses of language, capital, and nation-state". In *Language in Late Capitalism*. Edited by A. Duchene and M. Heller, pp. 1–22. New York: Routledge.
15. Jaspers, J., and L. Madsen. 2019. *Critical perspectives on linguistic fixity and fluidity*. New York: Routledge.
16. Angouri, J. 2013. "The multilingual reality of the multinational workplace: language policy and language use." *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, no. 34, pp. 564–581.
17. Sarangi, S., and C. Roberts. 1999. "The dynamics of institutional and interactional orders in work related settings". In *Talk, Work and Institutional Order*. Edited by S. Sarangi and C. Roberts, pp. 1–60. Berlin: Mouton de Gruyter.
18. Park, J., and L. Wee. 2012. *Markets of English*. Abingdon: Routledge.
19. Ladegaard, H.J., and C.J. Jenks. 2015. "Language and intercultural communication in the workplace: critical approaches to theory and practice." *Language and Intercultural Communication*, vol. 15, no. 1, pp. 1–12.
20. Roberts, C. 2010. "Language socialization in the workplace." *Annual Review of Applied Linguistics*, no. 30, pp. 211–227.
21. Holmes, J., and M. Marra. 2009. "The complexities of communication in professional workplaces." In *The Routledge Handbook of Language and Professional Communication*. Edited by V. Bhajia and S. Bremner, pp. 112–128. London: Routledge.
22. Gordon, C., and J. Kraut. 2018. "Interactional sociolinguistics." In *The Routledge Handbook of Language in the Workplace*. Edited by B. Vine, pp. 3–14. London: Routledge.
23. Auer, P., and C. Roberts. 2011. "Introduction: Gumperz and the indexicality of language." *Text & Talk*, vol. 31, no. 4, pp. 381–394.
24. Rampton, B. 2017. "Interactional sociolinguistics." *Tilburg Papers in Culture Studies*, paper 175. Tilburg University.
25. Bailey, B. 2015. "Interactional sociolinguistics." In *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Edited by K. Tracy, C. Ilie, and T. Sandel, pp. 826–840. United Kingdom: John Wiley & Sons.
26. Campbell, S., and C. Roberts. 2007. "Migration, ethnicity, and competing discourses in the job interview: Synthesizing the institutional and the personal." *Discourse and Society*, no. 18, pp. 243–272.
27. Gunnarsson, B. 2009. *Professional discourse*. London: Continuum.
28. Virkkula-Räisänen, T. 2010. "Linguistic repertoires and semiotic resources in interaction." *Journal of Business Communication*, vol. 47, no. 4, pp. 505–531.
29. Firth, A. 1996. "The discursive accomplishment of normality. On "lingua franca" English and conversation analysis." *Journal of Pragmatics*, no. 26, pp. 237–259.
30. Canagarajah, S. 2018. "Materializing "competence:" Perspectives from International STEM scholars." *Modern Language Journal*, vol. 102, no. 2, pp. 1–24.
31. Mondada, L. 2016. "Challenges of multimodality". *Journal of Sociolinguistics*, no. 20, pp. 336–366.

32. Moody, S.J. 2014. "Well, I'm a Gaijin": Constructing identity through English and humor in the international workplace." *Journal of Pragmatics*, no. 60, pp. 75–88.
33. Ryoo, H. 2007. "Interculturality serving multiple interactional goals in African American and Korean service encounters." *Pragmatics*, vol. 17, no. 1, pp. 23–47.
34. Higgins, C. 2009. *English as a local language*. Clevedon: Multilingual Matters.
35. Mondada, L. 2012. "The dynamics of embodied participation and language choice in multilingual meetings." *Language in Society*, no. 41, pp. 213–235.
36. Gumperz, J. 2015. "Interactional sociolinguistics: A personal perspective." In *The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed.* Edited by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin, pp. 309–323. Chichester: John Wiley & Sons.
37. Gumperz, J. 1964. "Linguistic and social Interaction in two communities." In *The Ethnography of Communication*. Edited by J. Gumperz and D. Hymes. *American Anthropologist*, vol. 66, no. 6. II (Special Issue), pp. 137–153.
38. Gumperz, J. 1971. *Language in social groups*. Stanford: Stanford University Press.
39. Bucholtz, M., and K. Hall. 2016. "Embodied sociolinguistics." In *Sociolinguistics: Theoretical Debates*. Edited by Coupland C., pp. 173–197. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Higgins, C. 2017. "Space, place, and language." In *Routledge Handbook of Migration and Language*. Edited by S. Canagarajah, pp. 102–116. Abingdon: Routledge.
41. Blommaert, J., J. Van Der Aa, and M. Spotti. 2017. "Complexity, mobility, migration." In *Routledge Handbook of Migration and Language*. Edited by S. Canagarajah, pp. 102–116. Abingdon: Routledge.
42. Canagarajah, S. 2016. *Translingual practices and neoliberal policies: Attitudes and strategies of african skilled migrants in anglophone workplaces*. Berlin: Springer.
43. Goffman, E. 1964. "The neglected situation." *American Anthropologist*, vol. 66, no. 6, pp. 133–136.
44. Blommaert, J. 2005. *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
45. Rymes, B. 2010. "Classroom discourse analysis: A focus on communicative repertoires." In *Sociolinguistics and Language Education*. Edited by N. Hornberger and S. McKay, pp. 528–546.
46. Kleifgen, J. 2013. *Communicative practices at work: Multimodality and learning in a high-tech firm*. Bristol: Multilingual Matters.
47. Blommaert, J., and A. Backus. 2013. "Superdiverse repertoires and the individual." In *Multilingualism and Multimodality: Current Challenges for Educational Studies*. Edited by I. de Saint-Georges and J.-J. Weber, pp. 11–32. Rotterdam: Sense Publishers.
48. Kusters, A., M. Spotti, R. Swanwick, and E. Tapio. 2017. "Beyond languages, beyond modalities: Transforming the study of semiotic repertoires." *International Journal of Multilingualism*, vol. 14, no. 3, pp. 219–232.
49. Busch, B. 2012. "The linguistic repertoire revisited." *Applied Linguistics*, no 33, pp. 503–523.
50. Goodwin, C. 2013. "The co-operative, transformative organization of human action and knowledge." *The Journal of Pragmatics*, no. 46, pp. 8–23.
51. Pennycook, A., and E. Otsuji. 2015. *Metrolingualism: Language in the city*. Abingdon: Routledge.

Bio note:

Suresh Canagarajah is the Evan Pugh University Professor of Applied Linguistics, English, and Asian Studies, Pennsylvania State University, 201 Old Main University Park, PA 16802, USA. ORCID: 0000-0002-1292-2366. E-mail: asc16@psu.edu

Сведения об авторе:

Канагараджа Суреш — профессор прикладной лингвистики, английского языка и востоковедения Университета Эвана Пью в Пенсильвании, Pennsylvania State University, 201 Old Main University Park, PA 16802, США. ORCID: 0000-0002-1292-2366. E-mail: asc16@psu.edu

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-240-250

EDN: OSNXYK

Research article / Научная статья

Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia)

Igor A. Danilov^{ID}

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ igor_danilov_2000@mail.ru

Abstract. The article explores the ethnolinguistic identity of Sakha-speaking Evenks living in the Zhigansky National Evenk District of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of language shift. The study is based on data collected during fieldwork conducted in 2024 in villages with compact Evenk populations. The analysis draws on an ethnosociolinguistic survey ($N = 200$) and is supplemented by insights from in-depth interviews. The findings reveal a growing symbolic significance of the Evenk language, particularly among young people, despite their low proficiency. The designation of the district as a national Evenk territory has had a positive impact on language revitalization efforts by promoting education, cultural events, and linguistic landscape initiatives. Modern technologies also play a crucial role by creating new opportunities for learning and using the language. The study concludes that language loss does not necessarily lead to the erosion of ethnic identity; on the contrary, a language may acquire special symbolic power in the process of its decline. However, for the language to function fully, a comprehensive language policy is essential. The experience of Sakha-speaking Evenks demonstrates the potential for revitalizing minority languages even under prolonged linguistic dominance of other languages.

Key words: Evenki language, ethnolinguistic identity, symbolic power of language, revitalizing minority languages, Zhigansky Evenks

Article history: received 03.03.2025; accepted 14.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding: This article was prepared as part of the project “Organization and Conduct of Monitoring the Functioning of Indigenous Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)”, implemented under the state program of the Republic of Sakha (Yakutia) “Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020–2024.”

For citation: Danilov, I.A. 2025. “Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansky District of the Republic of Sakha (Yakutia).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 240–250. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-240-250>

© Danilov I.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Этноязыковая идентичность якутоязычных эвенков: итоги исследования в Жиганском районе Республики Саха (Якутия)

И.А. Данилов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Российская Федерация

✉ igor_danilov_2000@mail.ru

Аннотация. Исследована этноязыковая идентичность якутоязычных эвенков, проживающих в Жиганском национальном эвенкийском районе Республики Саха (Якутия), в условиях языкового сдвига. В качестве материала исследования используются результаты полевых работ, проведенных в 2024 г. в селах компактного проживания эвенков. Проанализированы данные этносоциолингвистического опроса ($N = 200$), для интерпретации привлечены материалы глубинных интервью. Результаты показывают рост символической мощности эвенкийского языка, особенно среди молодежи, несмотря на низкий уровень владения. Присвоение району статуса национального эвенкийского положительно влияет на процессы ревитализации эвенкийского языка через активизацию преподавания, культурных мероприятий и оформление лингвистического ландшафта. Важную роль также играют современные технологии, предоставляющие новые возможности для изучения и использования языка. Делается вывод, что утрата языка не всегда ведет к размыванию этнической идентичности, а язык может приобретать особую символическую мощь в условиях его утраты. Однако для полноценного функционирования языка необходима системная языковая политика. Опыт якутоязычных эвенков демонстрирует потенциал ревитализации миноритарных языков даже в условиях длительного доминирования другого языка.

Ключевые слова: эвенкийский язык, этноязыковая идентичность, символическая мощь языка, ревитализация миноритарных языков, жиганские эвенки

История статьи: поступила в редакцию 14.10.2024; принята к печати 19.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта «Организация и проведение мониторинга функционирования языков коренных народов в Республике Саха (Якутия)», реализуемого в рамках государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственного и официального языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы».

Для цитирования: Danilov I.A. Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 240–250. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-240-250>

Introduction

In the context of active language shift, characteristic of many Indigenous peoples of Russia, the study of their ethnolinguistic identity becomes particularly relevant as it serves as a key indicator of linguistic processes. The All-Russian Population Census of 2020–2021 revealed intriguing results in this regard. Research conducted by A.F. Khanova, T.A. Bolgina, and O.V. Dragoy demonstrated an “in-

crease in the symbolic power of native (national) languages of the Russian Federation” [1. P. 60] compared to the previous census, as reflected in the growing number of people who consider an ethnic language their native language, regardless of proficiency level. This trend is also evident among the Evenks of Russia, where the percentage of individuals identifying Evenki as their native language (21.5%) exceeds the percentage of those who can actually speak it (13.7%), setting them apart from other Indigenous small-numbered peoples of the North.

Overall, the situation of the Evenki language in Russia is complex and heterogeneous. The widespread dispersion of the Evenks across the North and Siberia results in varying linguistic conditions across regions, leading N.B. Vakhtin to classify the Evenki language as a “special case” [2. P. 180]. Measurements of language vitality in Evenki settlements confirm a significant differentiation in the degree of language preservation — ranging from the early stages of language shift to complete language loss [3. P. 37].

At the same time, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, in its “List of Languages of Russia and Their Vitality Status,” has assigned Evenki a vitality status of 2B-, indicating a nearly universal disruption of inter-generational language transmission, with possible exceptions in Iengra and Ust-Nyukzha [4. P. 51]. However, studies indicate that even in these settlements, the vitality of the Evenki language remains limited. In Iengra (Republic of Sakha [Yakutia]), the language is predominantly used by the older and middle generations in family communication and nomadic clan communities, while in school, it is taught as a subject with a minimal academic load [5. P. 96]. In Ust-Nyukzha (Amur Region), the language is undergoing simplification, particularly among those who spend little time in the taiga, and there is widespread use of Russian loanwords. The younger generation, except for children from reindeer herding and hunting families, demonstrates a low level of proficiency in Evenki. Additionally, mixed marriages contribute to the dominance of Russian in family communication [6. P. 18]. These data highlight the fragility of the remaining pockets of active Evenki language use in Russia and the need for targeted measures to support its preservation.

According to census data, more than half of Russia’s Evenks reside in Yakutia. The Evenks of Yakutia can be roughly divided into two groups: the Evenks of southern Yakutia (Aldan, Neryungri, Olekminsk, Ust-Maya) and those of north-western Yakutia (Anabar, Bulun, Zhigansk, Mirny, Olenek). The latter group, including those from Ust-Maya, transitioned to the Sakha language long ago, leading to the loss of their native Evenki language. As A.A. Sirina notes, “by the mid-19th century, most of the population of northwestern Yakutia was already Sakha-speaking” [7. P. 98].

Given this context, the present study focuses on the ethnolinguistic identity of Sakha-speaking Evenks. This group is of particular interest because, having been

in long-term contact with the Yakuts, the Evenks of northwestern Yakutia have largely lost their native language and shifted to Yakut. This situation creates a unique context for studying the transformation of ethnolinguistic identity and its adaptation to new sociocultural conditions. The scientific novelty of this research is defined by the insufficient study of the ethnolinguistic situation of Sakha-speaking Evenks. The findings contribute to a deeper understanding of the complex processes involved in the formation and transformation of ethnolinguistic identity in the context of language shift.

Materials and Methods

The study focuses on the Sakha-speaking Evenks residing in the Zhigansky National Evenk District of the Republic of Sakha (Yakutia). Established in 1822 as part of the Verkhoyansk Okrug, the Zhigansky District became part of the newly formed Bulun Okrug of the Yakut ASSR in 1924. On December 10, 1930, the Zhigansky National (Evenk) District was officially created. Although its national district status was later revoked, it was reinstated in 2008 [8]. Currently, the district comprises four municipal entities, three of which — Zhigansk, Bakhanay, and Kystatyam — are areas of compact Evenk settlement.

Field research for this study was conducted in these villages in September 2024 by the author in collaboration with Yu.G. Stepanova. A combination of complementary research methods was employed, including surveys, interviews, participant observation, and photographic documentation of the linguistic landscape. To gain deeper insights into linguistic processes, 36 in-depth interviews were conducted with long-term residents, educators, cultural workers, government officials, and representatives of public organizations. The total duration of recorded interviews exceeded 30 hours. Additionally, an ethnosociolinguistic survey of residents from the three Evenk-populated settlements of the Zhigansky District ($N = 320$) was carried out in Russian. The study utilized a disproportionate stratified sampling method in surveying the settlements.

The research instrument consisted of a questionnaire developed by researchers from the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. It included 28 questions divided into three thematic sections:

1. Ethnolinguistic identity (native language selection, language proficiency, domains of language use, challenges in language transmission, etc.);
2. Traditional culture (rituals, ceremonies, holidays, national cuisine, and clothing);
3. Socio-demographic characteristics.

This article analyzes the responses of Evenk participants ($N = 200$) specifically related to the first section — ethnolinguistic identity. The study approaches ethnolinguistic identity within the theoretical framework proposed by N.I. Ivanova

[9. P. 52], which includes the following categories: linguistic self-identification, language competence, language attitudes, and speech behavior.

For data analysis, both quantitative and qualitative methods were applied, including statistical analysis, correlation analysis, content analysis, and socio-linguistic interpretation methods.

Results and Discussion

In the Zhigansky District, the proportion of Evenks in the ethnic structure increased by 7.6% between the 2010 and 2020 census periods. The number of Evenks reporting proficiency in the Evenk language grew significantly from 5 people (0.2%) in 2010 to 570 people (21.7%) in the latest census. A similar increase was observed among Zhigansky residents identifying Evenk as their native language, rising from 3 people (0.1%) to 68 people (2.6%).

Despite the value of population censuses as sources of information on the linguistic situation, it is important to acknowledge that they do not always fully reflect reality. The 2020 All-Russian Census was conducted during the COVID-19 pandemic, which may have affected the quality and completeness of the collected data. Moreover, a study by G.F. Gabdrakhmanova and E. Alos-i-Font identified “several inaccuracies and contradictions in the final statistics of the 2020 census regarding the national and linguistic composition of Russia” [10. P. 36], leading the authors to conclude that the reliability of the 2020 census had declined compared to previous ones. In this context, the perspectives of E.V. Khilkhanova and G.A. Dyrkheeva are particularly relevant, as they advocate for supplementing large-scale statistical data with regional and local studies [11. P. 123].

Our research revealed that 7.5% of surveyed Evenks in the Zhigansky District have proficiency in the Evenk language. However, a breakdown of language proficiency levels presents a more nuanced picture: 53% of respondents reported some degree of proficiency: with 0.5% fluent, 6% conversational, and 46.5% familiar with individual words and phrases. We believe that maintaining even minimal language competence is facilitated by the continuous presence of the Evenk language in the linguistic landscape and ethnocultural space of the district. Only 9.5% of respondents reported no knowledge of the language at all, while 37.5% were uncertain about their proficiency, suggesting unclear perceptions of linguistic competence.

Regarding the reasons for limited Evenk language proficiency, respondents predominantly cited external factors rather than a lack of personal motivation. The most common reasons were the absence of language instruction in schools (42%) and the lack of a linguistic environment in the family (31%). These factors, both linked to limited opportunities for language learning and use, account for a combined 73%, significantly surpassing the proportion of respondents who indicated a lack of necessity for the language (10.5%) or were unsure of their response (15%).

The extremely low percentage (1.5%) of respondents attributing their lack of language proficiency to an unwillingness to learn confirms that the main barrier to language acquisition is restricted access to educational resources and linguistic practice rather than disinterest. Similar to the Bulun Evenks, who also belong to the Sakha-speaking group, the Zhigansky Evenks view the education system as the primary institution capable of ensuring the revitalization and transmission of the Evenk language to future generations [12. P. 355].

At the same time, a significant portion of Zhigansky Evenks (46.5%) consider the Evenk language important for future generations. Among them, 26% of respondents would like their children and grandchildren to learn Evenk as a first language. An additional fifth of respondents ranked it as their second (10.5%) or third (10%) most important language, indicating an existing—though not always dominant—demand for the revival of linguistic traditions. This potential can be realized through the creation of favorable conditions for Evenk language learning and use, including the development of an educational system, support for family language policies, and the establishment of a supportive linguistic environment. It is crucial to note that choosing Evenk as a priority language reflects not only linguistic preferences but also the preservation of ethnic identity, which remains a key factor in the sustainable development of Evenk society.

The latest population census records only 2.6% of Zhigansky Evenks as considering Evenk their native language. However, our research reveals a significantly higher figure—26.5% of surveyed Evenks in the Zhigansky District recognize it as their native tongue. This discrepancy is likely due not so much to an actual increase in the number of speakers as to the growing symbolic importance of the language for ethnic identity. Notably, younger respondents under 40 (32.6%) were more likely to identify Evenk as their native language than those from middle and older generations (20.9%), indicating a shift in how the language is perceived amid active efforts to revitalize and promote it.

The words of a 38-year-old female respondent illustrate this trend: “I used to consider Yakut my native language—it was the first one I spoke and the one I use in daily life. Moreover, because I didn’t know Evenk, I was ashamed to call myself Evenk. But now, everything is different. Today, I proudly say that I am Evenk, and my native language is Evenk.”

This observation aligns with N.Ya. Bulatova’s assertion that “many northern peoples, especially those of mixed heritage, fear identifying with their indigenous communities due to a lack of language proficiency” [13. P. 15]. In this case, Evenk is recognized as a native language despite limited use, breaking down barriers and reinforcing ethnic self-identification. This process of re-ethnization, where language, even without active proficiency, becomes a crucial symbol of ethnic belonging, is exemplified in the above case.

The increasing symbolic power of the language is further supported by data on the hierarchy of ethnic markers. Evenk ranks third (13%) as a key identity marker, following culture and traditions (64%) and history and territory (14%). However, it is noteworthy that nearly as many respondents identified language as a primary marker as those who prioritized history and territory, highlighting its significance as an ethnic resource despite its functional absence. Over time, the role of language as an ethnic marker may continue to grow. For example, in the Olenek National Evenk District — similar in status to Zhigansky — research on the identity of Indigenous youth [14. P. 159] found that language surpassed native land, nature, and historical heritage in importance, ranking second only to culture and customs.

The designation of Zhigansky District as a national Evenk district appears to contribute to positive linguistic trends, increasing interest in the Evenk language and enhancing its symbolic power in the consciousness of Zhigansky Evenks. Similar positive shifts in Evenk language revitalization, associated with national status recognition, have also been observed in other Sakha-speaking settlements with concentrated Evenk populations [15. P. 187].

Respondents also confirm the positive influence of the Zhigansky District's designation as a national Evenk district on the revitalization of the Evenk language. According to them, this is reflected in the increased organization of the Evenk ritual celebration Bakaldyn, both at the local and district levels. Moreover, educational institutions (schools and kindergartens) have become more active in incorporating Evenk elements: elective courses in the Evenk language have been introduced, thematic celebrations are held, and folk ensembles are formed. Cultural centers have also joined this effort.

Interestingly, for a significant portion of respondents (77%), national holidays are the main context in which they hear Evenk speech, highlighting the important role such events play in maintaining even episodic language use. Additionally, 15.5% of respondents listen to Evenk songs, pointing to the potential of musical culture as an additional resource for language preservation and popularization.

Furthermore, in the Zhigansky District, the requirement of Article 35 of the Republic of Sakha (Yakutia) law “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)” (16.10.1992) is observed, which mandates the use of official regional languages, including Evenk, on signage in areas with compact populations of Indigenous northern peoples. The presence of the Evenk language in the linguistic landscape positively influences the self-awareness and ethnolinguistic identity of the Zhigansky Evenks.

In schools in Zhigansky District, there is also an active formation of an internal linguistic landscape incorporating the Evenk language. Educators are working to create a visual environment in the Evenk language, aiming to enrich students' vocabulary. Often, teachers themselves translate signs and prepare materials, demonstrating their high motivation and involvement in the language revitalization process. They note that an important role in this work is played by republic-wide

WhatsApp groups, where enthusiasts and specialists share experiences, provide consultations, and offer Evenk language lessons. Interestingly, the activation of online platforms for learning and using Indigenous languages of the Northern peoples, including the creation of WhatsApp groups specifically for communicating in or studying the native language, became more pronounced during the COVID-19 pandemic [16. P. 217].

Additionally, a key factor contributing to the involvement of Sakha-speaking Evenks in the linguistic environment has been the widespread use of the “Ayana” application, especially popular among younger respondents. As S.I. Sharina writes, the launch of this media platform in February 2021 was a significant event for the Indigenous peoples of the North, as it provided the world’s first voice translator from Russian to Evenk [17. P. 44]. The accessibility and convenience of using “Ayana” allow Sakha-speaking Evenks to regularly interact with their native language, even without advanced conversational skills. This creates additional opportunities for language learning and contributes to the process of linguistic revival.

Conclusion

Thus, despite the long-standing linguistic shift towards the Sakha language and the low level of proficiency in Evenk, there is an observable growth in the symbolic power of the language. This trend is especially pronounced among the younger generation, indicating a reevaluation of the role of the native language in the self-awareness of the Evenk people. As the study has shown, the designation of Zhigansky District as a national Evenk district has positively influenced the language revitalization processes through the activation of language teaching, cultural events, and the formation of a linguistic landscape. Modern information technologies also play a crucial role in supporting the Evenk language. Mobile applications and online platforms provide new opportunities for learning and using the language, particularly among the youth.

In a broader context, the situation with the ethnolinguistic identity of Sakha-speaking Evenks reflects the complex processes of transformation in the self-awareness of Indigenous Northern peoples in the context of language shift. The loss of a language does not always lead to the dilution of ethnic identity — on the contrary, the language can acquire special symbolic power, and positive ethnicity can become a resource for its revitalization. However, symbolic power alone is not enough for the full functioning of the language. A systematic language policy is necessary, aimed at expanding the spheres of its use and enhancing its prestige.

The experience of Sakha-speaking Evenks in Zhigansky District shows that the language revitalization process can be initiated even in conditions of long-term dominance of another language. Despite the existing linguistic situation, the measures being taken contribute to the growing interest in the language, creating the conditions for further steps in its revitalization.

References

1. Khanova, A.F., T.A. Bol'gina, and O.V. Dragoy. 2024. "Coefficient of emotivity "native language" in the context of measuring the symbolic power of minority languages of the Russian Federation (based on the All-Russian Population Census 2010 and 2020)." *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no 2(44), pp. 58–69. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-2-58-69>. Print. (In Russ.)
2. Vakhtin, N.B. 2001. *Languages of the peoples of the North in the 20th century: essays on language shift*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Press. Print. (In Russ.)
3. Kazakevich, O.A., E.M. Budyanskaya, A.P. Yevstigneyeva, Yu.B. Koryakov, D.D. Mordashova, S.V. Pokrovskaya, K.K. Polivanov, E.A. Renkovskaya, Z.M. Khalilova, and K.O. Sheyfer, 2022. "Language vitality scales and their applicability to specific language situations." *Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 7–47. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47>. Print. (In Russ.)
4. Koryakov, Yu.B., T.I. Davidyuk, V.S. Kharitonov, A.P. Yevstigneyeva, and A.A. Syuryun. 2023. *List of languages of Russia and their vitality statuses. Monografiya-preprint*. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press. Print. (In Russ.)
5. Struchkov, K.N. 2018. "Communicative culture of the Evenks of the village of Iengra in modern conditions." *Theoretical and Applied Linguistics*, no 4(2), pp. 91–98. https://doi.org/10.22250/2410719020184291_98. Print. (In Russ.)
6. Ivanashko, Yu.P., O.N. Morozova, N.Ya. Bulatova, and L.N. Maksimova. 2017. "Sociolinguistic situation in the village of Ust-Nyukzha, Tyndinsky district, Amur region." *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 3(4), pp. 13–33. https://doi.org/10.22250/2410-719020173413_33. Print. (In Russ.)
7. Sirina, A.A. 2012. *Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, worldview*. Moscow: Vostochnaya literature Press. Print. (In Russ.)
8. *Zhigansk ulus: history, culture, folklore*. 2012. Yakutsk: Bichik Press. Print. (In Russ.)
9. Ivanova, N.I. 2022. *The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Sakha language at the beginning of the 21st century, the ethnosociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka Press. Print. (In Russ.)
10. Gabdrakhmanova, G.F., and E. Alos-I-Font. 2024. "On the issue of recording nationality and language proficiency in the All-Russian Population Census 2020-2021." *Sociological Studies*, no. 1, pp. 28–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032>. Print. (In Russ.)
11. Khilkanova, E.V., and G.A. Dyrkheyeva. 2024. "Language and ethnic identity in the mirror of population censuses and regional surveys: the case of the Buryat language." *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 4(46), pp. 112–126. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-4-112-126>. Print. (In Russ.)
12. Danilov, I.A., N.E. Zakharova, and A.E. Zakharova. 2024. "The symbolic power of the Evenki language in the context of the stability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia." *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 348-359. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22>. Print. (In Russ.)
13. Bulatova, N.Ya. 2017. "Language processes in the era of social transformations (based on the Evenki language)." *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 3(2), pp. 5–19. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_5_19. Print. (In Russ.)
14. Ignat'yeva, V.B., O.V. Vasil'yeva, A.G. Tomaska, E.G. Maklashova, Yu.G. Stepanova, and I.A. Danilov. 2022. *Identity, language and culture of the youth of the indigenous peoples of the North: Results of research in Yakutia*. Novosibirsk: Nauka Press. (In Russ.)
15. Danilov, I.A. 2022. "The Evenki language in the village of Syuldyukar, Mirny district, Republic of Sakha (Yakutia): a reverse language shift?" *Sociolinguistics*, no. 2(10), pp. 174–192. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-174-192>. Print. (In Russ.)

16. Zakharova, A.E., and N.E. Zakharova 2023. “Sociolinguistic situation in a multiethnic region (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)).” *Unity and diversity of languages and cultures of the peoples of Russia (on the example of the republics of Bashkortostan, Tatarstan, Sakha (Yakutia), Dagestan*, pp. 196–219. Ufa: Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Press. Print. (In Russ.)
17. Sharina, S.I. 2022. “Minority languages in the Republic of Sakha (Yakutia): features of modern language policy.” *Sociolinguistics*, no. 2(10), pp. 32–52. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-32-52>. Print. (In Russ.).

Список литературы

1. Ханова А.Ф., Больгина Т.А., Драгой О.В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 58–69. <https://doi.org/10.23951/2307–6119-2024-2-58-69> EDN: WLH SKF
2. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке : очерки языкового сдвига. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. 338 с. ISBN 5-86007-298-8 EDN: FCYDYT
3. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 7–47. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47> EDN: VNQGTR
4. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А. Список языков России и статусы их витальности : монография-препринт. Институт языкознания РАН, 2023. 80 с.
5. Стручков К.Н. Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 91–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98 EDN: YOQKNV
6. Иванашко Ю.П., Морозова О.Н., Булатова Н.Я., Максимова Л.Н. Социолингвистическая ситуация в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 3. № 4. С. 13–33. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_13_33 EDN: YRIGWD
7. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. Москва : Восточная литература, 2012. 604 с.
8. Жиганский улус: история, культура, фольклор. Якутск : Бичик, 2012. 391 с.
9. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. : этносоциопсихолингвистический аспект. Новосибирск : Наука, 2022. 284 с. EDN: FVJLGF
10. Габдрахманова Г.Ф., Анос-И-фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 28–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032> EDN: KGNWMK
11. Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А. Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 4 (46). С. 112–126. <https://doi.org/10.23951/2307–6119-2024-4-112-126> EDN: LCCBDX
12. Данилов И.А., Захарова Н.Е., Захарова А.Е. Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 348–359. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22> EDN: OYTVHF

13. Булатова Н.Я. Языковые процессы в эпоху общественных трансформаций (на материале эвенкийского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 3. № 2. С. 5–19. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_5_19 EDN: ZNEKWP
14. Игнатьева В.Б., Васильева О.В., Томаска А.Г., Маклашова Е.Г., Степанова Ю.Г., Данилов И.А. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера : итоги исследования в Якутии. Новосибирск : Наука, 2022. 272 с. <https://doi.org/10.7868/978-5-02-041506-5> ISBN: 978-5-02-041506-5 EDN: KITAON
15. Данилов И.А. Эвенкийский язык в селе Слюдякар Мирнинского района Республики Саха (Якутия): обратный языковой сдвиг? // Социолингвистика. 2022. № 2 (10). С. 174–192. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-174-192> EDN: YFVFTE
16. Захарова А.Е., Захарова Н.Е. Социолингвистическая ситуация в полиэтническом регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан). Уфа : Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, 2023. С. 196–219.
17. Шарина С.И. Миноритарные языки в Республике Саха (Якутия): особенности современной языковой политики // Социолингвистика. 2022. № 2 (10). С. 32–52. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-32-52> EDN: NRZFIT

Bio note:

Igor A. Danilov is a Junior Researcher of the Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1 Petrovskogo St, Yakutsk, 677027, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1974-3088, eLibrary SPIN-код: 3644-6370. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Сведения об авторе:

Данилов Игорь Альбертович — младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1. ORCID: 0000-0002-1974-3088, eLibrary SPIN-код: 3644-6370. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264

EDN: PEVPUB

Research article / Научная статья

Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multicultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan

Mahanbet Dzhusupov^{ID}Uzbekistan State World Languages University, *Tashkent, Republic of Uzbekistan*✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The research deals with the problem of bilingualism and polylingualism in the aspect of intercultural communication in the conditions of Kazakhstan and Uzbekistan in diachronic and synchronic aspects. Multilingualism, multiculturalism, intercultural communication has an ancient history in the republics of Central Asia, on the territory of which Arabic, Farsi, Russian functioned in different periods of history along with Turkic languages (Kazakh, Uzbek, Kyrgyz, Turkmen, Karakalpak, etc.). Each of these languages in different epochs fulfilled the functions of the language of state documents, the language of education and science, and communication in the process of intercultural communication. Bilingualism and transcultural practices had three sides until the beginning of the 20th century: 1. Implementation of linguistic and intercultural communication in Arabic as a result of the adoption of Islam: introduction of Muslim religious concepts, principles, rules of behavior, culture of interpersonal and social communication, school education (in makhtabs), education in madrasas into everyday life. 2. Implementation of linguistic and intercultural communication in Farsi due to the functioning of the Bukhara Emirate and the prevalence of Farsi in the spheres of education, fiction, science. 3. Realization of intra-state linguistic and intercultural communication in the Turkic language by the majority of the population. After 1917, with the formation of the USSR, the Russian language was actively introduced on the state ideological basis. The total introduction of the Russian language through the system of compulsory school education, in the system of science and culture has yielded its results: by 1990 Turkic-Russian bilingualism and biculturalism had covered the overwhelming majority of the population (up to 90%, in some regions of Kazakhstan and Uzbekistan — up to 100%). The varieties of polylingualism actively functioning are: Kazakh-Russian-Uzbek, Kazakh-Russian-Kirghiz, Uzbek-Russian-Tajik, Uzbek-Russian-Karakalpak, Karakalpak-Russian-Uzbek, Karakalpak-Uzbek, Karakalpak-Uzbek-Kazakh and others. At present, with the active entry of English into the education system, bilingualism and polylingualism with its participation are being formed: Kazakh-Russian-English, Uzbek-Russian-English, Uzbek-Russian-English and others. Varieties of bilingualism and polylingualism with the participation of English are characterized by localization in diplomacy, joint enterprises, international projects, etc. Before the arrival of the Russian language, people mainly became bilinguals in the conditions of natural functioning of bilingualism, and in the XX century — in the combination of natural non-native (Russian) language environment in Turkophone conditions with the system of school and university polylingual education. In the course of the work the comparative,

© Dzhusupov M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

intra-language comparison, deductive and inductive methods were used, which helped to determine the theoretical and practical significance of the topic of scientific research.

Key words: bilingualism and polylingualism, transculturality, interrelation of language and culture, combination of natural and classroom bilingualism, Turkic, Arabic, Farsi, Russian, mutual influence

Article history: received 24.11.2024; accepted 19.03.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dzhusupov, M. 2025. “Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multicultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 251–264. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264>

Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков, *Ташкент, Республика Узбекистан*

✉ mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема билингвизма и полилингвизма в аспекте межкультурной коммуникации в условиях Казахстана и Узбекистана в диахроническом и синхроническом аспектах. Многоязычие, поликультурность, межкультурная коммуникация в республиках Центральной Азии имеет древнюю историю, на территории которой наряду с тюркскими языками (казахский, узбекский, киргизский, туркменский, каракалпакский и т.д.) функционировали в разные периоды истории арабский, фарси, русский. Каждый из этих языков в разные эпохи выполнял функции языка государственных документов, языка образования и науки, общения в процессе межкультурной коммуникации. Билингвизм и транскультурные практики до начала XX в. изучались в трёх аспектах: 1) осуществление лингвomeжкультурной коммуникации на арабском языке в связи с принятием ислама: внедрение в повседневную жизнь мусульманских религиозных понятий, принципов, правил поведения, культуры межличностного и социального общения, школьного образования (в мактабах), образование в медресе; 2) осуществление лингвomeжкультурной коммуникации на фарси в связи с функционированием Бухарского Эмирата и распространённости фарси в сферах образования, художественной литературы, науки; 3) осуществление основным большинством населения внутригосударственной лингвomeжкультурной коммуникации на тюркском языке. После 1917 г. с формированием СССР активно на государственной идеологической основе внедряется русский язык. Тотальное внедрение русского языка через систему обязательного школьного образования в систему науки и культуры дало свои результаты: к 1990 г. тюркско-русским билингвизмом и бикультурностью было охвачено подавляющее большинство населения (до 90 %, в отдельных регионах Казахстана и Узбекистана — до 100 %). При этом активно функционируют такие разновидности полилингвизма: казахско-русско-узбекский, казахско-русско-киргизский, узбекско-русско-таджикский, узбекско-русско-каракалпакский, каракалпакско-русско-узбекский, каракалпакско-узбекско-казахский и др. В настоящее время с активным вхождением английского языка в систему образования формируется билингвизм и полилингвизм с его участием: казахско-русско-английского, узбекско-русско-английского и др. Разновидности билингвизма и полилингвизма с участием английского языка характеризуются локализованностью в дипломатии, совместных предприятиях, международных проектах и т.д. До прихода русского языка

билингвальными в основном становились в условиях естественного функционирования билингвизма, а в XX в. — в сочетании естественной неродной (русской) языковой среды в условиях тюркофонии с системой школьного и вузовского полиязыкового образования. В ходе работы использованы сопоставительный, дедуктивный и индуктивные методы, внутриязыковое сравнение, что способствовало определению теоретической и практической значимости темы научного исследования.

Ключевые слова: билингвизм, полилингвизм, транскультурность, взаимосвязь языка и культуры, сочетание естественного и аудиторного билингвизма, тюркский, арабский, фарси, русский, взаимовлияние

История статьи: поступила в редакцию 24.11.2024; принята к печати 19.03.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Dzhusupov M. Bilingualism, Polylingualism in Central Asia and Their Interaction in a Multicultural Turkic-Speaking Environment: Kazakhstan, Uzbekistan // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 254–264. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264>*

Introduction

The phenomena of bilingualism, polylingualism and multiculturalism are closely interrelated and mutually conditioned, as the one contributes to the formation of the other, due to this there is a two-way improvement in the form of borrowed vocabulary, cultural values, national-cultural interpretation, which, as a rule, becomes the property of the language of the recipient nation with invariant functioning in the language of the donor nation [1–7].

The results of languages contacts and cultures, bilingualism, polylingualism, biculturalism and multiculturalism can also be negative: the extinction of people, their language, culture in the process of colonisation or complete merging (entering) into the language and culture of another ethnos functionally dominant in all parameters, which politically, educationally, etc. creates conditions for the disappearance or serious assimilation of a linguo-ethnic-cultural society.

In the conditions of Central Asia, which historically is a natural laboratory of interaction and mutual influence of languages and cultures, even in the Middle Ages and earlier gave the world outstanding Turkic scientists, thinkers, poets, who framed their works depending on the peculiarities of the linguocultural paradigm (epoch), contact of different languages and cultures, either in Arabic (Al-Farabi), or in Farsi (A. Beruni, A. Navoi, Nizami, M. Dulati), or in Turkic (M. Bobur, K. Jalairi) or in all three languages (A. Yassavi). Beruni, A. Navoi, Nizami, M. Dulati), either in Turkic (M. Bobur, K. Jalairi) or in all three languages (A. Yassavi) [see 8; 5], in the XX century and in Russian (O. Suleimenov et al.), in native and Russian languages (Ch. Aitmatov) [9–12]. Such polylingual, multicultural and sociocultural situations formed in time different types of bilingualism and polylingualism (Turkic-Arabic, Turkic-Persian-Arabic, Turkic-Arabic-Persian, Persian-Arabic-Turkic, Turkic-Russian, etc.), which left their trace in many Turkic languages in the form of linguistic and cultural borrowings [see 13; 8; 14].

Thus, there is a large concentration of languages and cultures both historically and in modern conditions in Central Asia, which is characteristic primarily of Uzbekistan and Kazakhstan, where monolingualism, bilingualism, polylingualism, biculturalism, and multiculturalism have been functioning since ancient times in interaction and mutual influence, based on the tolerance of the state-forming people towards the languages and cultures of other peoples. These interlingual and intercultural relationships have shaped Kazakhstan and Uzbekistan as multi-ethnic and multinational linguistic and multicultural States with dominant Turkic languages and cultures — Kazakh and Uzbek.

Kazakhstan, Uzbekistan: Languages, Cultures, Tolerance and Interlinguocultural Communication

Language is realized in different social spheres, which depends on many linguistic and extra-linguistic conditions that contribute to the creation of monolingual, bilingual and polylingual relationships between individuals within a society corresponding to these socio-cultural features. Different spheres of social activity form its members as individuals according to these monolingual and monocultural, bilingual and bicultural, polylingual and polycultural relationships between them.

Man and society both in the aspect of universal and in the aspect of national-cultural are formed as their carriers in their inner world and their implementation in the external manifestation (in language, culture, behavior, etc.) in the process of implementation of the three main functions of language — communication, message, impact, which include the plan of culture.

Language communication is impossible not in combination with culture and vice versa — cultural communication without language communication is impossible.

All kinds of communication (in the field of general culture, culture of science, etc.) are formed through language, so language is a carrier and linguoreализer of all types and kinds of cultures formed in the history of mankind.

A national society can function as monolingual, bilingual and polylingual, which depends on many historical conditions of its habitation. In a monolingual national society there is no interlingual and intercultural communication. When inter-lingual communication is necessary, a certain number of bilinguals and polylinguals are purposefully trained to carry out inter-lingual, intercultural and official-business communication. However, the society as a whole remains monolingual and monocultural. Thus, bilingualism and biculturalism, polylingualism and multiculturalism are based on monolingualism and monoculturalism. Based on them, the individual and society “go” to bilingualism, biculturalism, etc., discovering similarities and differences in the own and the foreign [15], which over time becomes less foreign or even “like one’s own”.

In the first case (less alien) the individual and the national society or its part possess a second language, a second culture. But their inner world clearly distinguishes the boundaries of preserving their own (native) from the alien (non-native). These are bicultural bilinguals with dominance of the native language or possession of native and non-native languages to the same extent. In this case, the native and the non-native function in the life of the individual and society depending on the situation of interlinguocultural communication.

In the second case, when the non-native (foreign) is formed in the individual and society at the level of “as one’s own”, serious linguistic and cultural shifts towards the foreign take place. There is a partial or complete loss of national language and national culture. This leads to the disappearance of the nation as an original part of humanity. For example, the languages and cultures of the peoples of the north of the Russian Federation (Toleuts, Shorts, Evenks, etc.)

In order for a national language and culture to fully function in close interlingual and intercultural communication with other peoples, even in the case of official domination of one language and one culture over others at the state level, it is necessary that one’s own (native) language has an appropriate history of not only oral but also written culture, science, literary, folklore, etc. foundations that are formed and keep the nation in its own nationally self-conscious linguistic, psychological, behavioural macro- and microcultural, cognitive, static and micro-cultural etc. bases, which are formed and hold, the nation in a proper national-self-conscious linguistic, psychological, behavioural macro- and micro-cultural, cognitive, static and dynamic state. This is the force that allows mastering a foreign language and culture, and preserves its own in its own form and, of necessity, with elements borrowed from the foreign.

In the former USSR such Turkic-speaking republics were Azerbaijan in the Caucasus, Kazakhstan, Uzbekistan (in its composition with Karakalpakstan), Kyrgyzstan, Turkmenistan [16–19], Persian-speaking Tajikistan, where the native and the foreign functioned separately and in harmony of mutual understanding and complementarity. Although, of course, the official desire to dominate and the dominance of Russianness in many spheres of social activity of the national society in the Soviet Union was clearly visible, which had, on the one hand, a great positive influence, and on the other hand — a negative impact.

Thus, the interaction and mutual influence of languages and cultures have two sides — positive and negative, based on bi- and polylinguality and intercultural communication, i.e. on transcultural practices [20; 8].

In the conditions of Kazakhstan and Uzbekistan, polylingualism and poly-culturalism contributed to the formation of intra-state bilingualism and biculturalism, polylingualism and multiculturalism, which formed intercultural communication on the basis of one and even two or three languages. Thus, in the 20th century, initially intercultural communication between different ethnic groups is

carried out in Russian, nowadays — in the state language and in Russian depending on the purpose and situation of communication.

The resettlement of the Russian-speaking population to the territory of Kazakhstan began in the 19th century with the aim of strengthening and rooting the Russian language and the corresponding way of life in the new territories. They resettled peasants, for whom life in their historical homeland was hard and miserable. This was also connected with the abolition of serfdom (1861), which created a mass of landless peasants. These settlers mainly settled in Western, Central and Eastern Kazakhstan. Old Believers, Baptists, and others whose religious beliefs were based on other strands of Orthodoxy and Christianity in general, as well as the Cossacks as a powerful military force, were primarily subjected to resettlement. At the same time, a policy of reducing the indigenous (Kazakh) population was spread. In these regions punitive campaigns were carried out to steal cattle, set fire to dwellings, take away children and baptize them into Orthodoxy. This state of affairs continued to varying degrees until almost 1917. After 1917 there were famines in Kazakhstan in 1922–1923 and in 1930–1933 (during collectivization), during which about half of the Kazakh population died out. A certain part of Kazakhs went to neighboring Turkic-speaking republics and to China. Thus, in these Kazakh lands, the number of Kazakh population and the use of the Kazakh language decreased sharply and the number of Russian-speaking population and the use of the Russian language increased sharply.

The next big wave of increase of the Russian-speaking population in Kazakhstan began with the development of virgin lands in 1954–1955 and onwards. Only about 1 million Russian-speaking population was sent (voluntarily and involuntarily) to the territory of Kazakhstan. Only with the first wave more than 340,000 thousand young Russian-speaking population was sent to the Kazakhstan virgin lands. This circumstance increased the Russian-speaking population in the region to an even greater extent and seriously strengthened the functioning of the Russian language in intra-language, interlingual and intercultural communication both in the named regions and in the whole of Kazakhstan. Thus, intra-Kazakh inter-linguistic and intercultural communication in the Russian language was formed at the expense of a sharp decrease in the number of Kazakh population and a sharp narrowing of the function of the Kazakh language.

The Kazakh language fulfilled the functions of intercultural communication on the territory of Kazakhstan to a greater or lesser extent during the Soviet period. It was mainly in the south of the country and in the territories where Germans were resettled, a sufficiently large part of which mastered the Kazakh language and in places of non-compact residence of Russian-speaking people: in Kazakh villages dominated by the Kazakh population and language.

Interlinguocultural communication on the territory of Kazakhstan has an ancient history, as Kazakh people were in close linguistic, cultural, economic,

military contact with the peoples of Bukhara Emirate, Khiva Khanate, Kokand Khanate, with the northern regions of China, with the border regions of Russia (before its colonisation of Kazakhstan). In the Kazakh Khanate, created in the XV century (1465), its subjects were not only Kazakhs, but also Uzbeks, Uyghurs, Sarts, etc. Therefore, this state was polylingual. Therefore, this state was polylingual, multicultural mainly due to Turkic-speaking peoples with the dominance of the indigenous (Kazakh) language and culture. Thus, polylinguality, transculturality is a historical real phenomenon for Kazakhstan. The difference in polylinguality and transculturality of the Kazakh people before and after the arrival of the Russian Empire and the Russian language is that in the Kazakh Khanate the Kazakh language and culture were not forcibly introduced among other peoples. And the ideology of the Russian Empire and the USSR was the introduction of the Russian language to the detriment of the native (Kazakh) language. Thus, during the period of development of virgin lands in Central and Eastern Kazakhstan more than 1000 Kazakh schools were closed for various reasons of non-educational nature. Russian-language schools were opened everywhere, which became one of the serious reasons for the functioning of Russian as the dominant language that fulfils the functions of inter-ethnic communication.

At present, the situation in Kazakhstan is levelling out with some dominance of the Kazakh language as a means of intercultural communication within the country. And this function is likely to develop. The country's education system trains specialists in Russian, English, Chinese and other languages. The Russian language functions polyaspectively in the system of education, science and state activity. The overwhelming majority of the Kazakh people is Kazakh-Russian bilingual and further polylingual.

The system of polylingual and multicultural interaction on the territory of Kazakhstan used to be formed at the expense of natural multilingual and multicultural environment, and less often at the expense of language teaching. At present it is carried out on the basis of a smooth combination of functioning of natural polylingual and multicultural environment and functioning of polylingual education at school and in higher education.

The functioning of bilingualism and polylingualism, biculturalism and multiculturalism in Uzbekistan is similar to that in Kazakhstan, but it has had and has its own peculiarities, which relate both to the past centuries of the nation's history and to the history of the twentieth century and the present.

Historically, there were three States in the territory of Uzbekistan: the Khanate of Khiva, the Khanate of Kokand and the Emirate of Bukhara. In these khanates and the Emirate, the main population was Turkic-speaking (Uzbek, Kazakh, Turkmen, Karakalpak, Kyrgyz and, to a lesser extent, Uighur). In the Bukhara Emirate, the Farsi language was of great importance, which functioned in Samarkand and in some districts of the Ferghana Valley, Surkhandarya and Kashkadarya

provinces. Farsi was the official business language of these states for a long time. But in unofficial conditions, Turkic in its Kipchak and Karluk-Chigilian dialects dominated both in terms of population and the language of everyday communication.

Due to the serious differentiation of the official language in the state bodies and the language of everyday communication of the population in these states, the language of inter-linguistic and intercultural communication for the educated elite, civil servants, etc. was Farsi, and for others (the overwhelming majority of indigenous peoples) was Turkic. Thus, polylinguality and transcultural practice have historically been a natural demand in these territories, as relations within and between each state formation required and promoted the language (or languages) of interethnic communication, which included intercultural communication, both in linguistic, domestic and educational terms.

Historically formed such varieties of bilingualism, biculturalism, polylingualism and multiculturalism already in the XX century (in the period of the USSR) contributed to a sufficiently rapid acquisition of the Russian language, because in the consciousness of a certain part of the indigenous peoples of these Central Asian states there were historically formed psycho-images of bilingualism, polylingualism, multicultural diversity. In the system of these bilingual, polylingual psycho-images another psycho-image of language (Russian) was introduced, which in the XX century, especially in its second half was the functional dominant in two main provisions: 1) the compulsory learning and mastering of it as the language of state power (although there was no law on the state language in the USSR); 2) its introduction at the state level into all social spheres of activity of an individual and society regardless of national-cultural and territorial differences.

Thus, the republics of Central Asia are an environment of languages and cultures, each of which is characterized by universal (universal) and national-cultural features, which is the main indicator of an individual's belonging to a particular national community.

Therefore, each Central Asian state is a field of aggregates (classes) of monolingual, bilingual and polylingual phenomena functioning in conditions of monocultural, bicultural, multicultural interactions and complementarity.

Linguistic diversity in a democratic State also gives rise to diversity in the education system (i.e. democracy in the choice of the language of education). Thus, in Uzbekistan, complete secondary education (11 grades) is provided in seven languages (Uzbek, Russian, Kazakh, Karakalpak, Kyrgyz, Tajik and Turkmen). In Kazakhstan — in five languages (Kazakh, Russian, Uzbek, Uighur, Tajik). When entering a higher education institution, graduates of these multilingual schools have the same educational rights, since education in these languages is taught according to a single state programme, and therefore their matriculation certificates are of the same state standard.

Thus, linguistic diversity in the Central Asian states (a large sociolinguistic situation) also gives rise to a system of multilingual education. Multilingualism in the everyday life of the people and multilingualism in the education system together contribute to the formation of bilingualism and polylingualism, which is a high linguistic and cultural heritage of the Central Asian states.

The main types of bilingualism and polylingualism functioning in these states are as follows:

1) Kazakhstan: Kazakh-Russian, Kazakh-Uzbek, Kazakh-Uyghur; Uzbek-Kazakh, Uyghur-Kazakh, Tajik-Kazakh (Russian-Kazakh: to a lesser extent), Kazakh-Russian-English, Kazakh-Russian-Uzbek, Uyghur-Kazakh-Russian, etc.

2) Uzbekistan: Uzbek-Russian, Uzbek-Kazakh; Uzbek-Karakalpak, Uzbek-Tajik; Tajik-Uzbek, Karakalpak-Uzbek, Uzbek-Russian-Kazakh, Kazakh-Uzbek-Russian, Uzbek-Russian-Tajik, Tajik-Russian-Uzbek, Uzbek-Russian-Uzbek, Uzbek-Russian-English and so on (Russian-Uzbek to a lesser extent).

In the Central Asian Republics (Kazakhstan, Uzbekistan), representatives of other peoples (except for those in whose language national-language schools function) also live and work. For example, in Kazakhstan there are quite large diasporas of Ukrainians, Germans, Kurds, Crimean Tatars, Ingush, and Karachais, but there are no general education schools in their languages. This is explained by the fact that Ukrainians, Germans, Karachais, Balkars, Koreans, Crimean Tatars, Chechens, Kurds, Ingush, etc. were deported to the territory of Kazakhstan. Therefore, schools with instruction in their languages were not created, according to the ideological views of the USSR: they should have been assimilated into Russian-language schools.

The largest (almost one million) diasporas were Ukrainian and German. As a rule, their children studied in Russian-language schools (in central, northern and eastern Kazakhstan). In the south of the republic, a certain part of Chechens, Crimean Tatars and others studied in Kazakh schools. Korean children also overwhelmingly attended Russian-language schools.

The deported peoples wanted their children to have a good command of the Russian language, as it was the language of the state-forming Russian people.

After rehabilitation, the Karashai, Balkars, Chechens, Crimean Tatars, Ingush, and Germans mostly returned to their historical homeland. Due to the deportation, almost 90% of the younger population of Ukrainians, Germans, Koreans did not speak their native language, i.e. they were formed as Russian-speaking individuals and societies from linguistic and cultural positions.

In Uzbekistan, except for those peoples in whose language general education secondary schools were and are functioning (in 7 languages), there were no schools in their native language for children of Crimean Tatars, Balkars, Koreans and others. The reasons are the same: deportation, so from ideological positions schools were not opened to teach their children in their native language. Koreans, Crimean

Tatars, etc. studied in Russian-language schools, and in rural areas Turkic-speaking Crimean Tatars also studied in Uzbek-language schools. The diaspora of Bukhara Jews also did not have a school with the native language of instruction.

Uzbekistan has had a large Uighur diaspora for centuries. They are not deportees. They are the original inhabitants of Uzbekistan. However, there are no schools with the Uighur language of instruction. There are many reasons for this:

1) Uzbek and Uyghur languages are part of the Karluk-Chigilian dialect of Turkic languages, so mutual understanding with each other does not need additional teaching of the Uyghurs in Uzbek.

2) Close culture in general and behavior, home life, cuisine, etc., which historically formed the internal and external closeness of these two Turkic peoples. This has led to the fact that the overwhelming majority of Uighurs in Uzbekistan have become Uzbek-speaking, not only in language but also in culture as a whole (retaining their native language in everyday life). Outside the home and diaspora community, the mother tongue became the second component of Uzbek-Uyghur bilingualism rather than Uyghur-Uzbek bilingualism.

After gaining independence in 1991, the integration of English into the education system in general and, in particular, into the system of professional activities in some social spheres has been gradually gaining momentum. Bilingualism with the participation of English functions mainly in the activities of separate groups of specialists in joint ventures, international relations, etc. Bilingualism or polylingualism with the participation of English is not mass, as, for example, Kazakh-Russian, Uzbek-Russian, Karakalpak-Kazakh-Russian.

The origins of the formation of bilingualism and polylingualism, biculturalism and multiculturalism in the conditions of Central Asia are as follows:

1. Historical traditional multilingualism (centuries-old, millennia-old), which used to form Turkic-Arabic, Arab-Turkic, Arab-Persian-Turkic and other types of bilingualism, polylingualism, biculturalism and multiculturalism. These phenomena were reflected in the system of state, scientific and artistic activities, as well as in the educational system of those times. Centuries-old social bilingualism, polylingualism and multiculturalism in Central Asia is the traditional basis of their formation and in modern everyday life, when a new language (at one time — Russian, at present — English) enters this polylingual-cultural complex.

2. In the states of Central Asia bilingualism and polylingualism are formed in a smooth combination of natural bilingualism (in the conditions of the corresponding language environment) and artificial (classroom) bilingualism, which together creates qualitative-functional (active) bilingualism. For example, a certain part of young people entering universities in Kazakhstan and Uzbekistan are actively trilingual: mother tongue-Russian-English and even quadrilingual (e.g. Karakalpak-Kazakh-Russian-English), etc.

There is also such a phenomenon when living in conditions of active bilingualism and polylingualism, the overwhelming majority of one nation is not bilingual, polylingual. There are many reasons for this:

1) Lack of desire to master a second language, considering it unneeded for his (or their) life activities.

2) Neglect of other (local) languages on the basis of the false and anti-scientific inference that these languages are semantically and stylistically insufficient for communicative activity in them.

3) Inadequate quality teaching of the non-native (but state) language of the country of foreignphones.

These and other provisions explain the prevalence of Russian-Turkic bilingualism in Central Asia.

Thus, the formation and functioning of linguistic diversity in the region and multilingualism in the education system and in the everyday life of the population depends on many provisions, but the main among them are the democracy in the education system for the choice of the language of instruction, the presence of an appropriate (non-native) language environment, the willingness or unwillingness to learn a second language by the national community, and the state language policy [21; 22].

Conclusion

Bilingualism, polylingualism and multiculturalism in Kazakhstan and Uzbekistan are ancient phenomena, as Turkic-speaking peoples with Persian-speaking, Arabic-speaking, Mongolian-speaking and Russian-speaking peoples have always been present in Central Asia and have led their national-cultural way of life in close multidimensional contact. Therefore, the study of this global scientific problem both in diachronic and synchronous plans has great linguistic, cultural and historical significance.

The Republics of Central Asia are a fusion of different peoples, languages, cultures with the formation of indigenous ethnic groups, languages belonging to the Turkic branch of the Ural-Altaic language family. Bilingualism, polylingualism, respectful attitude to the national cultural life of Turkophones and Turkic peoples in general is a norm of behavior, a norm of everyday work activity, as their non-isolated, but contact living with different Turkic-speaking, Turkic-cultural peoples, as well as with foreign-linguistic and foreign-cultural peoples have formed in their consciousness psycho-images of the concepts of bilingualism and polylingualism, biculturalism and multiculturalism as natural sociolinguistic, sociocultural phenomena as linguocultural-national facts of the surrounding reality.

The formation of such linguistic and cultural tolerance is based on different sources:

a) Residence and labor activity in contact with representatives of different Turkic and other peoples, appropriate education system (natural formation of bilingualism and biculturalism).

b) Forced adoption and formation of bilingualism and biculturalism, polylingualism, biculturalism and multiculturalism due to colonization: forced formation of non-native linguistic, cultural concepts and corresponding activities in the population on the basis of their introduction into the education system, subjecting the population to the language policy created by the non-native (alien) system of ruling in the state.

Bilingualism, polylingualism, biculturalism, multiculturalism of states in Central Asia, as historical established phenomena, continue to develop with the serious introduction of foreign languages: English, Chinese, Japanese, Arabic, Korean, etc. into the education system at school and in higher education, which contributes to the formation and shapes new kinds and types of bilingualism, polylingualism, biculturalism, multiculturalism, transculturalism.

References

1. Shcherba, L.V. 1974. "On the concept of language mixing." In *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka, pp. 60–74. Print. (In Russ.).
2. Haugen, E. 1972. "Language contact." In *New in linguistics*. Moscow: Progress publ., Iss. 6, pp. 61–80. Print. (In Russ.)
3. Gachev, G.D. 1988. *National Images of the World*. Moscow: Soviet Writer publ. (In Russ.)
4. Vereshchagin, E.M., and V.G. Kostomarov. 1973. *Language and Culture*. Moscow: Russian language publ. Print. (In Russ.)
5. Zamakhchari, M. 2008. *The Muqaddimat al-Adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol)*. The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Sciences. Tokio.
6. Dzhusupov, M. 2016. "Interlingual and intercultural contact: concept, word, psycho-image, interference." *Philological Sciences. Scientific reports of higher school*, no. 5, pp. 22–34. Print. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.5-16.022>
7. Dzhusupov, M. 2017. "Bilingual education: the problem of sound and linguocultural interference." *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 14, no. 3. pp. 351–358. Print. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-3-351-358> EDN: WVCJBV
8. Dzhusupov, M. 2015. "Bilingualism and polylingualism involving Turkic, Arabic and Persian languages." *Tiltanym*, no. 2, pp. 20–28. Print. (In Russ.) EDN: CIWHMQ
9. Bakhtikireeva, U.M. 2005. *Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and peculiarities of his Russian artistic text*. Moscow: Triada publ. Print. (In Russ.)
10. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "About translanguaging and transculturation through the prism of one linguistic biography." *Social and Humanities in the Far East*, no. 2(50), pp. 76–80. Print. (In Russ.)
11. Dzhusupov, N.M. 2017. "Translingual and transcultural aspects of stylistic nomination in the artistic text (on the material of O. Suleimenov's poetry). Article 1." *Bulletin of RUDN. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, vol. 8, no. 3, pp. 519–530. Print. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530> EDN: ZIOMYV
12. Dzhusupov, N.M. 2018. "Language deviation as a special type of nomination: general linguistic and linguistic and linguistic aspects." *Bulletin of KSU named after Sh. Ualikhanov. Series philological*, no. 1(2), pp. 54–58. Print. (In Russ.).

13. Polivanov, E.D. 1961. Experience of private methodology of teaching Russian to Uzbeks. Tashkent. Edition 2nd. Tashkent. P. 1. (In Russ.)
14. Mirhaev, R.F. 2024. "History of Arabic-Tatar language contacts in sociolinguistic aspect." Polylinguality and Transcultural Practices, vol. 21, no. 3, pp. 459–468. Print. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468> EDN: KOMGGC
15. Polivanov, E.D. 1933. *Russian grammar in comparison with the Uzbek language*. Tashkent. Print. (In Russ.)
16. Baskakov, N.A. 1966. "Turkic languages (general information and typological characteristics)." In *Languages of the peoples of the USSR*. Moscow: Nauka publ., vol. 2, Turkic languages, pp. 7–42. Print. (In Russ.)
17. *Problems of Modern Turkology*. 1976. Materials of the II All-Union Turkological Conference, Alma-Ata. (In Russ.)
18. *Languages of the Peoples of the USSR*. 1966. Vol. 2. Turkic languages. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
19. Dzhusupov, N.M. 2011. *Turkic symbol in the art text: (linguocognitive aspect)*. Astana: Saryarka publ. (In Russ.)
20. Ter-Minasova, S.G. 2000. *Language and Intercultural Communication*. Moscow: Slovo publ. Print. (In Russ.)
21. Baitursynov, A. 1992. *Language training (works related to Kazakh language and education)*. Almaty: Ana tili publ. Print. (In Kaz.)
22. Shchukin, A.N. 2007. *Linguodidactic Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: AST. Astrel, Guardian publ. Print. (In Russ.).

Список литературы

1. Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука, 1974. С. 60–74.
2. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 61–80.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Москва : Советский писатель, 1988. EDN: VSHFSP
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. Москва : Русский язык, 1973. EDN: ВРНСР
5. *Mahmud Zamakhchari*. The Muqaddimat al-Adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Sciences. Tokio, 2008.
6. Джусупов М. Межъязыковое и межкультурное контактирование: понятие, слово, психообраз, интерференция // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 22–34. EDN: WLZZDX
7. Джусупов М. Билингвальное образование: проблема звуковой и лингвокультурной интерференции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 3. С. 351–358. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-3-351-358> EDN: WVCJBV
8. Джусупов М. Билингвизм и полилингвизм с участием тюркского, арабского и персидского языков // Tiltanym. 2015. № 2. С. 20–28. EDN: CIWHRM
9. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. Москва : Триада, 2005.
10. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–80. EDN: WFRLIB
11. Джусупов Н.М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвижения в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова). Статья 1 // Вестник

- РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 519–530. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530> EDN: ZIOMYV
12. Джусупов Н.М. Языковая девиация как особый тип выдвижения: общелингвистический и лингвостилистический аспекты // Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2018. № 1(2). С. 54–58.
13. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент; Самарканд, 1935. Ч. 1. 91 с. Изд. 2-е : Ташкент, 1961.
14. Мирхаев Р.Ф. История арабско-татарских языковых контактов в социалингвистическом аспекте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 459–468. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468> EDN: KOMGGC
15. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
16. Баскаков Н.А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Москва : Наука, 1966. Т. 2. Тюркские языки. С. 7–42.
17. Проблемы современной тюркологии : материалы II Всесоюзной тюркологической конференции (ред., сост.?) Алма-Ата, 1976.
18. Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. Москва : Наука, 1966.
19. Джусупов Н.М. Тюркский символ в художественном тексте : лингвокогнитивный аспект. Астана: Сарыарка, 2011.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва : Слово/Slovo, 2000. EDN: YQOZJO
21. Байтурсынов А. Тіл тағылымы (Қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері). Алматы : Ана тілі, 1992.
22. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. Москва : АСТ. Астрель, Хранитель, 2007. EDN: VOQVJG

Bio note:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor of Philology, Professor, Honored Professor, Honorary Head of the Department of the Russian language, Uzbek State University of World Languages, 5 Reshetova St, Tashkent, 100151, Uzbekistan. ORCID: 0000-0002-2934-2333. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, почетный заведующий кафедрой русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, 100151, Ташкент, ул. Решетова, д. 5. ORCID: 0000-0002-2934-2333. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

ЭСЦЕ

ESSAY

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-265-273

EDN: PFDRCL

Research article / Научная статья

Bilingualism: Research Problems

Nina Sh. Alexandrova

Sprachbrücke, Berlin, Germany

✉ nina.alexandrova@gmx.ne

Article history: received 29.03.2025; accepted 14.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Alexandrova, N.Sh. 2025. “Bilingualism: Research Problems.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 265–273. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-265-273>

Проблемы исследования билингвизма

Н.Ш. Александрова

Шпрахбрюке, Берлин, Германия

✉ nina.alexandrova@gmx.ne

История статьи: поступила в редакцию 29.03.2025; принята к печати 14.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Alexandrova N.Sh. Bilingualism: Research Problems // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 265–273. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-265-273>

Long-term practice — assisting children and adults in restoring cognitive functions (habilitation and rehabilitation), as well as monitoring the formation of natural bilingualism in healthy children of different ages and in children with language development disorders, has been manifested in a number of works, which, as the years pass, could be developed into a monographic publication. As an approbation, I will share the results of my practical work and findings relevant for com-

© Alexandrova N.Sh., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

prehension of the phenomenon of bilingualism and for the theory of language contacts.

Before immersion in a multilingual environment, I had 13 years of experience working in a rehabilitation center — assisting in the recovery of language and other cognitive functions for patients after brain injuries. Neuropsychology and the theory of interhemispheric asymmetry (the work of Vygotsky, Luria and their adherents) were the theoretical basis of my practical work. The results of comprehension of syndromes observed in visual perception disorders were embodied in the articles describing the biphemispheric organisation of visual gnosis, including the analysis of right — and left-hemispheric dyslexia [1; 2; 34; 36; 39].

Working with patients (children and adults) in a multilingual environment raised many questions and led to the search for theoretical pillars. These were, firstly, the work of Eric H. Lenneberg (*Biological Foundations of Language*, 1967), which argues for the idea of *brain plasticity* (in articles [4; 5] before: ‘brain flexibility’, but here and further — brain plasticity) as part of the dichotomy ‘species specificity — plasticity’. The behavior of higher living beings is represented, on the one hand, by species-specific functions becoming mature, and, on the other hand, at each level gained through maturation, brain plasticity provides the environment for the development and refinement of speech and motor skills. Brain plasticity manifests itself as adaptation, education and recovery of impaired functions. And secondly, Paradis’ work (Paradis M. *A Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. 2004) examines the “two ways of speaking”: different cognitive mechanisms underlying native and foreign language acquisition provide two ways (natural and logical) of language acquisition. According to Paradis, these are implicit and explicit language processes, which manifest themselves as procedural and declarative memory.

Bilingualism by the way of acquisition of the second language is known to be subdivided into natural (two languages are simultaneously or sequentially mastered involuntarily in the process of contacts in the language environment — the natural way) and artificial (the second language is consciously, arbitrarily learnt in the process of classes — the logical way). The first language of a healthy person is always acquired in a living linguistic environment, and we call this language a native language; if two or more languages are acquired in a living linguistic environment, we speak of two (three) native languages. Languages acquired in the process of learning, i.e. in a logical way, are called foreign languages. The two ways of language acquisition rely on different brain neuronal resources, which corresponds to the data of neuropsychology on the different ways of information processing by the right and left hemispheres of the brain.

The acquisition of a second language in a living environment, i.e. the formation of natural bilingualism, occurs utilising the same cognitive mechanisms as the acquisition of a mother tongue in a monolingual environment. There is no universally acknowledged theory of natural bilingualism, so there is no research

methodology. Often the process of bilingualism formation is regarded as a simple doubling of the native language, as a parallel co-development of languages. The principles of language formation in a monolingual environment (a clear programme of successive language improvement) are mechanically transferred and expected in multilingual development. But when immersed in a new linguistic environment (natural bilingualism), something happens that is absolutely impossible in monolingual education: the first language starts to impoverish and may disappear completely (language attritions). Fossilisation, i.e. atrophy of language development, is also possible. This is particularly evident in young children, who simply change from the first language to the second after a short period of bilingualism. But even older people, being in a new linguistic environment, often feel the fading of their native language. Under the monolingual upbringing, halting of development and impoverishment of the language is known to be possible only in case of severe illness.

The lack of the theory of natural bilingualism complicates the solution of various practical problems and in a number of cases leads to errors in the interpretation of the observed facts and the results of experimental work. Thus, individual cases of ‘good’ bilingualism in a child could be regarded as evidence that bilingualism cannot be harmful, but this fact proves only that ‘good’ bilingualism is possible. In some works bilinguals are infants who are addressed by their parents in two languages from their birth. But bilingualism is, first of all, the understanding of both languages, while the process of speech comprehension begins at 9 months of age. Moreover, addressing a child in two languages does not guarantee that the child understands both languages. To date, a serious problem is the differential diagnosis of language development disorders and speech development delays in healthy children caused by the influence of a bilingual environment. In monolingualism, diagnosis is based primarily on the age norm of speech development, while in bilingual upbringing this is impossible due to attritions and fossilisations. Often in respect to bilingualism one can hear the saying ‘the earlier a second language is introduced, the better’, and there are attempts to teach infants several languages simultaneously. These attempts, according to our observations, may lead not to bilingualism, but to the child’s rejection of speech in all languages. The experience of successful bilingual upbringing, on which it would seem possible to rely, turns out to be applicable only in a certain age range. For example, the well-known advice of equal time division between languages can help to develop two languages after the formation of phrasal speech but can lead to a delay in speech formation in the pre-speech period. Is monolingualism the norm but multilingualism the exception? Or vice versa? There is no consensus among scientists on this point. The prevalence of multilingualism in society is sometimes regarded as an indication that it, but not monolingualism, is the norm in the present-day world. But society and cognitive mechanisms are different spheres and the prevalence in society does not mean that this condition is not an accommodation,

an adaptation for cognitive mechanisms. Early bilingualism attracts many parents and educational programme organisers who tend to see only pluses and the guarantee of a brilliant future for their children, whereas the challenges of bilingual education do not receive special attention and analysis.

Monitoring the process of formation of natural bilingualism has revealed certain facts:

- When natural bilingualism develops, a non-pathological erasure of language is observed, and a tendency towards monolingualism is evident [3; 5–8; 10; 13; 15; 30; 31].

- The language environment is only a prerequisite for bilingualism, not the reason for it. Often people (both children and adults) in a multilingual environment do not become bilingual despite hearing the second language regularly. Even in bilingual kindergartens, where seemingly all conditions are created for the acquisition of two languages, children do not always become bilingual [16; 21]. The language, which is not essential for communication, remains only a sound background.

- Children who are in a bilingual environment from their birth do not start speaking two languages simultaneously. As a rule, phrase speech in one language is formed first, and then the second language is picked up [21; 25].

- The formation of natural bilingualism does not depend on the educational status of the family: in migratory conditions, children whose parents do not know or understand the language of the host country become bilinguals first of all.

- Children with lower intelligence in a bilingual environment sometimes can easily acquire two languages and become natural bilinguals. At the same time, the process of bilingualism in healthy children who speak one language well does not always go smoothly. Thus, the level of a child's intelligence is not a decisive factor for the formation of natural bilingualism [11; 25].

- Natural bilinguals/polylinguals are not always successful in acquiring foreign languages at school in a logical way and in their schooling in general. Sometimes early bilingualism is observed in children with poor memory. That is, early multilingualism does not mean good learning abilities and a good memory.

- The reported facts show the difficulty of identifying regularities and the need to add a clarification in some cases: the described phenomena are not inevitable and obligatory, but only possible. Thus, speech failure in a child in a bilingual environment is possible, but not obligatory [25].

Some findings on analysing observations regarding the formation of natural bilingualism led to the following:

1. Generalised observations show that in a bilingual environment the second language is acquired if *the need to communicate* in two languages persists for a long time (!), it is acquired only to the extent *necessary for communication*, it is acquired only in the time range when it is *necessary for communication*, one

of the two evolving languages can get impoverished or completely disappear if *the need to communicate* in this language decreases or completely disappears. A bilingual environment is only a necessary condition for the formation of natural bilingualism, and the reason for the phenomenon is the need to communicate in two languages [21].

2. Description of linguistic phenomena that cannot be defined as native or foreign language [8]:

- language replacement and substitute language,
- language impoverishment and ‘impoverished’ language,
- language acquired in a predominantly natural way during adolescence and later,
- second language enhancement during a person’s lifetime,
- twin languages in early multilingualism.

3. Justification of the hypothesis: the evolutionary purpose of brain plasticity is primarily the maintenance of species-specific forms of behavior [29].

4. Analysis of bilingualism and other manifestations of human language system functioning in the context of brain plasticity. Justification of adaptation as a mechanism for the emergence of natural bilingualism in phylogenesis and ontogenesis. The introduction of a new term ‘*inerasable framework of language*’ [37].

5. Insight into the structure of the cognitive deficit of the most severe child language disorder — impressive (sensory) alalia (a specific disorder of receptive speech development), which, in turn, was the basis for developing a differential diagnosis of the syndrome and planning speech therapy. In this syndrome, a child with normal hearing and intelligence does not begin to understand the speech of others, i.e., he/she cannot master the language as a native language but can acquire it as a foreign language [4; 9; 12; 14; 19; 20; 27].

6. Description of the duality of the organisation of the speech understanding function (based on the analysis of bilingualism and child language syndromes) [43].

7. Discussion of the role of biological and social factors in the formation of language and natural bilingualism. Species (species-specific) knowledge. Knowledge and behavioral characteristics inerasable and erasable [41; 42; 44].

To reach an understanding of the phenomenon of natural bilingualism is possible within the framework of the theory of nonlinear dynamic self-organising systems, which is characterised by constant change-development, unpredictability, irreducibility to special cases and strong dependence on initial conditions. The following works are devoted to this approach:

8. Application of the conceptual apparatus of dynamical systems theory to the phenomenon of natural bilingualism [18; 22–24; 26; 28].

9. Simulation of the process of natural bilingualism (together with physicists and mathematicians) [32; 33; 35; 38; 40].

10. Language contact. Explicit and implicit reasons for the disappearance of minor languages, introduction of the term ‘monolingual repository’ [17; 26; 30; 45].

The problems in understanding bilingualism, in our belief, relate to insufficient attention to the role of biological factors both in the formation of bilingualism and language in general. The language system functions in accordance with the non-linear dynamics of supercomplex systems, and this fact is no more in doubt. Each individual case of natural bilingualism is unique and unpredictable, it is, in fact, only one unique facet of an infinitely multifaceted phenomenon. This fact makes the limited application of existing classifications of bilingualism understandable. But in all the variety of multilingual situations, it is possible to identify those where the probability of a possible negative impact on the formation of the language system will be minor or, on the contrary, great. It is the probability, not a definite reason. One of the dangerous situations in the pre-speech period is presumably an 'aggressive multilingual environment', i.e. a multilingual upbringing in which two or more languages become constantly necessary for communication (e.g. a child takes turns with three multilingual governesses). In such cases, the child is deprived of the chance to ignore one of the languages. However, in families where father and mother speak different languages with the child, the transition to phrasal speech usually takes place in one language, and the second language remains weak for a long time. This option is more favorable. One of the main tasks of multi-lingualism research is to identify a set of dangerous cases during the formation of natural bilingualism (especially in the pre-speech period), in which there is a high probability of a negative impact of the multilingual environment on the general and linguistic development of the child. Also, the most important task of the research on multilingualism is to generalise the available facts and form an adequate attitude to the phenomenon of the disappearance of minor languages, including the role of natural bilingualism in this process. Understanding the explicit and implicit reasons for the phenomenon will help in the search for adequate responses to the challenge of our time.

I hope that the conclusions and results obtained, as well as the questions raised will be useful to researchers of this problem field, will contribute to building knowledge on the multidimensional topic of bilingualism and language contacts. Here are some papers that may be of interest for the researchers working in the same field:

References

1. Aleksandrova, N.S. 1992. "Alexia in the structure of visual-gnostic disorders in patients with focal brain lesions." In *Speech pathology: history of study, diagnosis, overcoming*. Saint Petersburg, pp. 97–106. Print. (In Russ.)
2. Alexandrova, N.Sh. 1999. "Formation of the ability of schematic representation of objects in ontogenesis (Children's drawings)." In *Problems of pathology of development and decay of speech function*. SPb.: St. Petersburg State University publisher, pp. 25–31. Print. (In Russ.)
3. Alexandrova, N.Sh. 2003. "Early childhood bilingualism — aspiration to monolingualism?" In *A.R. Luria and psychology of the 21st century. Reports of the second international conference on the 100th anniversary of the birth of A.R. Luria*. Moscow, pp. 65–73.

4. Alexandrova, N.Sh. 2004. "Children's aphasias and Landau-Kleffner syndrome in the light of brain flexibility." *Journal of neurology and psychiatry after S.S. Korsakov*, issue 104, no. 6, pp. 54–8. Print. (In Russ.)
5. Aleksandrova, N.Sh. 2004. "Early bilingualism and the hypothesis of brain maturation." In *Children's speech as a subject of linguistic research. Materials of the International Scientific Conference*. St. Petersburg. Print. (In Russ.)
6. Aleksandrova, N.Sh. 2005. "Early bilingualism and ways of flexibility. Observations and reflections." In *Ontogenesis of speech activity: norm and pathology: monographic collection*. Moscow: 'Prometheus' MPGU publ., pp. 462–477. Print. (In Russ.)
7. Aleksandrova, N.Sh. 2005. "Early bilingualism and child's abilities." In *Children's bilingualism: Materials of the international scientific-practical conference*. Saint Petersburg, pp. 5–6. Print. (In Russ.)
8. Alexandrova, N.Sh. 2006. "Native language, foreign language and linguistic phenomena that have no name." *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 88–100. Print. (In Russ.)
9. Aleksandrova, N.Sh. 2007. "Children's language syndromes (alalia, children's aphasia, Landau-Kleffner syndrome)." *Journal of neurology and psychiatry after S.S. Korsakov*, issue 107, no. 8, pp. 70–76. Print. (In Russ.)
10. Alexandrova, N.Sh. 2009. "Non-pathological language attrition (first language attrition) in the formation of early natural bilingualism." In *Problems of ontolinguistics — 2009 Proceedings of the International Conference 17–19 June 2009*, pp. 312–314, St. Petersburg. Print. (In Russ.)
11. Alexandrova, N.Sh. 2012. "Impressive bilingualism in a child suffering from mental retardation and expressive alalia: a case study." In *Problems of ontolinguistics*. St. Petersburg: Zlatoust publ., pp. 487–489. Print. (In Russ.)
12. Alexandrova, N.Sh. 2012. "Impressive (sensory) alalia — language without linguistic competence?" In *Fifth International Conference on Cognitive Science 18–24 June 2012, Kaliningrad, Russia Abstracts*, vol. 1, pp. 208–209. Print. (In Russ.)
13. Aleksandrova, N.Sh. 2013. "Two types of bilingualism — similar but different phenomena." In *Proceedings of the scientific conference 'Problems of ontolinguistics — 2013, St. Petersburg, June 26–28*, pp. 400–401. Print. (In Russ.)
14. Alexandrova, N. 2014. "Child language syndromes and hypotheses in psycho- and neuro-linguistics." LAP LAMBERT Academic Publishing; Berlin. Print. (In Russ.)
15. Alexandrova, N.Sh. 2014. "Bilingualism — adaptation in the linguistic sphere?" In *Sixth International Conference on Cognitive Science. Theses of reports. — Interregional social organisation 'Association for Cognitive Studies', Centre for Development of Interpersonal Communications, Kant Baltic State University named after I. Kant*, pp. 114–115. Print. (In Russ.)
16. Alexandrova, N.Sh. 2015. "Why Lera did not start speaking German? Regarding the organisation of bilingual kindergartens." *Curriculare und soziale Aspekte der Bildung und Erziehung bilingualer Kinder*. Band 6; Berlin, pp. 273–275. Print. (In Russ.)
17. Alexandrova, N.Sh. 2016. "Languages in the post-Soviet space. Points of pain. Ways out." In *2nd International Conference and 10th International Scientific Workshop 'Multilingualism and Intercultural Communication: Challenges of the 21st century' (Pula, July 16–23, 2016) 'Multi-lingualism and Intercultural Communication: Challenges of the 21st century' (Pula, 16–23 July 2016)*, pp. 205–207. Print. (In Russ.)
18. Alexandrova, N.Sh. 2016. "Natural bilingualism and the order of chaos. Facts and reflections." In *Seventh International Conference on Cognitive Science. Svetlogorsk, 20–24 June 2016. Theses of reports*, pp. 95–97 Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Print. (In Russ.)
19. Alexandrova, N.Sh., and O.A. Alexandrova. 2016. "Impressive (sensory) alalia — language without linguistic competence?" In *Seventh International Conference on Cognitive Science. Theses of reports*, pp. 97–98. Print. (In Russ.)
20. Alexandrova, N.Sh., and O.A. Alexandrova. 2016. "Impressive (sensory) alalia." *Journal of Neurology and Psychiatry after S.S. Korsakov*, vol. 116, no. 11, pp. 114–120. Print. (In Russ.)

21. Alexandrova, N.Sh. 2017. “Bilingual environment — the reason for natural bilingualism or mere necessary condition?” In *From bilingualism to translanguaging: pro and contra: proceedings of the 3d International Scientific and Practical Conference. Moscow, RUDN University, December 1–2, 2017*, pp. 142–148. Print. (In Russ.)
22. Alexandrova, N.Sh. 2017. “Natural bilingualism as a nonlinear self-organising system.” In *Non-linear Dynamics in Cognitive Studies — 2017 Proceedings of the Fifth All-Russian Conference*, pp. 15–17, Nizhny Novgorod. Print. (In Russ.)
23. Alexandrova, N.Sh. 2017. “Natural bilingualism as an exceptional, though widespread phenomenon.” In *Problems of ontolinguistics — 2017. Language mastering and functioning in the multilingual situation. Proceedings of the annual international scientific conference*, pp. 3–6. Print. (In Russ.)
24. Alexandrova, N.Sh. 2017. “On what sporadic observations of natural bilingualism speaking? Can mathematics help?” In *All-Russian Conference on Cognitive Science KISE-2017: Proceedings of the All-Russian Conference (Kazan, 30 October — 3 November 2017)*. Kazan: Kazan University Publishing House, pp. 494–497. Print. (In Russ.)
25. Alexandrova, N.Sh. 2017. “Can natural bilingualism be harmful?” *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Issues of education: languages and speciality*, vol. 14, no. 2, pp. 211–216. Print. (In Russ.)
26. Alexandrova, N.Sh. 2018. “Extinction of languages, natural bilingualism and nonlinear dynamics.” In *8st International conference on cognitive science: theses of reports, Svetlogorsk, 18–21 October, 2018*. Svetlogorsk, pp. 35–37. Print. (In Russ.)
27. Alexandrova, N.Sh., and O.A. Alexandrova. 2018. “Impressive (sensory) alalia: mastering a language as native is impossible, learning a language as foreign is achievable.” In *8st International Conference on Cognitive Science: theses of reports, Svetlogorsk, 18–21 October 2018*. Svetlogorsk, pp. 38–40. Print. (In Russ.)
28. Alexandrova, N.Sh. 2018. “Super complex natural bilingualism.” In *Challenges of ontolinguistics: Proceedings of the annual international scientific conference*. Ivanovo, pp. 51–53. Print. (In Russ.)
29. Alexandrova, N.Sh. 2018. “Provision of species-specific forms of behavior — the primary goal of brain plasticity?” In *Proceedings of the conference ‘Cognitive research at the current phase’*. Arkhangelsk, pp. 14–17. Print. (In Russ.)
30. Alexandrova, N.Sh. “‘She didn’t know Russian well...’ Bilingualism of the nobility in A.S. Pushkin’s novel ‘Eugene Onegin’ and modern concepts of the nature of bilingualism.” In *Bi-, poly-, translanguaging and language education: dedicated to our Teachers. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference under the auspices of IAPRYAL*. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia publ. (RUDN University), pp. 169–178. Print. (In Russ.)
31. Alexandrova, N.Sh. 2019. “How early can a child become bilingual? *Contemporary ontolinguistics. Proceedings of the annual international scientific conference*. Ivanovo, pp. 314–318. Print. (In Russ.)
32. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, I.V. Nuidel, O.V. Shemagina, and V.G. Yakhno. 2019. “Formalized description of spontaneous learning in multiple languages.” In *Sixth Congress of Biophysicists of Russia. Collection of scientific papers*, pp. 332–333. Print. (In Russ.)
33. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, I.V. Nuidel, O.V. Shemagina, and V.G. Yakhno. 2019. “Modeling series of specifics of natural bilingualism formation.” In *21st International scientific and technical conference ‘Neuroinformatics — 2019’. Collection of scientific papers*, pp. 150–159. Print. (In Russ.)
34. Alexandrova, N.Sh. 2019. “Visual agnosia and duality of visual identification.” In *6th Congress of biophysicists of Russia. Collection of scientific papers*, p. 282. Print. (In Russ.)
35. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, I.V. Nuidel, O.V. Shemagina, and V.G. Yakhno. “Modelling modes for spontaneous mastering of several languages as tools for communication.” In *Non-*

- linear Dynamics in Cognitive Research* — 2019. Proceedings of the Sixth All-Russian Conference, pp. 27–30. Print. (In Russ.)
36. Alexandrova, N.Sh. 2019. “Visual agnosia and duality of visual identification.” In *Nonlinear dynamics in cognitive research — 2019. Proceedings of the Sixth All-Russian Conference*, pp. 22–26. Print. (In Russ.)
37. Alexandrova, N.S. 2020. “Bilingualism and other manifestations of language system functioning in the light of brain plasticity.” *Philological Sciences. Scientific reports of higher school*, no. 6, pp. 170–176. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.170> Print. (In Russ.)
38. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, O.A. Kuzenkov, I.V. Nuidel, O.V. Shemagina, and V.G. Yakhno. 2020. “Bilingualism as an unstable state.” *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci*, vol. 1358, pp. 359–367. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_41 Print. (In Russ.)
39. Alexandrova, N.Sh. 2021. “Schematic drawing as a cognitive process and why patients with facial agnosia ignore faces.” In *First National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. 9th International Conference on Cognitive Science. Collection of scientific papers*. In two parts. Moscow, pp. 285–288. Print. (In Russ.)
40. Alexandrova, N.Sh., V.A. Antonets, O.A. Kuzenkov, I.V. Nuidel, O.V. Shemagina, and V.G. Yakhno. 2021. “Modes of language loss in individual and population bilingualism.” In *First National Congress on Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. 9th International Conference on Cognitive Science. Collection of scientific papers*. In two parts. Moscow, pp. 221–223.
41. Alexandrova, N.Sh. 2021. “Spontaneous Knowledge. What do we know about it today?” In *Non-linear Dynamics in Cognitive Studies — 2021. Proceedings of the 7th All-Russian Conference*. Edited by V.A. Antonets, S.B. Parin, and V.G. Yakhno. Nizhny Novgorod, pp. 7–8.
42. Alexandrova, N.Sh. 2022. “ ‘Computer metaphor’, interhemispheric asymmetry and species (spontaneous) knowledge of HOMO SAPIENS.” *Izvestiya Vysshikh Uchebnukh Zavedeniy. Applied nonlinear dynamics*, vol. 30, no. 3, pp. 358–372. <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2022-30-3-358-372>
43. Alexandrova, N.Sh. 2023. “On human understanding of speech. In search of ‘constructive’ concepts of nature.” In *Language and Artificial Intelligence. Collection of scientific articles upon the results of the conference ‘Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence’* <https://doi.org/10.37892/978-5-907498-47-1-1>
44. Alexandrova, N.Sh. 2023. “On the role of biological and social in the formation of verbal communication.” In *Nonlinear Dynamics in Cognitive Studies — 2023. Proceedings of the 8th All-Russian Conference*. Nizhny Novgorod, pp. 10–11.
45. Alexandrova N.Sh. 2023. “Language Extinction and Natural Bilingualism.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 436–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-436-455>

Bio note:

Nina Sh. Alexandrova is an independent researcher, a specialist in the field of bilingual education, a speech therapist, 16–18 Pettenkofer St, Berlin, 10247, Germany. E-mail: nina.alexandrova@gmx.net

Сведения об авторе:

Александрова Нина Шалвовна — независимый исследователь, специалист в области билингвального обучения, логопед, Германия, Берлин, 10247, Шпрахбрюке, ул. Петтенкофер, д. 16–18, E-mail: nina.alexandrova@gmx.net

ЛИНГВОКУЛЬТУРА. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LINGUOCULTURE. LANGUAGE IN PROCESS

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-274-289

EDN: PKQWII

Research article / Научная статья

Sustainable Development in the British and Russian Linguacultures: A Case Study of Non-Financial Reports

Irina L. Lebedeva , Kseniya V. Makarova

Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation

 lebedevamsu@yandex.ru

Abstract. The study presents the comparative analysis of the verbal and non-verbal means representing the concept of sustainable development/sustainability based on the data of non-financial reports of British companies in English as well as Russian companies both in Russian and in English for 2013–2020. The research covers non-financial reports of four key economic sectors. Non-financial reports are viewed as a representation of corporate discourse. The research has revealed recurrent unique as well as universal linguistic and pragmatic features of the concept of sustainability in two cultures that are presented via semantic fields, demonstrating the core notions and the periphery. Overall, Russian non-financial reports copy the tone and structure of the British reports, albeit avoiding transparency, informality, and diversity of linguistic and persuasive tools, such as metaphors, typical for the British reports. The combination of certain cultural and linguistic features allows us to consider the English translations of the Russian non-financial reports as early signs of Russian English manifestation in this field. Further research from the standpoint of cognitive linguistics may shed more light on how sustainable development/sustainability is verbalized in various varieties of Englishes and linguacultures as such.

Key words: discourse analysis, corporate discourse, British linguaculture, Russian linguaculture, Russian English, non-financial reports, sustainability

Article history: received 14.02.2025; accepted 10.04.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contributions: *Lebedeva I.L.* — research concept, article concept, article text and design, editing, list of references; *Makarova K.V.* — research concept and design, literature overview, data selection and processing, lexical fields organization and drawings.

For citation: Lebedeva, I.L., and K.V. Makarova. 2025. "Sustainable Development in the British and Russian Linguacultures: A Case Study of Non-Financial Reports." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 274–289. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-274-289>

© Lebedeva I.L., Makarova K.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вербализация концепции устойчивого развития в британской и русской лингвокультурах на материале нефинансовых корпоративных отчетов

И.Л. Лебедева[✉], К.В. Макарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ lebedevamsu@yandex.ru

Аннотация. В исследовании впервые представлен сравнительно-сопоставительный анализ совокупности средств вербализации концепции устойчивого развития на материале нефинансовых отчетов британских компаний на английском языке и аналогичный анализ вербальных и невербальных средств в отчетах российских компаний как на русском, так и на английском языке за 2013–2020 гг. Определена проблематика исследования нефинансовых отчетов как разновидности корпоративного дискурса. Выявлены лингвопрагматические особенности вербализации концепции устойчивого развития в корпоративном дискурсе двух лингвокультур; выделен ряд наднациональных семантических доминант, рекуррентных для нефинансовых отчетов обеих лингвокультур; построены семантические поля, отражающие семантическое ядро и периферию в двух лингвокультурах. Рассмотрен вопрос существования определенных черт русского варианта английского языка в отчетах российских компаний. Намечены перспективы исследования концепции устойчивого развития с позиции когнитивной лингвистики в разных вариантах английского языка.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, дискурс-анализ, британская лингвокультура, русская лингвокультура, русский вариант английского языка, нефинансовый отчет, устойчивое развитие

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2025; принята к печати 10.04.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Лебедева И.Л.* — концепция статьи, концепция исследования, текст и оформление статьи, представление данных, правка, список литературы; *Макарова К.В.* — концепция исследования, сбор, систематизация и обработка данных, обзор литературы, составление лексико-семантических полей и подготовка рисунков

Для цитирования: *Lebedeva I.L., Makarova K.V.* Sustainable Development in the British and Russian Linguacultures: A Case Study of Non-Financial Reports // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 274–289. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-274-289>

Introduction

For centuries, the humankind has been searching for the ways to deal with the pressing environmental problems that affect social and economic well-being of every nation on the planet. The solution that allowed to improve the quality of life for millions and foster economic prosperity while preserving the natural resources and environment came in the form of sustainability as a normative concept. It was developed in the 1980s and subsequently has been implemented worldwide, Russia included. The *Sustainability* concept as a term came into widespread practice after its first usage in 1987 in the *Our Common Future* report produced by the *World*

Commission on Environment and Development,¹ which was created by the United Nations in 1983 in order to study the problems of human impact on the environment and to develop ways to normalize this impact. The report uses *sustainability* and *sustainable development* as interchangeable terms and defines sustainable development as “development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs”.² Over the times, the scope of the *sustainable development* concept has continued to expand both geographically and semantically, acquiring new meanings and interpretations in various domains. The current popularity of the concept in business community is confirmed by the growing number of corporate reports on sustainable development: in 2020, 96% of the world’s 250 largest companies reported on this aspect.³

The above-mentioned facts lay the foundation for the study conducted in 2020–2022. The study focuses on the analysis of the linguapragmatic features characteristic for the ways the concept of sustainable development is verbalized in the British and Russian linguistic cultures within the corporate discourse represented by the non-financial corporate reports of the leading companies in the respective countries. The relevance of the research stems from the paradoxical nature of the concept. On the one hand, the popularity of the idea of sustainable development in corporate discourse is confirmed by the growing number of corporate reports in the field of sustainable development. Moreover, *sustainable development* and *sustainability* have become core terms for international organizations and corporations. On the other hand, the widespread use of the terms has created a significant number of interpretations that signify the absence of the universal understanding of the concept. Thus, the research hypothesis was that British and Russian corporate discourse in the field of sustainable development would reveal either the tendencies of unification and standardization of the sustainable development concept complying with the trends of globalization, influencing British and Russian cultures, or tendencies of diversification, demonstrating unique linguapragmatic features of the respected linguacultures. For this purpose, we analyzed non-financial corporate reports of the 2 British and 2 Russian corporations in each of the four key economic sectors: mining and metals (*Anglo American*, *RioTinto*; *OK PYCAJI / RUSAL*, *Северсталь / Severstal*), oil and gas (*BP*, *Shell*; *Газпромнефть / Gazprom Neft*, *Лукойл / Lukoil*), food (*Britvic*, *Diageo*; *Балтика / Baltika Breweries*, *Coca-Cola Россия / Coca-Cola Russia*) and telecommunications (*BT Group*, *Vodafone*; *MTC / MTS*, *Ростелеком / Rostelecom*) industries. Overall, the paper presents the results

¹ Our Common Future, 10 Jan 2025, <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>

² Ibid P. 4

³ Sustainability reporting is growing, with GRI the global common language / Global Reporting Initiative, 10 Jan 2025, <https://www.globalreporting.org/about-gri/news-center/2020-12-01-sustainability-reporting-is-growing-with-gri-the-global-common-language/#:~:text=The%202020%20KPMG%20survey%20of,countries%20%E2%80%93%2080%25%20do%20so>

of a comparative analysis of the set of means verbalizing the concept of sustainable development in 64 non-financial reports of 8 British companies and 128 reports (64 in Russian and 64 in English) of 8 Russian-based companies published in 2013–2020. The study was carried out within the discourse analysis framework combined with the lexical-semantic field approach.

Non-financial corporate reporting represents a subtype of a corporate discourse which we view as a type of institutional discourse in line with the functional approach to discourse. Modern applied linguistics has no straightforward definition of the corporate discourse notion. Firstly, this notion has been relatively recently introduced within the framework of discourse studies which means that its empirical base continues to evolve due to the absence of the fixed genre classification which is subject to interpretations depending on the broad or narrow approach to its definition. In the broad sense, corporate discourse is an umbrella term for the texts created by a certain corporation as well as about that corporation, media texts and textbooks included, which classifies corporate discourse as a type of media discourse, presented via internet [1]. In the narrow sense, corporate discourse is represented exclusively via texts that reflect the company's internal as well external relationships including corporate codes and various types of reports published on the corporate websites [2]. Second, the term corporate discourse is oftentimes substituted by a number of synonyms which is especially true for the Russian applied linguistics. Hence, corporate discourse can be categorized as business, commercial, economic, marketing, negotiation, or professional discourse. We view corporate discourse as “a speech, considered as a purposeful social activity that ensures the self-identification of a group, the incorporation of an individual into a given group and the positioning of a group (company) in the consciousness of the addressee (employee, client, business partner), characterized by certain philosophical, axiological, moral and socio-pragmatic attitudes and a certain repertoire of speech strategies” [2. P. 173]. This definition of corporate discourse reflects its goals which include providing and ensuring professional corporate activity, institutionalization of the corporate institution and its legitimization.

Before we move on to the description of the research findings, it is essential to focus on the notion of non-financial report/reporting itself. According to the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), non-financial (social) report “is voluntarily disclosed information that in a reliable and accessible way demonstrates to key stakeholders the main aspects and results of the companies' activities related to the implementation of the company's sustainable business development strategy”.⁴ Traditionally, there exist three independent types of non-

⁴ Национальный регистр корпоративных нефинансовых отчетов [Natsional'nyy registr korporativnykh nefinansovykh otchetov / National Register of Corporate Non-Financial Reports] // Российский союз промышленников и предпринимателей [Rossiyskiy soyuz promyshlennikov i predprinimateley / The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP)]. (In Russ.) P. 5, 10 Jan 2025. URL: <https://www.rspp.ru/activity/social/register>

financial reports: an ecological, a social and a sustainable development report.⁵ The substantiable development report differs from the other two non-financial reports not only because it was introduced later but also because it reports on both the results of the company's activities during the reporting period as well as its consequences in terms of the company's obligations, its strategies and approaches to management. The sustainable development report is a corporate management tool and a means of improving the transparency of a company's activities for both internal and external stakeholders, which allows for a dialogue with social partners and the public while maintaining a balance between the company's commercial, social and environmental interests. Apart from verbal representations, such reports include non-verbal constituents (tables, pie-charts, visuals), which classify them as polycode or creolized texts. In general, internal and external functioning (corporate and public communication), symbolism and representation on corporate websites allow to distinguish the sustainable development report as a separate genre of corporate discourse.

Discussion

The study of the comparative analysis of the verbal and non-verbal means representing the concept of sustainable development consisted of five stages. The first stage focused on the analysis of the etymology and definitions of the concept name which in English has two interchangeable verbalizations *sustainability* and *sustainable development* whereas Russian non-financial reports traditionally use only one term *устойчивое развитие* [*ustoichivoe razvitie*] which is a semantic translation of the phrase *sustainable development*. Analysis of the English-language dictionaries (*Macmillan*, *Collins*, *Oxford*) showed that *sustainability* / *sustainable development* is predominantly applicable to ecology (maintaining ecological balance, using resources without harming the environment) and economics (having a long-lasting effect). For instance, *sustainability ecology (of economic development, energy sources) the ability to be maintained at a steady level without exhausting natural resources or causing severe ecological damage*, whereas *sustainable development — economic development that is capable of being maintained at a steady level without exhausting natural resources or causing severe ecological damage*.⁶ In fact, *Cambridge Dictionary* lists *sustainability* as a separate term with a definition, whereas *sustainable development* is listed as a widespread collocation, albeit without its own definition.⁷ Therefore, English monolingual dictionaries highlight the ecological component of the concept as well as stress its durability.

⁵ The reports are listed in chronological order.

⁶ Collins Dictionary, 10 Jan 2025, <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/sustainability>

⁷ Cambridge Dictionary, 25 Jan 2025, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sustainable-development>

The Russian term is a calque of the English term *sustainable development*, although many authors consider this to be a poor translation since *развитие* [*razvitiie* ‘development’] in Russian language can hardly be *устойчивым* [*ustoychivym* ‘sustainable’] by its nature. There is a number of alternative translations such as *непрерывно поддерживаемое развитие* [*nepreryvno podderzhivaemoe razvitie* ‘continuously supported development’] [3. P. 215], *самодостаточное развитие* [*samodostatochnoe razvitie* ‘self-sufficient development’], *согласованное развитие* [*soglasovannoe razvitie* ‘coordinated development’] [4. P. 181], *долговременное развитие* [*dolgovremennoye razvitie* ‘long-term development’], *бескризисное развитие* [*beskrisisnoye razvitie* ‘crisis-free development’], *допустимое развитие* [*dopustimoe razvitie* ‘permissible development’], *неистощающее развитие* [*neisto-shchayushchee razvitiie* ‘nondepleting’], *развитие, сохраняющее целостность* [*razvitiie, sokhranyayushchee tselostnost* ‘development that maintains integrity’] [5. P. 436]. Nevertheless, the collocation *устойчивое развитие* [*ustoychivoe razvitie*] is currently considered to be the most widely used and accepted term in the business sphere as can be seen in numerous reports, including non-financial reports, and articles on the issue. Due to this, we consider this collocation to be the name of the Russian-language concept. Unlike its English-language equivalents, the Russian-language concept name is not registered in the majority of Russian-language dictionaries. According to our data, it can be found as an economic term exclusively in *Большой толковый словарь русского языка* [*Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* ‘The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language’] that can be found on *Грамота.ру* [*Gramota.ru*] site: *sustainable development (econ.) — combining the steady improvement of economic and social living conditions with the long-term preservation of the natural foundations of this life* [*устойчивое развитие (экон.) — сочетающее неуклонное улучшение экономических и социальных условий жизни с долговременным сохранением природных основ этой жизни / ustoychivoe razvitie (ekon.) — sochetayushchee neuklonnoe uluchshenie ehkonomicheskikh i sotsial'nykh uslovii zhizni s dolgovremennym sokhraneniem prirodnikh osnov etoi zhizni*].⁸ Numerous definitions found in the Russian-language Internet domain indicate that at the moment there exists no culture-specific definition that would fully reflect the Russian attitude towards the examined concept. The existing definitions are either a direct translation of the United Nations’ and the World Bank’s concept or a quotation from the Decree of the President of the Russian Federation “On the Concept of the Russian Federation’s Transition to Sustainable Development” which highlights the social and economic nature of the concept: *ensuring a long-term balanced solution to the problems of socio-economic development and the preservation of a favorable environment and natural resource potential, meeting the needs of the present and future generations of people* [*обеспечение на перспективу сбалансированного решения проблем*

⁸ Грамота.ру [Gramota.ru], 25 Jan 2025, <https://gramota.ru/meta/ustoychivyy> (In Russ.)

социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей / *obespechenie na perspektivu sbalansirovannogo resheniya problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i sokhraneniya blagopriyatnoi okruzhayushchei sredy i prirodno-resursnogo potentsiala, udovletvorenie potrebnostei nastoyashchego i budushchikh pokolenii lyudei*].⁹

The second stage of the research included the analysis of the non-financial reports on sustainable development in terms of their structural and linguistic aspects in order to identify culture specific features. The four industries (mining and metals, oil and gas, food and telecommunications) that were selected for the research are the leaders in terms of non-financial reporting on sustainable development. The analysis was carried out in a diachronic perspective that covers non-financial reports that date back to three major time periods of the concept development: 2013–2015 (the period before the adoption of the UN 17 Sustainable Development Goals Resolution in September 2015), 2016–2018 (the period when the companies adopted the new UN 17 Sustainable Development Goals Resolution), and 2019–2020 (the period when the companies reported on implementation of the goals adopted in 2016–2018).

First, we analyzed the report titles/headings which represent the compressed localized embodiment of the discourse semantic meanings: not only they express the company's main intention, but also carry factual information, presenting the topic of the report, reflecting the industry or area of the company's activity, while maintaining a balance between brevity, clarity, and attractiveness. It should be pointed out that reports of certain companies (*Vodafone*, *Severstal'*) did not contain any titles in the research period. The most typical semantemes (minimal language elements bearing meaning [6. P. 115]) that were characteristic for all the report headings in all the areas are the semantemes of an axiological, dynamic, and social nature, within which it is possible to identify recurrent meanings or themes. So, the common semantemes for the report headings with an axiological basis, recurrent in all of the sectors, are *resilience*, *reliability*, and *responsibility*: *Building resilience* [Anglo American 2016]; *Building a stronger, safer BP* [BP 2013, 2014]; *Drink responsibly* [Diageo 2013]; Раста *ответственно* [*Rasti otvetstvenno*] / *Growing responsibly*¹⁰ [Baltika Breweries, 2013, 2014]; *Trusted and respected in the community* [Britvic 2014]. The dynamic nature of the report

⁹ Указ Президента Российской Федерации [Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii / Decree of the President of the Russian Federation] «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [O Kontseptsii perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoychivomu razvitiyu / On the Concept of the Russian Federation's Transition to Sustainable Development' of 01.04.1996. № 440. (In Russ.), 30 Feb. 2025, <http://kremlin.ru/acts/bank/9120>

¹⁰ Russian-based companies publish their reports in both Russian and English. Therefore, two versions are given though slash. The Russian headings are given with translation into English in brackets in cases when the translation is not word for word.

headings are expressed through semantemes that indicate the temporal orientation of the reports: *Delivering a sustainable future* [Anglo American 2017]; *Создавая зеленое будущее* [Sozdavaya zelenoe budushchee 'Creating the green future'] / *Reducing impact for the green future* [RUSAL 2019]; *В гармонии с настоящим, с заботой о будущем* [V garmonii s nastoyashchim, s zabotoi o budushchem] / *In harmony with the present, with care for tomorrow* [Lukoil 2015, 2016]; *Investing in a better tomorrow* [BT Group 2019, 2020]. The social aspect is realized through such semantemes as *contribution, benefit*: *Using the power of communications to make a better world* [BT Group 2014]; *Повышение качества жизни — залог устойчивого будущего* [Povyshenie kachestva zhizni — zalog ustoichivogo budushchego] / *Improving the quality of life is a cornerstone of sustainable future* [MTC, 2016]; *Reimagining energy for people and our planet* [BP 2020]; *Re-imagining mining to improve people's lives* [Anglo American 2020].

The next step in the analysis of the report headings was devoted to the degree of the headings' transparency, i.e. the obviousness of the examination matter. Transparency is typically achieved through direct naming the area of an activity, a key phenomenon, or a product (*Energy with purpose* [BP 2019]; *Responsible energy* [Shell 2020]; *Родные города* [Rodnyye goroda] / *Home towns* [Gazprom Neft 2013]); agent naming (*Мы строим цифровую Россию* [MY stroim tsifrovuyu Rossiyu] / *WE build digital Russia* [Rostelecom 2017]) and target naming (*Making life's everyday moments more enjoyable* [Britvic 2018]; *Using the power of communications to make a better world* [BT Group 2014]; *Building better digital lives* [BT Group 2018]). British companies are more inclined to use such types of headings for their non-financial reports. Headings containing an indirect reference can be classified as semi-transparent, i.e. it is possible to infer the meaning of the heading as well as the topic of the report from the lexical units that are used as a title. Such headings are also mostly typical for the British companies: *Focused on delivery* [Anglo American 2013]; *Re-imagining mining to improve people's lives* [Anglo American 2019, 2020]; *Building a stronger, safer BP* [BP 2013, 2014]; *Responding to the dual challenge* [BP 2018]; *Reimagining energy for people and our planet* [BP 2020]. Non-transparent headlines have zero transparency since they are "coded" in such a manner that their subject matter is not self-evident without referring to the report content matter. Such headings tend to contain repetitions, and cliché phrases that often represent the company's slogans. Comparative analysis indicates that, non-transparent headings are more typical for the Russian non-financial reports: *Растем ответственно* [Rasti otvetstvenno] / *Growing responsibly* [Baltika Breweries 2013, 2014]; *Стремимся к большему!* [Stremimsya k bol'shemu! 'We strive for more!'] / *Aiming higher!* [Gazprom Neft 2017–2020]; *Всегда в движении* [Vsegda v dvizhenii 'Always on the move'] / *Always moving forward* [Lukoil 2013, 2014]; *Ты знаешь, что можешь!* [Ty znaesh', chto mozhesh'] / *You know that you can!* [MTS 2014]; *Набирая темп* [Nabiraya temp / Picking up the

pace] / *Pace through the race* [RUSAL2018]; *Время возможностей* [*Vremya vozmozhnostei*] / *A time of opportunity* [Rostelecom 2016].

The analysis of report headings showed that British linguaculture is characterized by the presence of transparent or semitransparent types of headlines (in accordance with the degree of transparency of the information they contain) whereas non-transparent headings are common for Russian linguaculture. The existence of non-transparent headings basically contradicts the goals of sustainability reporting which aims to improve the transparency and quality of information provided by companies. This conclusion is confirmed by the structural part-of-speech analysis of the headlines: the abundance of adverbial participles in Russian-language headlines can be seen as an implementation of a subliminal manipulation strategy, a way of “blurring” the picture due to the fact that no direct indication is given of either the agent of the action or whether the action has already taken place, or is in the process of being completed. The active use of abstract nouns typical for Russian reports rather than for British ones verifies the above-mentioned conclusion. On the other hand, the deliberate understatement which is characteristic of the headlines of Russian companies’ reports, both in Russian and in English, creates an impression of inflated importance of the issues at hand, adding on “mega-meaning” to the declared ideas. Moreover, such ambiguity gives room for interpretation and allows the target audience to create their own narratives based on the presented information which reflects the national linguistic and cultural characteristics of the studied reports.

The third stage of the comparative analysis of the sustainability reports’ verbalizations involved the study of the macrostructures and macropropositions of sustainability reports. Traditionally, sustainable development consists of three dimensions: economic, environmental, and social. In this sense, the understanding of the concept in British and Russian cultures coincides. In fact, we were able to identify a number of supranational semantic dominants that are recurrent for every report analyzed, without exceptions:

company leadership: *a leader across many fields; we lead our industry; лидер на российском рынке* [*lider na rossiiskom rynke* ‘leader in the Russian market’]; *ведущая компания в России и странах СНГ* [*vedushchaya kompaniya v Rossii i stranakh SNG* ‘leading company in Russia and the CIS countries’],

innovativeness: *smart innovation; new innovative ideas that really make a difference, развитие новых технологий алюминиевого производства* [*razvitie novykh tekhnologii alyuminievogo proizvodstva* ‘development of new technologies for aluminum production’]; *в основу всего, что мы делаем, мы ставим инновации* [*v osnovu vsego, chto my delayem, my stavim innovatsii* ‘we place innovations at the core of everything we do’];

social responsibility: *respecting traditions and culture; playing our role in society; развиваем волонтерское движение и поощряем социальные инициативы*

сотрудников [razvivaem volonterskoe dvizhenie i pooshchryaem sotsial'nye initsiativy sotrudnikov 'we develop the volunteer movement and encourage social initiatives of the employees']; вклад в формирование такого общества, в котором мы все хотим жить [vklad v formirovanie takogo obshchestva, v kotorom my vse khotim zhit' 'contribution to the formation of the kind of society in which we all want to live']];

environmental responsibility: *we want to help the world reach net zero, delivering environmental benefits; ответственное отношение к окружающей среде [otvetstvennoe otnoshenie k okruzhayushchei srede 'responsible attitude to the environment']; рациональное природопользование [ratsional'noe prirodopol'zovanie 'rational use of natural resources']];*

economic efficiency: *ensuring finance flows; growing the financing pool; деятельность генерирует доходы государства [deyatel'nost' generiruet dokhody gosudarstva 'activity generates state revenue']; формирование конкурентоспособной экономики [formirovanie konkurentosposobnoi ehkonomiki 'formation of a competitive economy']].*

The analysis of the macrostructures and structural elements of the reports of British and Russian companies in a diachronic aspect has shown that the emphasis on one of the three aspects of sustainable development concept shifted over times depending on the industry in which the company producing the report operates in. Mining and oil companies in the UK put more emphasis on the ecological issues in their report whereas Russian companies in the same industry are more focused on economic aspects of the reports. Focus on the customer is typical for the company reports of both countries in the food and telecommunications sector. Therefore, British and Russian companies in the food and telecommunications industries place more importance on social aspects in their reports. Overall, the empirical data demonstrates that focus on the economic and social aspects dominated over the environmental aspect before the adoption of the 17 Sustainable Development Goals (SDGs) in 2015. However, the environment angle started gradually gain popularity in 2015 and by 2019–2020 the “environmentalist” theme has secured the key place in the reports on sustainable development which reflects the universal trend towards eco-friendly production and consumption.

The structural elements of the UK companies' reports tend to be more consistent and fixed, although the adoption of the 17 SDGs has led to some insignificant changes. The structure of Russian reports is more fluid and prone to changes. Moreover, not only the Russian reports' structure but their tone and style evolve over times veering farther away from external strictness and formality towards informality and real-life speech which is more typical for the companies' reports in the West. Despite differences in tone and style, both Russian and British reports demonstrate the presence of similar thematic blocks, connected with each of the three aspects of sustainable development. On top of that, reports show the

segmentation of information representing specific stakeholders such as shareholders, clients/customers, partners, employees, and local communities. Traditionally, reports start with an opening sentence introducing a self-representation of the company's core activity as well as its expertise in the field. British companies tend to highlight their worldwide importance whereas Russian companies stress the national leadership: *Anglo American is a leading global mining company with a world class portfolio of mining and processing operations and undeveloped resources* [Anglo American, 2018]; «Северсталь» — поставщик высококачественного металлопроката и стальных труб для строительства, машиностроения, автомобильной и нефтегазовой отраслей, а также один из крупнейших российских производителей железной руды и коксующегося угля [‘Severstal’ — postavshchik vysokokachestvennogo metalloprokata i stal’nykh trub dlya stroitel’sstva, mashinostroeniya, avtomobil’noi i neftegazovoi otraslei, a takzhe odin iz krupneishikh rossiiskikh proizvoditelei zheleznoi rudy i koksuyushchegosya uglya ‘Severstal’ is a supplier of high-quality rolled metal products and steel pipes for the construction, mechanical engineering, automotive, oil and gas industries, as well as one of the largest Russian producers of iron ore and coking coal [Severstal, 2020]. The reports’ introductions generally contain specific references to companies’ goals, mission statements and corporate values that precede the factual information which is presented in order and importance depending on the company’s goals and policy requirements.

The creation of the lexical-semantic fields representing each of the linguacultures has become the last stage of the research. These fields contain the lexical units that constitute the field’s core as well as the periphery which is demonstrated by the font size of the lexemes.

The typical linguacultural feature of the British companies’ reports has become the ubiquitous verbalization of the dramatic importance of the sustainability development concept for each of the analyzed companies which might seem self-evident as the reports are focused on sustainable development. However, this feature is not present in the Russian reports. In sum, the reports of the British companies consistently demonstrate that sustainable development is the inner core, the centre and the essential foundation for each and every activity which is verbalized through lexical units that activate a number of recurrent culture-specific metaphors: HEART as the vital body organ which ensures life (*sustainability is at **the heart** of how we run our business; sits at **the heart** of our approach*), PILLAR/BASIS of the activity (*our three **pillars** of sustainability; delivering our sustainability **commitment** across all aspects of our business; **integrated** throughout our strategy; **integral** to our business; **core**; **part of our everyday** business; plays **central** role; **central** to our vision; **crucial** to delivering our business strategy; **vital** for the future of our business*) and JOURNEY (*sustainability **roadmap**, sustainability **journey***). The usage of the British English spelling for certain lexical

units (*centre, to minimise*) as well as the presence of culture-loaded words (*raise millions of pounds, the UK*) testify to the British linguacultural nature of the analyzed reports.

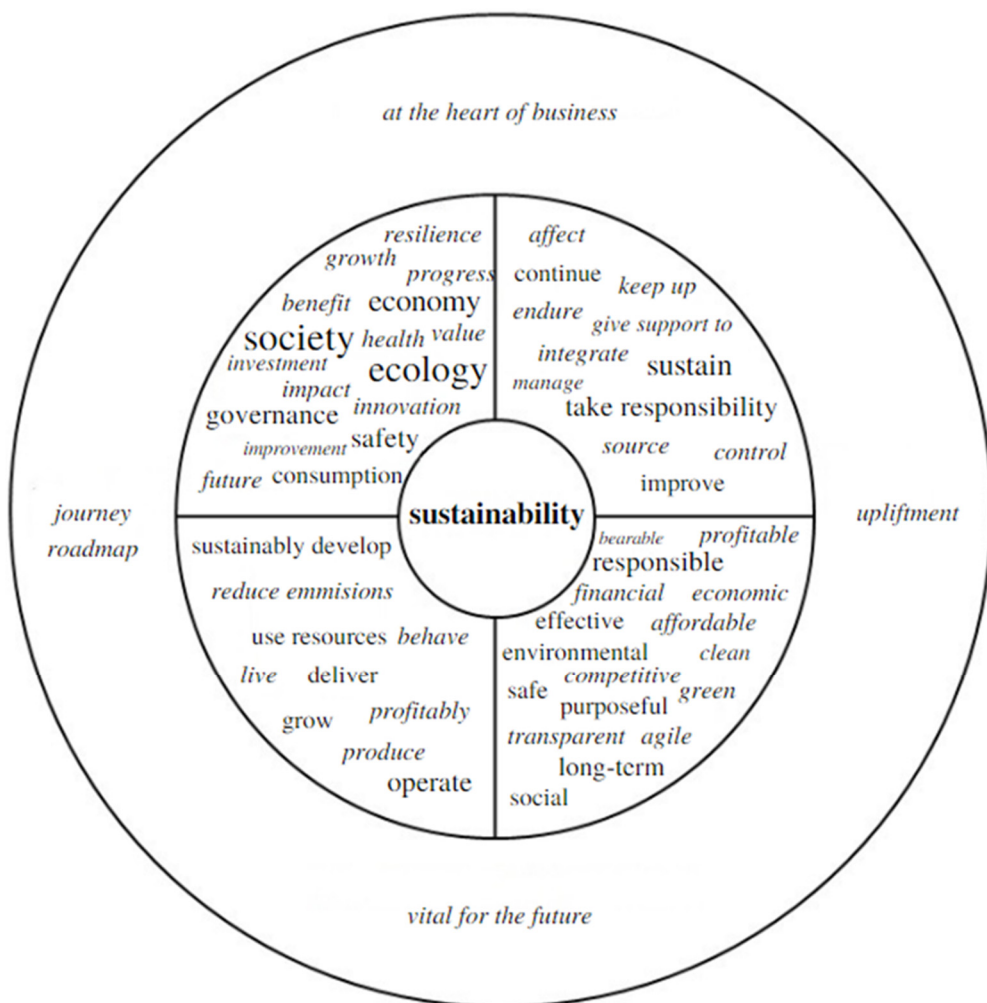

Figure 1. The lexical-semantic field of **Sustainable development / Sustainability** in English

Source: I.L. Lebedeva, K. Makarova

The comparative analysis of the English-language versions of the Russian reports has revealed the following translation transformations:

translation by addition in order to add implicit information: *бизнес* [*biznes* 'business'] = *sustainable business*; *вовлеченность* [*vovlechnost* 'engagement'] = *sustainable engagement*; *цепочка поставок* [*tsepochka postavok* 'procurement'] = *sustainable procurement*;

translation by omission in order to avoid semantic redundancy: *отбор поставщиков с учетом их социального и экологического воздействия* [*otbor postavshchikov*

s uchetom ikh sotsial'nogo i ehkologicheskogo vozdeistviya 'selection of the suppliers taking into account their social and environmental impact'] = sustainable sourcing; *поддержка устойчивого развития бизнеса поставщиков* [podderzhka ustoichivogo razvitiya biznesa postavshchikov 'supporting sustainable development of suppliers' businesses'] = sustainable value chain; *показатели деятельности в области устойчивого развития* [pokazateli deyatel'nosti v oblasti ustoichivogo razvitiya 'sustainable development performance indicators'] = sustainable performance; *экологически безопасный способ* [ehkologicheski bezopasnyi sposob 'environmentally friendly way'] = sustainable way;

translation by lexical substitution: *долгосрочный рост стоимости Компании* [dolgrosrochnyi rost stoimosti Kompanii 'long-term growth of the Company's value'] = sustainable increase in the Company's market value; *достойная и стабильная занятость* [dostoynaya i stabil'naya zanyatost' 'decent and stable employment'] = sustainable working conditions; *ответственное отношение к отходам* [otvetstvennoye otnoshenie k otkhodam 'responsible attitude to waste management'] = sustainable waste management; *рациональное использование природных ресурсов* [ratsional'noe ispol'zovanie prirodnykh resursov 'rational use of natural resources'] = sustainable utilisation of natural resources; *стабильная работа* [stabil'naya rabota 'stable work'] = sustainable operation; *чистый транспорт* [chisty transport 'clean transport'] = sustainable transportation; *экологичная упаковка* [ekologichnaya upakovka 'eco-friendly package'] = sustainable package.

The above-mentioned examples demonstrate the abundance of Russian synonymous equivalents for the lexeme *sustainable* which can be put down not only to the fact that Russian language has longer synonymic chain of words for certain lexemes. This strongly suggests that the concept of sustainable development is still emerging in the minds of Russian speakers. Hence, the authors of the reports tend to attribute additional meanings to the phrase and expand its conceptual field in the Russian language through various synonymic chains of words that verbalize the concept. Likewise, the English versions of the Russian reports tend to use the calque translation *sustainable development* rather than *sustainability* as the equivalent for the phrase *устойчивое развитие* [ustoichivoe razvitie].

Thus, the comparative analysis of the verbalizations has revealed that the lexical-semantic field of the sustainable development concept in English is more diverse and rich due to the semantic imagery and metaphorical nature of the lexical means, whereas in Russian the same effect is reached through the interchangeability of the lexemes *sustainable*, *sustainability* and *sustainable development*. The style of the British reports on sustainable development is free and less rigid whereas Russian reports used to be rigid and formal before the adoption of the 17 SDGs but have started to veer towards informality and metaphoricity since then. The Russian reports of 2013–2020 do demonstrate that they focus on European standards which was typical for the Russian companies of that period as they aimed at integrating into the inter-national business community and attracting international investment.

This tendency can be seen through the lexical and grammatical implementation of such strategies as OWN/WE vs ALIEN/OTHERS, forming “one’s own circle”, intimisation and cohesion, borrowed from the English-language tradition.

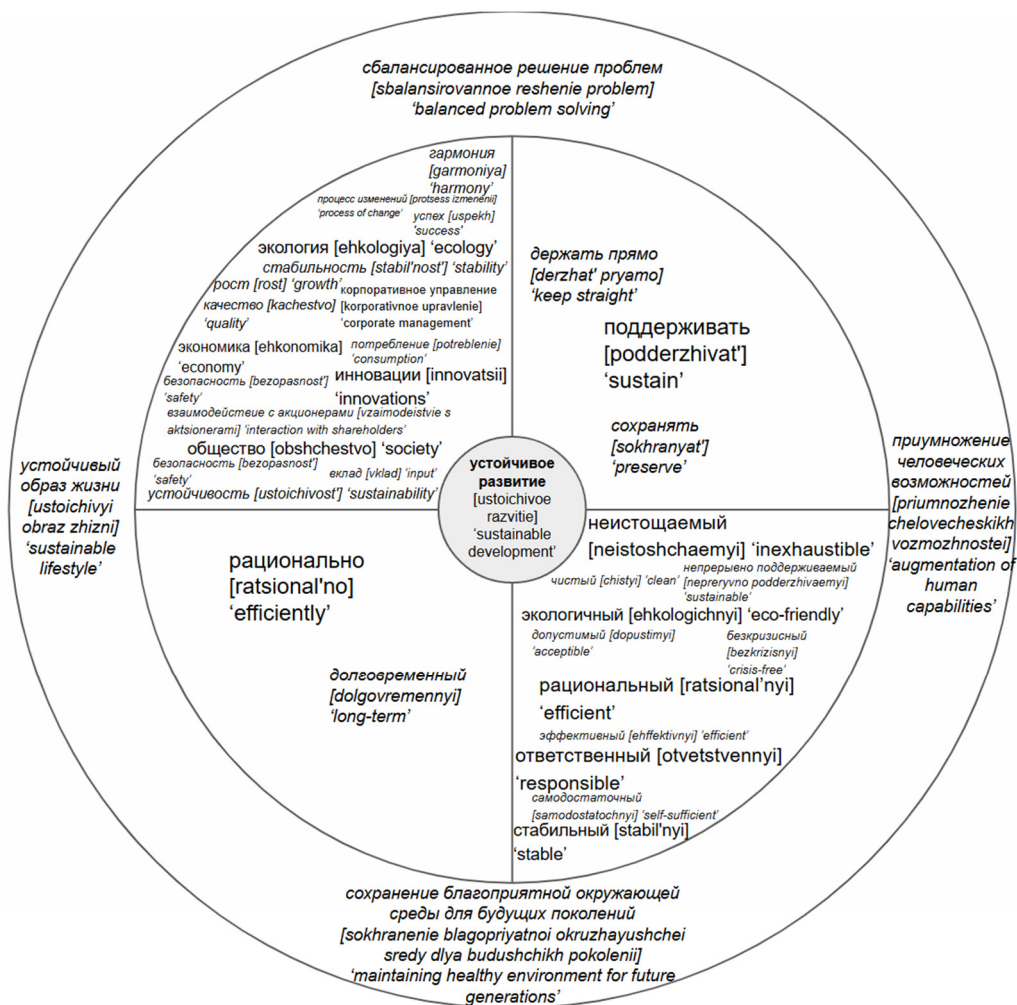

Figure 2. The lexical-semantic field of Sustainable development / Sustainability in Russian

Source: I.L. Lebedeva, K. Makarova

Russian reports have been undergoing transformations becoming less rigid and formal over times whereas British reports do not demonstrate drastic changes in tone or structure over the analyzed period. The style and tone of the Russian reports in English as well as their headings’ nontransparency, reports’ subject matter, choice of lexical units and grammar constructions, extensive synonymic chains as well as the mixture of British and American spelling may prove that non-financial reporting demonstrates culture-specific linguistic features that allow us to identify them as the instances of Russian English which is studied within the World Englishes paradigm.

Conclusion

Answering the question posed as the hypothesis for the research, we can summarize that, according to the findings, there are two tendencies at play within the discourse of non-financial reports in regards to the sustainable development concept: unification at the macro level (coming from the state legislation) and interpretation at the micro level (exercised by individual companies or specific industries). The diachronic analysis of the 16 companies' non-financial reports has revealed that emphasis on one of the three aspects of sustainable development (economical, ecological and social) varies depending on the industry and timeline of the produced reports (prior 17 SDGs in 2015, 2015–2018 or 2019–2020).

Non-financial reporting in Russia is on the rise compared to the previous years, but the quality of the reports is declining.¹¹ Thus, further diachronic analysis should lead to a better understanding of how sustainable development concept has been evolving including the potential acquirement of new culture-specific linguistic features over the latest five years when Russia has changed its geopolitical course and started to focus on internal / domestic rather than international standards which are expected to change in 2030 due to the end of the 17 Sustainable Development Goals program, adopted by all United Nations Member States in 2015.

The further prospects of the research include the study of the *Sustainable development / Sustainability* concept through the lenses of cognitive linguistics in various varieties of Englishes, Asian Englishes and Russian English included, in order to verify if they demonstrate unique linguacultural features that can be identified through further comparative analysis.

References

1. Dobrosklonskaya, T.G. 2004. "What is Medialinguistics?" *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 75–89. Print. (In Russ.)
2. Kolobova, A.A. 2008. "Language means as a tool of teambuilding (A case study of American corporate codes)." *Transbaikal State University Journal*, no. 6 (51), pp. 98–103. Print. (In Russ.) EDN: KTXPTN
3. Gershenzon, V.Ye. 2003. *Information technologies in environment sustainability management*. Moscow: Academia publ. Print. (In Russ.) EDN: QKNNRZ
4. Slabinskaya, I.A., and O.B. Benderskaya. 2015. "On the usage of the term *sustainability*." *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. Journal issues*, no. 12 (3), pp. 181–186. Print. (In Russ.) EDN: VSQXRJ
5. Rozenberg, G.S. 1996. "Dramatic transitional steps towards sustainability." *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, no. 66 (5), pp. 436–441. Print. (In Russ.) EDN: ZUCAQL
6. Danuyshina, Yu.V. 2011. *A multilayered analysis of the Internet business-discourse in English*. Institute of Linguistics. Russian Academy of science. Moscow. Print. (In Russ.) EDN: QFKRMT

¹¹ В 2023 году ускорился рост количества нефинансовых отчетов российских компаний [V 2023 godu uskorilsya rost kolichestva nefinansovykh otchetov rossiyskikh kompaniy] 'The growth in the number of non-financial reports of Russian companies accelerated in 2023' (In Russ.), 10 Jan 2025. <https://frankmedia.ru/185531>

7. Proshina, Z.G. 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Edited by Z.G. Proshina and A. Eddy. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623> EDN: YBXPSH
8. Lebedeva, I.L. 2022. “What’s in a Russian English Username? A Case Study of Social Media Accounts Names.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 1, pp. 146–156.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Что такое медиалингвистика? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 75–89.
2. Колобова А.А. Языковые средства как инструмент командообразования (на примере корпоративных кодексов американских компаний) // Вестник ЗабГУ. 2008. № 6 (51). С. 98–103. EDN: KTXPTN
3. Гершензон В.Е. Информационные технологии в управлении качеством среды обитания. Москва : Академия, 2003. 215 с. EDN: QKNNRZ
4. Слабинская И.А., Бендерская О.Б. К вопросу об использовании термина ‘устойчивое развитие’ // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 12. Т. 3. С. 181–186. EDN: VSQXRJ
5. Розенберг Г.С. Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 5. С. 436–441. EDN: ZUCAQL
6. Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Институт языкознания РАН. М., 2011. 486 с. EDN: QFKRMT
7. Russian English: History, Functions, and Features / Z.G. Proshina and A. Eddy (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623> EDN: YBXPSH
8. Lebedeva I.L. What’s in a Russian English username? A case study of social media accounts names // Полилингвильность и транскультурные практики 2022. № 20 (1). С. 146–156.

Bio notes:

Irina L. Lebedeva is a PhD., Associate Professor for the Department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, bld. 13–14, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1144-0736. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru

Kseniya V. Makarova is MA in Linguistics, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, bld. 13–14, Moscow, 119991, Russian Federation. kseniya.makarova1997@yandex.ru

Сведения об авторах:

Лебедева Ирина Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13. ORCID: 0000-0002-1144-0736. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru

Макарова Ксения Владимировна — магистр лингвистики факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13. E-mail: kseniya.makarova1997@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-290-302

EDN: PPDYET

Research article / Научная статья

Street Art or Successful Commercial Projects? New Functions of the Symbolic Usage of Language in Linguistic Landscapes of Russian Cities

Oleg V. Shcherbakov^{id}

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ shcherbakov.science@yandex.ru

Abstract. The urban linguistic landscape is a dynamically developing object of study in linguistics, sociology, economics and marketing. Its texts are able not only to transmit information, but also to serve a decorative — or symbolic — function. The article examines five creative projects that place texts with symbolic meanings in urban space. The author analyses the texts, identifying their possible functions and the reasons for the high social demand for such projects. Three functions are proposed for the texts in question: psychotherapeutic, marketing, and educational, while the marketing one is often implemented covertly. The article provides a comprehensive analysis of each project and concludes that their popularity among urban residents is linked to the high level of stress in the current socio-economic context and feeling of loneliness in large cities.

Key words: linguistic landscape, urban linguistics, sociolinguistics, symbolic function of language

Article history: received 08.02.2025; accepted 01.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Shcherbakov, O. V. 2025. “Street Art or Successful Commercial Projects? New Functions of the Symbolic Usage of Language in Linguistic Landscapes of Russian Cities.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 290–302. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-290-302>

Стрит-арт или успешные коммерческие проекты? Новые функции символического использования языка в лингвистических ландшафтах российских городов

О.В. Щербаков^{id}

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация

✉ shcherbakov.science@yandex.ru

Аннотация. Городской лингвистический ландшафт — динамично развивающийся объект изучения лингвистики, социологии, экономики и маркетинга. Его тексты могут выполнять не только функцию непосредственной передачи информации, но и декоративную — символическую —

© Shcherbakov O.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

функцию. Рассмотрены пять креативных проектов, которые размещают тексты с символическим значением в городском пространстве. Автор проводит анализ текстов, выявляя их возможные функции и причины высокого социального спроса на подобные проекты. Предложено три функции, которые рассматриваемые тексты выполняют в городском лингвистическом ландшафте: психотерапевтическая, маркетинговая и образовательная, при этом маркетинговая функция зачастую реализуется скрытно. Приводится анализ каждого проекта и делается вывод о том, что их популярность среди горожан обусловлена высоким уровнем стресса в текущем социально-экономическом контексте и одиночества в больших городах.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, городская лингвистика, социолингвистика, символическая функция языка

История статьи: поступила в редакцию 08.02.2025; принята к печати 01.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Shcherbakov O.V.* Street Art or Successful Commercial Projects? New Functions of the Symbolic Usage of Language in Linguistic Landscapes of Russian Cities // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 290–302. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-290-302>

Introduction

Linguistic landscape studies are one of the recently emerged disciplines at the crossroads of linguistics, sociology, urban studies, and economics. Its object is a congregation of linguistic signs in the urban space and their functions. In their book on linguistic landscape studies, D. Gorter and J. Cenoz refer to this discipline as one of the most dynamic areas of sociolinguistics and reveal that it is challenging to agree on only one definition of linguistic landscape and identify the borders of these studies due to a rapidly changing social context and new forms of linguistic signs [1. P. 2]. In this research, we focus on linguistic landscape as a combination of linguistic objects — both oral and written — in the urban space. E. Shohamy adheres to the similar understanding of linguistic landscape, embracing its multi-modal nature [2. P. 27].

In 2015, the John Benjamins publishing house introduced the *Linguistic Landscape* international journal. In its very first issue, E. Shohamy and E. Ben-Rafael defined the key aim of linguistic landscape studies — “to describe and identify systematic patterns of the presence and absence of languages in public spaces and to understand the motives, pressures, ideologies, reactions and decision making of people regarding the creation of linguistic landscape in its varied forms” [3. P. 1]. Russian researcher V. Ivanov shares this point of view and claims that linguistic landscape analysis “went from quantitative assessments of presence of certain languages in the bilingual context to a comprehensive instrument for evaluating the functioning of languages in the public urban space, the influence on official and unofficial language policies, and on particular actors” [4. P. 434]. Following this stance on the purpose of linguistic landscape studies, researchers investigate linguistic

objects from the perspective of two types of their functions: communicative (instrumental, informative) and symbolic (function of language fetishisation).

As for the former function, R. Landry and R. Bourhis underlined that linguistic landscapes help define language characteristics and its prevalence on the certain territory — it is a function of transmitting information [5. P. 25]. For example, a direction sign, an announcement on the door, or a menu at the restaurant are examples of objects that serve a communicative function. The latter function, symbolic, is of no less importance — it reflects the status of the languages used in the linguistic landscape users' worldview. H. Kelly-Holmes refers to this function as “linguistic fetish”, for in this case the choice of a language and a particular word is bound not to its definition, but to how it looks, what associations it may evoke in potential customers, and how these words and languages can contribute to creating necessary associations in their consciousness [6. P. 39].

L. Wee and J. House argue that differentiation between communicative and symbolic functions is somewhat conventional and artificial [7; 8]. The communicative function is definitely inherent in language in general, while it is challenging to identify only one function for the linguistic object, as any communicative act can have a symbolic meaning. However, we agree with L. Wee and J. House who add that a distinction between communicative and symbolic functions is convenient and useful for research purposes [7; 8].

When studying linguistic landscape objects in the communicative function, researchers in Russia and other countries focus primarily on analysing translation errors [e.g., 9] and on the presence of ethnic minority and migrant languages [e.g., 10]. We argue that symbolic linguistic objects are less investigated and more complex, as they are directly linked with the social context in the particular period of social development. In 1998, R. Boyne and A. Gell claimed that cities are filled with texts that “speak” with their citizens [11; 12], whereas today's economy and marketing are built around impressions and images that are recreated in consumers' consciousness with different means, including language [6; 13]. H. Kelly-Holmes highlights that symbolic linguistic objects in the linguistic landscape help create a certain image of a company or a space that should resonate with the target audience [6. P. 38]. The author believes that it is language in its symbolic function, and not only communicative, that has become a new worldwide marketing instrument, and the majority of companies use foreign languages in the symbolic function assuming that they improve their status in the customers' eyes [6. P. 40].

The analysis of symbolic resources requires investigating both offline and online representations of linguistic landscapes. As social media gain more popularity, online representations have become as important for research as their offline versions. I. Maly points out that online representations not only draw new audiences, but also contribute to perceiving a place as hip. In turn, new customers become “prosumers” (professional consumers) — they “actively co-construct the image of

a certain place, street or neighbourhood by word-to-word talk, social media-posting and reviewing places” [14. P. 41]. Posts with photographs serve as reflections of the place’s linguistic landscape and a certain marketing instrument, which is usually centred around language. This form of co-participation in the space development is one of the four elements of experience economy. According to its model that was suggested by B. Pine and J. Gilmore in 1999 [15], consumers make their own contribution to creating experience for each other by participating in the events at the tourist place or a coffeeshop and by sharing content on their social media.

Our study aims to analyse creative projects that place texts in the urban space of Russia filling it with linguistic elements that primarily serve a symbolic function and to define the role these objects and projects play in the modern linguistic landscapes of Russian cities and in the perception of space.

Methods

Researchers claim that linguistic landscape studies, as many other recently emerged disciplines, have not yet established a set of methods that are used for studying the urban language and collecting data [16]. This study is mixed-method research — it employs both quantitative and qualitative methods. We selected 116 objects that were found in the urban space — both in its offline and online representations. All objects belong to five creative projects — “Partisanpress”, «Метромост» [“Metro Bridge”], “Hey, Milkev!”, «Это знак» [“It’s a sign”], and “Sloooshai” [“Listen”]. These are five most popular projects on social media that find their representations in urban landscapes.

To analyse the data collected, we used semantic analysis — a qualitative linguistic method. We analysed denotative and possible connotative meanings of linguistic objects — linguistic landscape elements in the symbolic function — to determine text functions. We also concluded on the relationship between these meanings and the social context at the time of the study.

Results

The “Partisanpress” street art project started its history in 2012. Entrepreneurs print posters with different signs on an old press using a wooden moveable type. At the time of the study, we found 134 options of posters with different texts. Although the project was established as a form of street art, it became a business project centred around language in its symbolic (decorative) function. Recognizable posters are now placed in window-shops and at events. For example, the “Yel” souvenir shop in Moscow decorated its window-shops with welcoming «Привет, Москва!» [“Hello, Moscow!”]. At the “Dushno” [“Stuffy”] festival in Peredelkino literature club in Moscow, Partisanpress posters became a point of attraction — they were announced as one of the event’s elements. Two posters that read «Одеть

Надежду, надеть одежду» [an interplay of two verbs — *одеть* (to put on clothes) and *надеть* (to dress someone) — that are commonly misused by Russian speakers] and «Категорический императив» [“Categorical imperative”] were placed on walls of the club. Playful signs with elements of irony were not chosen by mere chance — they represented aesthetics of the “festival for thoughtful people”.

The “Friend Function” shops in Moscow and St. Petersburg also put Partisanpress posters: «Сейчас самое время» [“Now is the time”], «Просто это красиво» [“That’s just beautiful”], «Спасибо, что пришел» [“Thank you for coming”], «Люди важнее идей» [“People are more important than ideas”]. It is evident that all language objects target at fostering positive and welcoming atmosphere at the shop, which is certainly a good instrument for attracting clientele.

The idea of the “Hey, Milkev!” project belongs to a young resident of Perm, Klim Vikharev. The author places posters with inscriptions on the topics of love and happiness in urban space — for example, «Улыбнись, и всё получится» [“Smile and everything will work out”], «Верьте в то, что любите» [“Believe in what you love”], «Ты лучше, чем ты думаешь» [“You are better than you think”], and so on. In the media and social networks, the project is simply referred to as “kind posters”, and the author shared in an interview that the idea came to him when he began to lack confidence and support in life. He felt that there were many people like him, and kind messages could become important to someone (Perm Online, June, 2023). The project attracted the attention of local residents on social networks, “kind posters” appeared on stickers, bags, postcards, which can be considered an example of language commodification — the use of language objects as a commodity or a business idea. The author has already completed several joint projects with local clothing stores, dentistry, a beauty salon, a cafe and a popular science film festival. The “Fry” coffee shop in Perm decorated its windows with a whole text: «Ты заслуживаешь пить хороший кофе. Ты заслуживаешь читать хорошие книги. Ты заслуживаешь быть любимым. Ты заслуживаешь быть собой» [“You deserve to drink good coffee. You deserve to read good books. You deserve to be loved. You deserve to be yourself”].

In August 2024, “kind posters” appeared on media screens in Perm city transport, which is used daily by hundreds of thousands of residents. Buses, trolley-buses, and trams also began to “speak” to their passengers: «Давай вместе любоваться городом из окна автобуса» [“Let’s admire the city together from the bus window”], «Верь в себя и в неслучайные встречи» [“Believe in yourself and in non-accidental meetings”], «Улыбнись и всё получится» [“Smile and everything will work out”].

The “It’s a sign” project is similar to “Partisanpress” and “Hey, Milkev!” in terms of ideological content, however, it is fundamentally different from other projects discussed in this article. If other projects appeared in the urban offline space and then received their online representations on social networks, this project has

the opposite story. The first photo cards with encouraging texts appeared on the Instagram social network (recognized as extremist and banned in the Russian Federation) in 2020, during the era of the coronavirus pandemic. In an interview with RBC, the creator of the project, Arslan Ibragimov, revealed that he borrowed the concept of the project from the western segment of the Internet (RBC, September, 2021). The same source cites the main function of the project several times — “therapeutical”. The history of the project began with the placement of photographs with text mounted in such a way as if it were part of the urban landscape — language objects appeared in shop windows, instead of advertising posters, on public transport. The purpose of the project and its texts is “to support and encourage people who feel lonely and carry the burden of living in a big city” (RBC, September, 2021). Examples of language objects include the following: «Одно из самых лучших чувств — это потерять привязанность к тому, кто тебе не подходит» [“One of the best feelings is to lose attachment to someone who is not suitable for you”], «Человек, в котором вы нуждались больше всего, научит вас не нуждаться ни в ком» [“The person you needed the most will teach you not to need anyone”], «С кем попало по душам не разговаривают» [“You don’t talk to anyone from the bottom of your heart”], «Абсолютный факт: человек находит время на всё, что действительно хочет» [“The absolute fact: a person finds time for everything they really want”], «Тебе очень идёт быть собой» [“It suits you very well to be yourself”].

The project has found a great response among the account’s subscribers, and entrepreneurs, including the largest Russian and international brands, have begun to show interest in it. Recent joint initiatives include partnerships with VK Video, SDEK delivery service, T-Bank and its travel services, Tvoe clothing brand, Cooper food delivery service, and Yandex Market marketplace. Importantly, the authors of the interview consider this scenario to be natural for any street art project.

One of the largest and most significant joint campaigns of the project from the research point of view is a partnership with the “Cofix” Israeli chain of coffee shops in Moscow. Throughout the month, all cups in the coffee shop, which at the time of the study had 240 branches in Moscow, had recognizable inscriptions of the project written in their trademark red font: «О тебе тоже кто-то мечтает» [“Someone is dreaming of you too”], «Это знак сделать сегодня, а не когда-нибудь» [“This is a sign to do today, not someday”], «Всё, что ты чувствуешь, имеет огромное значение» [“Everything that you feel is of great importance”] (Figure 1), «Впереди лето, тепло, отпуск, разговоры по душам и прогулки до утра» [“Summer, warm days, vacations, heart-to-heart talks, and strolls till the morning are awaiting us”], «Эта мечта появилась в твоём сердце не просто так» [“This dream appeared in your heart for a reason”], «Позволь себе быть неидеальным» [“Allow yourself to be imperfect”], «Спустя год ты будешь счастлив, что начал именно сегодня» [“In a year you will be happy that you started today”]. According to the authors

of the project, the inscriptions appeared on two million cups. Given that “Cofix” operates primarily in the takeaway format, we argue that the joint initiative had a significant impact on the urban linguistic landscape between March 20 and April 15, 2024.

Figure 1. An on-cup sign, part of a collaboration between Cofix and the *It's a Sign* project
Source: photo by O.V. Shcherbakov

The “Metromost” project in Moscow also differs from the other projects discussed in this article. Firstly, this is an official initiative of the city’s Department of Transport, unlike other private projects. Secondly, the linguistic elements of the “Metromost” project are an example of how closely the informative and symbolic functions of language can be intertwined in the urban linguistic landscape. Smolensky metro bridge in the center of Moscow became the first metro bridge in the USSR — it was opened in 1937. In 2019, a media screen was installed on the bridge to broadcast messages to the residents. In 2023, the project had its own channel in the Telegram messenger, which collected all texts that are broadcast on the media screen. Subscribers can send their own messages through a special bot. At the time of the study, the channel had 9,000 subscribers.

According to the nature and content of the texts, they can be classified as follows:

- 1) **playful:** «Я не борюсь с желанием поесть сладкого, я перед ним сдаюсь» [“I don’t fight the urge to eat sweets, I give up on it”], «Лето не пролетело, оно проехало на электросамокате» [“Summer didn’t fly by, it rode on an electric scooter”];
- 2) **motivating, inspiring:** «Вас ждёт только самое прекрасное. Обещаю!» [“Only the most beautiful things are waiting for you. I promise!”], «В душе всегда лето» [“It’s always summer in my soul”];
- 3) **congratulatory:** «НИИ «МосТрансПроект» — 76 лет! Вы создаёте будущее Московского транспорта» [“‘MosTransProekt Research Institute’ is 76 years old! You are creating the future of Moscow transport”], «С Днём программиста! Не за-

бывайте иногда отрываться от своего компьютера и гулять» [“Happy Developer’s Day! Don’t forget to take a break from your computer and go for a walk sometimes”];

4) **cautionary**: «Следуйте рекомендациям врачей — носите маски в транспорте!» [“Follow the recommendations of doctors — wear masks in transport!”], «Победим COVID-19 вместе! Сделайте прививку» [“Let’s defeat COVID-19 together! Get vaccinated”];

5) **invitational**: «Лето закончилось, а яркие события нет. Уже завтра Осенний велофестиваль!» [“Summer is over, but bright events are not. Tomorrow is the Autumn Cycling Festival!”], «Открой в себе художника! Встречаемся 15 сентября на массовом пленэре на Северном речном вокзале» [“Discover the artist in yourself! We will meet on September 15 at the mass plein-air at the Severny Rechnoy Vokzal”].

Cautionary signs appeared extensively on the metro bridge in 2020, during the coronavirus pandemic, and aimed to enable citizens to wear masks and get vaccinated. Other types of inscriptions change each other on the media screen daily. It should be noted that most linguistic objects personify the bridge — the use of pronouns and first-person singular verb forms, rhetorical questions can be aimed at creating a sense of personal communication and presence. On social media, the project is often called “the most sociable bridge”.

This project is particularly interesting from a sociolinguistic point of view. Even though the initiative to create it came from a government agency and the media screen is actively used to congratulate, inspire, and inform citizens, “Metro Bridge”, like other projects discussed in this article, has become a PR tool of the Moscow Department of Transport. The Russian capital city is developing rapidly, and the department’s projects are responding to the demand of citizens for technological, fast, and modern transport. To introduce new initiatives to the citizens, the department uses the media screen on the Smolenskiy metro bridge, among other things: «Не верю, что выставка «Московский транспорт 2030» в «Манеже» скоро закончится. Ещё есть время сходить!» [“I do not believe that the Moscow Transport 2030 exhibition at the Manege will end soon. There is still time to go!”], «А вам не кажется, что трамваи в Москве похожи на самый романтический транспорт на свете?» [“Don’t you think that trams in Moscow look like the most romantic transport in the world?”], «Виртуальная «Тройка», беспилотный трамвай... Я что, уже в будущем?» [“Virtual *Troika*, unmanned tram... Am I already in the future?”] *Troika* is a name for a transport card in Moscow], «25 лет люблюсь, как ЦОДД заботится о движении Москвы!» [“For 25 years I’ve been admiring how the Center for the Organization of Road Traffic takes care of Moscow’s traffic!”] (Figure 2).

We did not classify this type of object into a separate element, since “advertising” inscriptions are often disguised as playful, motivational, congratulatory, or invitational. The symbolic function is also often disguised in these texts. For example, it is not immediately apparent that the text “Virtual *Troika*, an unmanned tram...

Am I already in the future?” serves to inform about the modern infrastructure of Moscow’s transport and promote it. Such examples confirm the hypothesis previously put forward by L. Wee and J. House — it is sometimes very difficult to distinguish the functions of linguistic elements in the urban linguistic landscape.

Figure 2. A sign on the metro bridge

Source: photo by O.V. Shcherbakov

The more thorough censorship of language objects is what also sets this project apart from others. For example, *Partisanpress* sells posters with obscenities; however, we did not find examples of their use in Moscow’s urban landscapes. In the case of the “Metromost” project, all ideas are moderated, even though anyone can suggest an inscription via a Telegram bot.

Another project that differs from the others is the idea of two Moscow residents called “Sloooshai”. This project is based not on specially invented phrases, but on real quotes from passers-by. In an interview with *Moslenta*, the authors said that they often walk around Moscow and accidentally hear phrases from passers-by that make them think about something (*Moslenta*, November, 2021). At some point, the authors decided that they were interested in sharing them with others. At the same time, the so-called “psychotherapeutic” function is again at the center of the idea: “We wanted the phrases that we collected to have a chance to become something unusual and important to someone. We thought that for someone, the quote written on each of the stickers could become a kind of sign” (*Moslenta*, November, 2021). Examples of linguistic objects include the following: «— Это всё мечты. — Это всё реальность» [“— These are all dreams. — This is all reality”], «Любовь — это радость, которую никто не может похитить» [“Love is a joy that no one can steal”], «Привет и пока — это всё, что мы говорим друг другу в течение этого года» [“Hello and bye is all we say to each other this year”], «Счастье не

нафантазируешь» [“You can’t just imagine happiness”], «Зачем вы хотите посмотреть мир, смотрите людей, это же тоже целый мир» [“Why do you want to see the world, see people, it’s also the whole world”], and so on. Many objects are designed as mini dialogues, as in the first example.

Even though the project, as creators claim, initially was not commercially oriented, today its social networks feature the results of several collaborations with well-known Russian companies, which confirms the great interest in the project from both business and consumers.

At the time of the study, the “Sloooshai” project was the only one where we discovered a joint campaign with a government agency. A selection of photo cards with project stickers and overheard quotes from theatre visitors appeared on the social networks of the Taganka Theatre, subordinate to the Moscow Department of Culture: «Это удивительно, но иногда спектакль может изменить человека» [“It’s amazing, but sometimes a performance can change a person”], «— Мне свет мешал. — Потому что внутри его у тебя нет» [“— The light bothered me. — Because you don’t have it inside you”], «Для тебя конец, а для меня начало» [“It’s the end for you, but it’s the beginning for me”]. Thus, the initiative was noticed by representatives of both the commercial and state-budgeted sectors.

On Mother’s Day in 2021, the Blacklight agency, the “Sloooshai” project, and the “Alter” psychological service launched a special project “Naughty” about the importance of positive parental beliefs. Two stickers were pasted on the walls and facades of buildings in Moscow; each of them had two quotes that were essentially the same, but different in form. Stickers were posted where these phrases were heard from strangers addressed to their children. The sticker on the left is real words, on the right is an alternative answer from psychologists. For example, «Встал спокойно! Что за цирк?» [“Stop messing around! This is ridiculous!”] and «Понимаю, ты устал, хочется побегать и поиграть. Сможешь ещё 10 минут подождать?» [“I understand you’re tired, you want to run and play. Can you wait another 10 minutes?”]. There were 17 pairs of such stickers in total. In our opinion, this is one of the rare examples of the educational function. The texts aim to teach citizens how to communicate with children in difficult situations. However, in this case, the hidden marketing function remains, since the name of the psychological service was indicated on the cards.

Conclusion

We have analysed five creative projects that are changing urban space by placing language objects that perform a predominantly symbolic function, that is, aimed at fetishising and commodifying language. Most of the projects are the initiatives of active users of social networks, who were inspired, among other things, by similar initiatives popular abroad. Our analysis also included the initiative of the official governing body, as well as a joint campaign with a state cultural facility.

We demonstrated that these projects are becoming more embedded in the fabric of modern cities.

Summarizing the results of the analysis, we can identify the following functions of the projects and language objects in the symbolic function considered:

1. *Therapeutical function* is the most popular. As the authors of the projects themselves stated, their texts aimed at supporting, reassuring, or inspiring the citizens. These initiatives mainly appeared in the Russian urban space during the pandemic and became especially popular during the political crisis; thus, we assume that the demand from urban space users for these projects is associated with a high level of stress from urban life, uncertainty, and anxiety, as well as with the accelerating rhythm of life, which is especially relevant in large cities. Without a sufficient level of support in their environment, the citizens find it in the urban space, which, thanks to the created texts, is actively personified and becomes their close friend.

2. *Promotional function*. All projects discussed in this article have become not just street art, but business projects. Their popularity among citizens has played a role in this, including due to their previously discussed therapeutical function. Entrepreneurs, from local businesses to national corporations, saw a new way of advertising and began to actively use it. In most cases, advertising is embedded covertly in these language objects. As a rule, this type of promotional texts does not communicate a call to purchase a product or service directly. The text fits into the concept of a specific project, so that it is more difficult to distinguish the integration between the project and the advertiser from its usual object. We also demonstrated that the promotional function is implemented even for urban infrastructure projects — the Moscow Department of Transport is actively using its “Metromost” project to attract the attention of residents to new modes of transport, routes, payment methods, and so on.

3. *Educational function*. At the time of the study, this is the least popular function. We found examples of its implementation only in the “Sloooshai” project and its integration with the “Alter” psychological service. Text cards placed in urban spaces and their photos on social networks were designed to teach parents how to communicate with children in difficult situations.

The symbolic resources of the linguistic landscapes of Russian cities are no less important and interesting from a research point of view than the issues of translation and language spread analysis. Thus, they can become a useful tool for increasing interest in the native language and its prestige among young people, which has been repeatedly expressed in official circles in connection with new geopolitical challenges. For example, at the meeting of the Council for Implementing State Policy to Support Russian Language and Languages of Peoples in Russia on November 5, 2024, with the participation of the President of Russia, the Chairman of the Council, Elena Yampolskaya noted, “... We have to make the Russian language fashionable in a good way among young people and do it creatively.

I'd like to add that designers today make a ton of interesting art objects based on the Cyrillic alphabet. We can incorporate the symbols of the Russian language in the public space, with the creative approach to the design of our cities and towns in mind, forming a nationally oriented environment. We also propose to support this direction" (President of Russia, November, 2024).

The projects discussed in this article, in our opinion, can claim the role of such solutions, especially those that aim to spread kind, supportive texts in urban space. This is confirmed by the high social demand for such initiatives. Notably, among the collected material, we did not find any inscriptions in English or excessive borrowings, however, the anglicisation of the Russian word «слушай» ["to listen"] was revealed through its transliterated representation in Latin letters in the name of one of the projects, which was a frequent phenomenon ten years ago. Most examples have predominantly positive denotative and connotative meanings.

References / Список литературы

1. Gorter, D., and J. Cenoz. 2024. *A Panorama of Linguistic Landscape Studies*. Bristol: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781800417151>
2. Shohamy, E. 2019. "Linguistic landscape after a decade: An overview of themes, debates and future directions. Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource." Bristol: Multilingual Matters, 300 p, pp. 25–37. <https://doi.org/10.21832/9781788922166-004>
3. Shohamy, E., and E. Ben-Rafael. 2015. "Introduction: Linguistic Landscape, a new journal." *Linguistic Landscape*, vol. 1, pp. 1–5. <https://doi.org/10.1075/ll.1.1-2>
4. Ivanov, V.V. 2023. "Developing theoretical principles of linguistic landscape research in the context of urban multilingualism." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 426–435. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-426-435> EDN: XFUYJR
Иванов В.В. Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 426–435. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-3-426-435> EDN: XFUYJR
5. Landry, R., and R. Bourhis. 1997. "Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study". *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 16, no. 1, pp. 23–49 <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>
6. Kelly-Holmes, H. 2020. "The Linguistic Business of Marketing". *The Business of Words: Wordsmiths, Linguists, and Other Language Workers*. C. Thurlow (ed.). London and New York: Routledge, pp. 36–50.
7. Wee, L. 2003. "Linguistic instrumentalism in Singapore." *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 24, no. 3, pp. 211–224. <https://doi.org/10.1080/01434630308666499>
8. House, J. 2003. "English as a lingua franca: A threat to multilingualism?" *Journal of Sociolinguistics*, vol. 7, no. 4, pp. 556–578. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2003.00242.x> EDN: EUIHCB
9. Liu, Jingpeng. 2019. "Linguistic Landscape: Styding and Analyzing Translation from Russian into Chinese in Russian Cities." *Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 2, pp. 121–129. Print (in Russ.)
Лю Ц. Лингвистический ландшафт: исследование и анализ перевода с русского на китайский язык в крупных городах России // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 2. С. 121–129. EDN: OMIMFH

10. Baranova, V., and K. Fedorova. 2020. "Growing Visibility: Migration and Transformations in Saint Petersburg's Linguistic Landscape." *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 12, no. 1, pp. 48–80. (In Russ.). Print (in Russ) <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80> EDN: OPGCGF
Баранова В., Фёдорова К. Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 48–80. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80> EDN: OPGCGF
11. Boyne, R. 1998. *Angels in the Archive: Lines into the Future in the Work of Jacques Derrida and Michel Serres. Time and Value*. Oxford: Blackwell. Pp. 48–64.
12. Gell, A. 1998. *Art and Agency*. Oxford: Oxford University Press. Print.
13. De Burgh-Woodman, H., and J. Brace-Govan. 2022. "Vista, vision and visual consumption from the Age of Enlightenment." *Marketing Theory*, vol. 10, no. 2, pp. 173–191. <https://doi.org/10.1177/1470593111036>
14. Maly, I. 2019. "Hipsterification and capitalism: A digital ethnographic linguistic landscape analysis of Ghent." In *Tilburg Papers in Culture Studies*, 2 Dec 2024. <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/hipsterification-and-capitalism-a-digital-ethnographic-linguistic>
15. Pine II, B.J., and J.H. Gilmore. 1999. *The Experience Economy: Work is Theatre and Every Business a Stage*. Boston: Harvard Business School Press. Print.
16. Leimgruber, J.R.E. 2020. "Global multilingualism, local bilingualism, official monolingualism: The linguistic landscape of Montreal's St. Catherine Street." *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 12, no. 6, pp. 708–723. <https://doi.org/10.1080/13670050.2017.1401974>

Bio note:

Oleg V. Shcherbakov is a PhD student at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3539-7178. E-mail: shcherbakov.science@yandex.ru

Сведения об авторе:

Щербakov Олег Вячеславович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0003-3539-7178. E-mail: shcherbakov.science@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-303-313

EDN: PVIVBL

Research article / Научная статья

Overcoming Tiki Pop: Polynesian Translingual Literature Against Cultural Exoticization

Semyon S. Galaktionov^{}^{}, Zoya G. Proshina^{}

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^{} semengal98@mail.ru

Abstract. This study analyzes Tiki Pop as a cultural phenomenon of the 20th century and provides insight into how Polynesian translingual literature helps eliminate stereotypes imposed on indigenous cultures in the region. The author traces the history of Tiki Pop, from its inception in the 1930s to its decline at the turn of the century, and argues that this phenomenon was a byproduct of colonial times that affected the way Western audiences perceive Polynesia. This exoticizing view of the region is then contrasted to the way it is presented in Polynesian translingual literature. The author then delineates several linguistic devices that are utilized by indigenous ambilingual authors in order to outline their identity and combat stereotypical conceptualization of local cultures.

Key words: Tiki Pop, Polynesian literature, translingual literature, varieties of English, varieties of French

Article history: received 10.03.2025; accepted 14.04.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contributions: Galaktionov S.S. — idea, research, draft text preparation; Proshina Z.G. — consulting, editing, approval of the final version of the article.

For citation: Galaktionov, S.S., and Z.G. Proshina. 2025. "Overcoming Tiki Pop: Polynesian Translingual Literature Against Cultural Exoticization." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 303–313. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-303-313>

Преодолевая Тики-Поп: полинезийская транслингвальная литература против культурной экзотизации

С.С. Галактионов[✉], З.Г. Прошина^{id}

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
✉ semengal98@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен культурный феномен Тики-Поп, возникший в XX в., и показано, как полинезийская транслингвальная литература позволяет побороть стереотипное видение коренных культур. Автор обращается к истории Тики-Поп, начиная с зарождения в 1930-х гг. и заканчивая спадом на рубеже веков, и характеризует это явление как побочный продукт колониальной эпохи, который повлиял на то, как на западе воспринимают Полинезию. Этот экзотизирующий взгляд на регион противопоставляется тому, как он представлен в полинезийской транслингвальной литературе. Выделяется несколько лингвистических приемов, используемых коренными авторами-амбилингвами для обозначения своей идентичности и борьбы со стереотипными представлениями о местных культурах.

Ключевые слова: Тики-Поп, полинезийская литература, транслингвальная литература, контактные варианты английского языка, контактные варианты французского языка

История статьи: поступила в редакцию 10.03.2025; принята к печати 14.04.2025.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Галактионов С.С.* — разработка концепции, проведение исследования, написание чернового варианта статьи; *Прошина З.Г.* — консультирование, редактирование статьи, окончательное утверждение к печати.

Для цитирования: *Galaktionov S.S., Proshina Z.G. Overcoming Tiki Pop: Polynesian Translingual Literature Against Cultural Exoticization // Полилингвальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 303–313. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-303-313>*

Introduction

Tiki Pop is a cultural phenomenon that originated in the United States in the 1930s and has had a lasting impact on how the broader public views and perceives Polynesia, its various cultures, languages and indigenous peoples. The term “Tiki Pop” itself was coined by Sven A. Kirsten, a researcher, *tiki*-connoisseur and acknowledged author who has dedicated his work to documenting the history and different waves of the tiki art style. Although the popularity of this kitschy art style has already dwindled, its shadow still looms over contemporary Polynesian art, including literature, and authors have employed various translingual and transcultural practices in order to combat Tiki Pop by implication. For the purpose of this work, a brief description of the essential characteristics of this phenomenon and its broader implications for Polynesia and its contemporary artistic movements would be imperative.

Tiki Pop: commodity fetishism with a Polynesian twist

Tiki Pop as an artistic movement can be exhaustively described by two words: romanticizing and exoticizing. With the opening of the first Polynesian-themed bar in 1933 in Hollywood, California, the Tiki craze started to slowly take over the United States. The American consumer was suddenly introduced to a whole new range of goods, products and services: from decadent cocktails and mysterious artifacts infused with indigenous mythos to escapist fantasies about an oceanic paradise where people live care-free, enjoy picturesque landscapes and are accompanied by frivolous hula-dancers. This caricatural view of Polynesia gained even more prominence after World War II, when American soldiers that had been stationed in the Pacific came back home with souvenirs and stories about island life. In 1947 Norwegian explorer Thor Heyerdahl conducted the Kon-Tiki expedition, which became an overnight sensation in Western media, and the subsequent publication of Heyerdahl's book as well as of a documentary film further popularized Oceania and *tiki* as a symbol. Despite the fact that Heyerdahl's theory about Caucasian people being the first Polynesian settlers was quickly proven to be unscientific [1], his reputation remained somewhat unblemished and the story of Kon-Tiki had already become too popular to fail. The booming tourist industry took full advantage of that, and soon enough the region became a tourist attraction for westerners who were enchanted by advertisements as well as Hollywood classics like "Bird of Paradise" (1932), "Waikiki Wedding" (1937), "South of Tahiti" (1941) and many others. After Hawai'i was admitted to the Union as the 50th state in 1959, Polynesian destinations became even more popular with American tourists and so Tiki Pop was reinforced in a broader cultural sense. However, by the mid-1960s America's fascination with the region started to lose its mass appeal as "commercialism had begun to corrupt the very core of the Tiki Pop concept: the fantasy of a paradise in its pristine state, uncontaminated by civilization" [2. P. 590]. Younger generations were growing more disillusioned with *tiki* culture, which was reinforced by progressive sentiments propagated by the Civil rights movement and by various anticolonial initiatives across Polynesia.

Tiki Pop was then criticized as a symbol of commodity fetishism that emerged from an exploitative system and tried to mystify the dire material conditions to which it was attached [3. P. 406]. The image of a Polynesian paradise became a parody of itself, but the early 2000s saw a resurgence in its popularity due to nostalgia and a renewed interest in *tiki* memorabilia and aesthetics. It never reached the same popularity as in the middle of the 20th century, but the lasting impact of the colonial exoticization of Polynesian cultures still remains.

Although Tiki Pop refers primarily to bar culture, souvenirs, design and contemporary music with a Polynesian twist, it has nevertheless affected local populations and their struggles, as it has successfully whitewashed major historical

events and buried indigenous artforms under the oppressive “exotic” label. For decades Polynesia existed in western media as nothing more than a poster that depicted a tropical escape filled with spiritual artifacts and wood carvings that were more often than not loose interpretations by western artists of what actual indigenous art looks like [2. P. 17]. Polynesian voices were intentionally silenced by the overwhelmingly loud sounds of the ukulele and hapa haole music. This, coupled with restrictive policies and western military expansion across the Pacific, meant that colonial administrations were never truly interested in saving indigenous cultures, but were rather trying to exploit their land and labor even more. While reflecting on the legacy of native resistance literature Hawaiian poet Māhealani Dudoit expressed the following sentiment: “The ideology of US patriotism waged psychological warfare on Hawaiian consciousness. Compulsory education denigrated Hawaiian culture” [4. P. 239]. Although here M. Dudoit refers solely to Hawaiian experiences, this idea of western patriotism and education denigrating indigenous cultures is applicable to other islands as well, most notably to Samoa, Tahiti and Aotearoa (i.e., New Zealand). With that in mind it is important to note that the fight for indigenous revitalization in Polynesia is still ongoing and that at the heart of this fight lie social and political injustice and decades of economic exploitation. Tiki Pop is but a symptom of larger processes that span over centuries. A symptom that is very convenient, as it has created a colorful and harmless façade for what essentially is further colonization.

From oral tradition to written texts

The primary focus of this research, however, lies not in the realm of politics or economics, but rather in the domain of language and literature. Linguistic and literary liberation are of utmost importance in the broader cultural renaissance in Polynesia, particularly because it is directly linked to oral tradition, which had been the primary means of storytelling in precolonial times. Polynesian anthropologist Te Rangi Hīroa argues that “the oral transmission and memorizing of genealogies was a routine part of the Polynesian system of education” [5. P. 21], which can be viewed as an elaboration of M. Dudoit’s point cited above. Te Rangi Hīroa also asserts that “the recital of genealogies was an established technique in social life and served as a chronology of historical events associated with the sequence of ancestors” [5. P. 22]. The importance of oral tradition for documenting Polynesian history has since been proven by other researchers [6], but it also remains a powerful tool that allows to express indigenous grievances and create a linguistic space that is accessible only by those who have acquired a certain level of proficiency in a specific language. For example, we have seen, how important *Te reo Māori* and traditional oratorical forms were for the *Hīkoi mō te Tiriti* (Māori for “march for the treaty”) in 2024.

In this work we would like to take a closer look at another essential element of indigenous cultural resistance — Polynesian translingual literature. Historically Polynesian societies were oral, but after the colonization of the region indigenous authors had to appropriate writing in order to gain influence in a transformed social hierarchy and facilitate the preservation of tradition. The second half of the 20th century was marked by the emergence of anglophone and francophone literature that centered around indigenous stories and colonial challenges and contained elements of local cultures. By twisting western literary and linguistic norms, indigenous authors managed to break the vicious cycle of stereotypes, produced by Tiki Pop, and create their own web of texts that connects a myriad of islands like the tentacles of the great *Te Wheke-a-Muturangi*.

Translingual literature in Polynesia

Polynesian translingual literature is primarily characterized by the use of specific language varieties of both English and French. And since “culture accounts for the specificity of the variety” [7. P. 629], this region provides a unique opportunity to study how indigenous cultures of Polynesia have influenced anglophone and francophone modes of self-expression. The relatively short history of settlement of the region, in addition to the fact that indigenous ethnic groups have been interacting with colonizers for over 200 years, has led to a variety of linguistic transformations. Some of them have not been studied in as much detail as similar processes on the Asian or African continents. However, the period of primary formation of the Polynesian varieties of English and French has passed, which allows researchers to consider them both diachronically and synchronically.

Since the “dominant — oppressed” opposition is central to the process of the formation of contact languages in Polynesia, the very use of these contact languages by their speakers can be seen as a marker of a particular sociolinguistic identity. This is usually due to the fact that for representatives of indigenous ethnic groups, belonging to an indigenous “locality” becomes an indicator of status, i.e. the very fact of identifying oneself as “indigenous” and “local” brings forth hidden value [8]. Hence why when Polynesian authors write in Māori English, Hawaiian English, Hawaiian Creole, Samoan English or Tahitian French, which are the most prominent contact varieties in the region [9], they use those varieties to signal their identities to the reader. The writings of such authors as Titaua Peu, Flora Aurima Devatine, Kiana Davenport, Albert Wendt, Keri Hulme, Patricia Grace or Witi Ihimaera in that sense perfectly illustrate the shift from a monolingual paradigm to a plurilingual model of literature in a postcolonial setting [10].

In this regard, the work of translingual writers is often criticized, both by those who adhere to the monolingual literary tradition and by some members of indigenous communities to which translinguals themselves belong. The first group

of critics argues that it is impossible to create a truly valuable and high-quality piece of writing in a language that is not the author's mother tongue. On the other hand, translingual literature in varieties of English and French is seen as a form of cultural betrayal, especially by activists who are in favor of preserving indigenous languages and cultures and are against the cultural hegemony of former colonial powers. The author of the concept of contact literature, Braj Kachru, has also addressed these negative assessments of translingual creativity, clearly opposing them. He summarized the critics' arguments in the following way: firstly, in the eyes of their community, translingual writers defiantly abandon their local language in favor of a foreign language convenient for the Western reader; secondly, the foreign language is not enough to express all shades of indigenous feelings and describe culturally specific things; and thirdly, the desire to gain the approval of Western audiences leads to excessive exoticization of everything indigenous, which is damaging to cultures [11. P. 59]. Undoubtedly, such criticism is partially justified by the existence of those who have committed the act of "cultural betrayal", but it is still worth noting that the tendency to exoticize other cultures in literature is most often traced in the work of writers who are in no way connected with these cultures, i.e. authors who do not possess an indigenous identity.

In reality, the reasons for which indigenous authors engage in writing in varieties of dominant languages may differ: it can be a desire to create a text that would be more competitive on the market, a way to overcome the limitations of monolingual thinking or an attempt to create a literary space of cultural and linguistic diversity [12]. But despite the criticism of translingual literature and translingual writers themselves, their work has made an invaluable contribution to the formation of new identities in the postcolonial space [13; 14. P. 122]. Polynesian translingual authors never betray their indigenous identity, since they appropriate the language of the former colonizer in order to promote their own agenda and create narratives that destroy the stereotypical image, imposed on the region by phenomena like Tiki Pop. Following the terminology, introduced by Steven Kellman [15], those authors are recognized as ambilingual, meaning that they are proficient in both English or French and in one of the indigenous Polynesian languages. Their command of various languages allows them to create in either of them, to switch between them, or to enrich one with the other.

Weaponizing translinguality against stereotypization

The resistance of Polynesian translingual literature to the exoticization of indigenous cultures manifests itself both thematically and linguistically. The questions raised in the works of Polynesian authors are intrinsically connected to the experience of their peoples. Using their knowledge of the colonial history of the region, Polynesian authors show how, over the years, indigenous identities have been

sidelined, traditional practices forgotten, and communities destroyed by segregation, ethnic discrimination, and other forms of social and economic injustice. This clearly contrasts the idyllic image of a tropical paradise that is reinforced by Tiki Pop, thus allowing western readers to face the harsh truth about the consequences of imperialist domination. Another theme that is particularly prevalent in the works of Kiana Davenport, Patricia Grace and Titaua Peu is land restitution, since connection to land is one of the central ideas of their native cosmologies (e.g. *Aloha ‘Āina* in Hawai’i or the concept of *tangata whenua* in Māori). In this sense, the works of these authors can be seen as the culmination of the renaissance movements that began in the second half of the 20th century and spurred the revitalization of indigenous cultures [16]. The renaissance era was marked by new currents in Polynesian music, a renewed interest in traditional navigational practices, a critical rethinking of postcolonial indigenous experiences and an increased use of native languages [17; 18]. Consequentially, it is in that period of time that the ambilinguality of Polynesian authors became prominent and allowed their voices to be heard across the Pacific.

Now we would like to present several examples of linguistic strategies used by Polynesian translingual authors that reflect their linguacultural identity, as well as the identity of their characters. Since this study is focused on written and not oral texts, it is natural that the main indicators of translingualism in this case would be grammatical and lexical features of Polynesian varieties of English and French. And when we talk about lexical borrowings from indigenous languages, it is important to note that they are not limited to the nominative function alone, as they represent ontic elements that, with adequate decoding of potential connotations, may explicate the basis of a foreign linguistic worldview [19. P. 194].

(a) He stamped into the *fale*, whipped off his wet *lavalava* from underneath the dry towel which he had wrapped on, flung it out on to the stone *paepae*, and then disappeared behind the curtains to start dressing for work.¹

First of all, Polynesian translingual literature is characterized by the organic use of imprints from indigenous languages, as seen in example (a), taken from Albert Wendt’s “Flying-Fox in a Freedom Tree”. By “organic use” we mean that authors use lexical items from an indigenous language in an almost mundane fashion, since to them many of these items have become an inalienable part of their speech. This stands in clear opposition to what corporate Tiki Pop art has been doing: borrowing words from indigenous languages, stripping them off the original meaning and injecting them with a new one that is more commercially favorable. When translingual authors implement Polynesian lexical borrowings, they are not

¹ Wendt, A. 1999. Flying-Fox in a Freedom Tree. Honolulu: University of Hawai’i Press. Print. P. 89

looking to make their texts sound more “exotic”, as their primary motivation is not monetary gain. Rather they are actively signaling their multicultural identity and making sure that it is not reduced to a simple caricature of itself.

(b) Chez les Blancs, se tatouer était signe de ralliement, devenir solidaire d’un peuple jadis opprimé. ... Quelques-uns adoptèrent le *pāreu*, sans complexe, ils se mirent à baragouiner quelques mots tahitiens, par “sympathie”. ... Nos légendes fleurirent dans toutes les librairies, grâce au “gentil-auteur-*pōpa*’ā-qui-aimait-tant-ce-pays”. Grâce à lui, nous avons “redécouvert” notre “si-belle-culture-*mā’ohi*”. Du coup, le Tahitien se sentit un peu perdu. On lui avait toujours appris que ce temps passé était celui du *pōiri*, et voilà qu’à présent on lui reprochait ses oublis, ses amnésies.²

This sentiment can sometimes be explicitly expressed, as seen in extract (b). Here Tahitian author Titaua Peu describes the discordant relationship that has been established between the white Europeans that seemingly support the indigenous cause and Tahitians themselves. By weaving specific borrowings from her native language into this poignant passage, T. Peu manages to create a reverse caricature: the behavior of the ex-colonizer is being ridiculed using Tahitian lexical items. A sharp contrast to the trope of the “noble savage” perpetuated by Western imagery of the Pacific.

(c) “Rosie Perez already tired wit’ four kids, hubby fighting overseas. One night she say me, ‘Leilani, you like *hānai* dis numbah five?’ I say, too good! Why not? All my kids gone far and wide. Except for Malia, who t’ank God take care of us while everybody gone. Yeah. T’ank God fo’ Malia.”³

Another linguistic device that allows Polynesian authors to escape the normative style of anglophone literature and at the same time create specific idiolects for their characters is creolization of speech. Examples of this can be found in Kiana Davenport’s series of Hawaiian novels, where some characters converse exclusively in Hawaiian Creole English (HCE). In extract (c), a Native Hawaiian woman’s speech demonstrates several linguistic attributes of HCE: lack of sequence of tenses; use of *like* instead of the modal verb *will*; omission or mispronunciation of fricatives and alveolar tremors, which the author conveys graphically with apostrophes, word abbreviations, or word modifications. Despite the negative connotations attached to the use of HCE (i.e. “low social status”; “bad upbringing”; “lack of education”), its appearance in literary texts, on the one hand, contributes to its normalization in society, which is a net positive since it’s been gaining popularity in Hawai’i, and on the other hand, it allows to diversify these texts stylistically. We

² Peu, T. 2021. *Mutismes*. Pirae: Au vent des îles. Print. P. 125

³ Davenport, K. 1999. *Song of the Exile*. New York: Ballantine Books. Print. P. 216–217

can also point out that creolized passages in K. Davenport's works often times accentuate the hardships that Hawaiian indigenous communities experienced in the past or are experiencing now, and in that sense creolized speech becomes another means of opposing the romanticized view of the island promoted by the American tourism industry.

(d) I smiled at him, reflectively. I placed the shell back to my ear. *Hoki mai, hoki mai ki te wa kainga*, the sea whispered, come home⁴.

Lastly, we would like to draw attention to code-switching in Polynesian translingual literature. As was previously mentioned, the authors in question are ambilingual, meaning that they are fully capable of writing in their indigenous languages as well. In extract (d), taken from Witi Ihimaera's novel "The Whale Rider", the narration switches from English to Māori and it is not a mere use of loanwords, but an inclusion of a self-functioning syntactic structure in an indigenous language. This type of code-switching is indicative of other Polynesian authors as well, most notably the Tahitian poet Flora Aurima Devatine, whose works are influenced by traditional oratory practices like *fa'atara* and *paripari fenua*. Going back to W. Ihimaera's novel, it is also worth noting, that switching to Māori allows him to tap into indigenous mythology and use the power of his native speech to make allusions to the story of Paikea, a Māori ancestor from the legendary land of Hawaiki. This demonstrates the ability of Polynesian translingual authors to navigate their traditions and mythologies in such a way that produces deeper meanings and invites the unaware reader to explore never-before-seen dimensions. While Tiki Pop offers to the consumer what essentially is an amalgamation of false narratives and surface-level understanding of myths that are sometimes not even linked to Polynesia and its cultures, translingual authors present traditional narratives in a much more delicate and productive manner.

Conclusion

To conclude, we would like to quote Tongan writer and anthropologist Epeli Hau'ofa: "We are the sea, we are the ocean, we must wake up to this ancient truth and together use it to overturn all hegemonic views that aim ultimately to confine us again, physically and psychologically, in the tiny spaces that we have resisted accepting as our sole appointed places, and from which we have recently liberated ourselves" [20. P. 160]. We believe that phenomena like Tiki Pop, that at first glance may seem unthreatening, are the ones that are actually confining Polynesian peoples psychologically. Although colonial empires of the past are gone, their remnants haunt indigenous cultures to this day, and in order to regain power Polynesians had

⁴ Ihimaera, W. 2005. The Whale Rider. Oxford: Heinemann Educational Publishers. P. 57

to appropriate one of the weapons of the colonizer: their pluricentric language. In that sense translingual literature is a perfect instrument in the arms of Polynesian authors, since it allows them to use Western literary forms for their own purposes and transform the colonizer's language according to their liking. And although some stereotypes are harder to eradicate than others, translingual literature has definitely contributed to the broader cultural decolonization of Polynesia.

References / Список литературы

1. Holton, G.E.L. 2004. "Heyerdahl's Kon Tiki Theory and the Denial of the Indigenous Past." *Anthropological Forum*, vol. 14, no. 2, pp. 163–181. Print. <https://doi.org/10.1080/0066467042000238976>
2. Kirsten, S.A. 2020. *Tiki Pop*. Cologne: Taschen. Print.
3. Alexeyeff, K. 2016. "Re-purposing Paradise: Tourism, Image and Affect." In *Touring Pacific Cultures*. Edited by K. Alexeyeff and J. Taylor. Acton, ACT: ANU Press, pp. 403–422. Print.
4. Dudoit, D. Māhealani. 1999. "Against extinction: a legacy of native Hawaiian resistance literature." *Social process in Hawai'i*, vol. 39, pp. 226–248. Print.
5. Hiroa, T.R. 1938. *Vikings of the Sunrise*. Philadelphia: J.B. Lippincott Co. Print.
6. Kirsch, P.V. 2018. "Voices on the wind, traces in the earth: integrating oral narrative and archaeology in Polynesian history." *The Journal of the Polynesian Society*, vol. 127, no. 3, pp. 275–306. Print. <https://doi.org/10.15286/jps.127.3.275-306>
7. Proshina, Z.G. 2024. "Affinity of Saussurean Linguistics, World Englishes Paradigm, and Intercultural Communication Studies." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 21, no. 4, pp. 621–631. Print. (In Russ.).
Прошина З.Г. Взаимосвязь Соссюровской лингвистики, контактной вариантологии английского языка и теории межкультурной коммуникации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 621–631.
8. Walworth, M. 2017. "Reo Rapa: A Polynesian contact language." *Journal of Language Contact*, vol. 10, no. 1, pp. 98–141. Print.
9. Walworth, M. 2021. "Eastern Polynesia." In *The Routledge Handbook of Language Contact*. Edited by E. Adamou and Y. Matras. London and New York: Routledge, pp. 462–479. Print.
10. Ovcherenko, U.V., and N.A. Tokareva. 2023. "Translingual Theory: Steven Kellman's Studies." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 684–693. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-684-693> EDN: LZCCFG
Овчеренко У.В., Токарева Н.А. Теория транслингвильности: исследования Стивена Келлмана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20, № 4. С. 684–693. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-684-693 EDN: LZCCFG
11. Kachru, B.B. 2005. *Asian Englishes Beyond the Canon*. Hong Kong: Hong Kong University Press. Print. <https://doi.org/10.1515/9789882200104>
12. Bakhtikireeva, U.M., Valikova O.A., and Tokareva, N.A. 2021. "At 'Agora' agenda today: approaches to the study of translingual literature." *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, vol. 6, no. 2, pp. 263–273. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263> EDN: XTWQKD
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвильной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. Т. 6. № 2. С. 263–273. https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263 EDN: XTWQKD
13. Tlostanova, M.V. 2011. "Transculturation as a model of sociocultural dynamics and the problem of multiple identification." *Issues in Social Theory*, vol. 5, pp. 126–149. Print. (In Russ.).

- Тлюстанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 126–149. EDN: ONZALB
14. Proshina, Z.G. 2020. *Study of contact varieties of English: Problems of Theory*. World Englishes Paradigm. Moscow: Flinta. Print. (In Russ.).
15. Kellman, S.G. 2019. “Literary Translingualism: What and Why?” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 3, pp. 337–346. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346> EDN: MDAIVB
16. Trask, H.-K. 1987. “Birth of the Modern Hawaiian Movement: Kalama Valley, O’ahu.” *The Hawaiian Journal of History*, vol. 21, pp. 126–153. Print.
17. Trask, H.-K. 1991. “Natives and Anthropologists: The Colonial Struggle.” *The Contemporary Pacific*, vol. 3, no. 1, pp. 159–167. Print.
18. Maurer, A. 2020. “Snaring the Nuclear Sun: Decolonial Ecologies in Titaua Peu’s Mutismes: E ‘Ore te Vāvā.” *The Contemporary Pacific*, vol. 32, no. 2, pp. 371–397. Print. <https://doi.org/10.1353/cp.2020.0034> EDN: RWALCX
19. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2022. “Language Keys: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text.” *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 1, pp. 184–200. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200> EDN: LGWHLV
- Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. “Языковые ключи” : иноязычная лексика в транслингвальном (русифонном) художественном тексте // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200> EDN: LGWHLV
20. Hau’ofa, E. 1994. “Our Sea of Islands.” *The Contemporary Pacific*, vol. 6, no. 1, pp. 147–161. Print.

Bio notes:

Semyon S. Galaktionov is a Postgraduate Student at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9025-5522. E-mail: semengal98@mail.ru;

Zoya G. Proshina is Doctor (Habil.) in Linguistics, Professor, Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0570-2349. E-mail: proshinazoya@yandex.ru

Сведения об авторах:

Галактионов Семён Сергеевич — аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0001-9025-5522. E-mail: semengal98@mail.ru;

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, кафедра теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0002-0570-2349. E-mail: proshinazoya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331

EDN: QCOTFY

Научная статья / Research article

Чеченец в современной чеченской литературе: проза Эльбруса Минкаилова

Э.Ф. Шафранская^{IP}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования* — знакомство русскоязычного читателя с представителем чеченской литературы XXI в., прозаиком Эльбрусом Минкайловым. Посредством историко-литературного, компаративного и рецептивного методов анализируются переводные (с чеченского языка на русский) рассказы Минкаилова («Цель», «Эти глаза», «Терек», «Тяга к жизни», «Август того года», «Перед закатом» и др.), их особый стиль с элементами *эзопова языка*, интертекстуальной связью с русской классической литературой (рассказом «Крыжовник» Чехова, повестью «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, стихами Лермонтова) и мировой (сказкой «Маленький принц» Сент-Экзюпери), экфрастическими элементами; особое внимание уделено способу повествования — образу рассказчика, его мировоззренческой позиции в отношении к таким экзистенциальным категориям, как родина, дом, война. Представленный материал разрушает стереотипный образ чеченца, существующий издавна в русской литературе, а также в мифологии повседневности. Актуальность статьи обоснована отсутствием в учебном и научном дискурсе аналитики современной словесности, именуемой «литературой народов Российской Федерации», чеченской в частности.

Ключевые слова: Эльбрус Минкайлов, чеченская литература, образ чеченца, война, дом, Терек, дерево

История статьи: поступила в редакцию 24.12.2024; принята к печати 10.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Чеченец в современной чеченской литературе: проза Эльбруса Минкаилова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 314–331. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331>

The Chechen in Modern Chechen Literature: Prose by Elbrus Minkailov

Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to introduce the Russian-speaking reader to the representative of Chechen literature of the 21st century, prose writer Elbrus Minkailov. The author analyzes Minkailov's translated (from Chechen into Russian) stories ("The Goal", "These Eyes", "Terek", "The Craving for Life", "August of That Year", "Before Sunset", etc.) using historical-literary, comparative and receptive methods, reveals their special style with elements of Aesopian language, intertextual connections with Russian classical literature (the story "Gooseberry" by Chekhov, the story "Hadjı Murat" by L. Tolstoy, the poems of Lermontov) and world literature (the fairy tale "The Little Prince" by Saint-Exupéry), ekphrastic elements. The article focuses on the method of narration — the image of the narrator, his worldview position in relation to such existential categories as homeland, home, war. The presented material destroys the stereotypical image of a Chechen, which has existed for a long time in Russian literature, as well as in the mythology of everyday life. The relevance of the article is justified by the absence in the educational and scientific discourse of analytics of modern literature, called "literature of the peoples of the Russian Federation", Chechen in particular.

Key words: Elbrus Minkailov, Chechen literature, image of a Chechen, war, house, Terek, tree

Article history: received 24.12.2024; accepted 10.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Shafranskaya, E.F. 2025. "The Chechen in Modern Chechen Literature: Prose by Elbrus Minkailov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 314–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331>

Введение

В образовательном пространстве к одной из специальностей филологических наук — «Русская литература и литература народов Российской Федерации», ко второй части ее названия, существует отношение в некотором роде факультативное, как к довеску, как соблюдение некоего политеса. Если история литератур народов РФ, воссозданная еще в советское время, более или менее представлена в учебной литературе, то современность напрочь отсутствует. В лучшем случае она зиждется на так называемом «русскоязычном» дискурсе современных авторов, а переводной литературы как бы и не существует. В связи с этим представляем серию статей о современной переводной литературе народов РФ.

Главным источником, который знакомит читателя (редко, но регулярно) с переводной литературой народов РФ, выступает журнал «Дружба народов», сумевший пронести свою миссию, явленную в названии, поверх всех треволнений минувшего и настоящего времени (с 1939 г.).

Цель предлагаемой статьи — знакомство с проблематикой прозы чеченского писателя Эльбруса Минкаилова (1955–2023). Задачи: рассмотреть экзистенциальные образы его прозы (река Терек, дерево, дом, война) и проанализировать позицию рассказчика.

Объект исследования — поэтика прозы Минкаилова, предмет — рецепция чеченской точки зрения на события, факты и предметы бытия.

Методология исследования — труды по исторической и антропологической аналитике травмы, а также работы по экфрасису.

Материалом для статьи послужили рассказы Минкаилова «Цель» и «Эти глаза», опубликованные в переводе на русский язык в журнале «Дружба народов», а также ряд других его переведенных рассказов, выложенных на сайтах «Проза.ру» и «Клуб писателей Кавказа»: «Август того года», «Перед закатом», «Полноводный Терек», «Сомнения»; несколько текстов, опубликованных в разных переводах: «Жестокость» / «Палач»; «Жажда жизни» / «Тяга к жизни».

Возможно, писатель не успел достичь пика своей творческой славы — жизнь оборвалась. Однако его рассказы, как нам кажется, сумели впитать главные вехи чеченской истории последних восьмидесяти лет — причем в тональности весьма своеобразной: «тихой», непафосной, — от лица чеченца, отнюдь не того, собирательный образ которого распространен в российской повседневности, чеченца, незнакомого русскому читателю. Изображая жесткие и кровавые события, Минкаилов пользуется «мягкими» приемами: нет ни расчлененных тел, ни насилия, ни брызг крови — жестокость жизни показана опосредованно, не эффектами, отстраненно, но безысходность в их изображении ощутима как вселенская несправедливость. Голос рассказчика Минкаилова — голос обычного человека, который разделяет понятные любому ценности, радуется цветку и дереву, хранит детские воспоминания, страдает от несправедливости.

Результаты и обсуждение

В русском дискурсе образ чеченца складывается с первой половины XIX в. — благодаря литературе, вначале романтической, потом реалистической. На рубеже XX–XXI вв. этот образ приобретает обертоны из новостной ленты, тиражирующей мифологию повседневности. Если кратко, то образ чеченца уместается между двумя презентациями: от Лермонтова («Казачья колыбельная песня»):

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал... (курсив наш. — Э.Ш.) —

до фиксации в исследовательском дискурсе: «В начале второй войны (1999) в интервью о зачистках часто звучала одна и та же фраза: когда люди пытались воспрепятствовать произволу и напоминали о законе, им отвечали: „Какой закон?! Ты — чечен!“» [1. С. 583] (курсив наш. — Э.Ш.).

Современный философ Артур Цуциев в статье «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов» рассматривает эволюцию образа чеченца в русской словесности и образ русского с точки зрения кавказца в мифологии повседневности. Яркие, смелые, спорные суждения Цуциева распределены по таким рубрикам его текста: «Русские образы горцев», «Совестливая рефлексия русской колонизации», «Деградация романтизма в советскую эпоху», «Этика русской неприязни», «„Витязь“ этнических войн», «Кавказские образы русских», «Русский обыватель как носитель „разрушенной культуры“», «Бытие как питание», «Русский мат и знание языка», «Достоинство и „мода“», «„Русский тип“ в координатах кавказской мужественности», «Христиане и мусульмане», «Русские как основа порядка», «Русские женщины», «Россия как горизонт состоятельности», «Русские как Свобода» [2].

Присутствующие в статье Цуциева обоюдонаправленные взгляды в русско-кавказском контексте представляют два вектора, которые исследуются в постколониальных штудиях под названием *ориентализм* и *оксидентализм*. Оба вектора отражают субъективную точку зрения одного этноса на другой.

В романе «Ложится мгла на старые ступени»¹ (2001) А.П. Чудаков трагикомически разоблачает двухвековой стереотип «кровожадного чеченца». Место действия в романе — город Чебачинск, куда ссылались жертвы этнических чисток: немцы, латыши, поляки, корейцы, чеченцы. НКВД разъясняет населению, что чеченцы и ингуши — предатели. В сознании чебачинцев этноним «чеченец» превращается в образ врага. В округе орудовала «банда Бибикова», состоящая, как говорили, из одних чеченцев (см.: [3. С. 144]). Когда банду взяли, оказалось, что «нерусских там было только двое: белорус... и один молодой ингуш».

Как видит чеченца сам чеченец — об этом может поведать нам только чеченская литература. Мы выбрали для знакомства с ней прозу Эльбруса Минкаилова. В его художественном портфолио — один сборник повестей и рассказов на чеченском языке².

Терек

В заглавии прозаического сборника Минкаилова присутствует название реки — Терек, которая протекает через весь Северный Кавказ («Терк дистина догIура» / «Терек был полноводным»). Терек для чеченца Минкаилова —

¹ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. Москва : Время, 2012. 640 с.

² Минкаилов Э. Терк дистина догIура [Терек был полноводным] : рассказы и повесть / на чеченском языке. Соьлжа-Г'ала (Грозный) : Грозненский рабочий, 2011. 222 с.

топос родины. Это подтверждают стихи Лермонтова, упомянутые выше: *злой чечен* «аффилирован» со своим местом обитания — берегом Терека. В другом стихотворении Лермонтова «Дары Терека» кровожадность реки, метафоризирующей *чечена*, материализована трупами, которые в виде даров Терек приносит Каспию. Позиция лирического субъекта в стихах Лермонтова выражена как ориенталистская.

Не так у Минкаилова. В лирическом повествовании рассказа «Перед закатом» Терек предстает как сакральное место для раздумий, откровений — для рефлексии рассказчика. «Почти ежедневно, взяв с собой какую-нибудь книгу, я шел к Тереку»³: там он коротал время, купался, лежал на песке, размышлял.

Однажды рассказчик увидел телеспектакль по сказке «Маленький принц» — его привлек голос Эдит Пиаф, а потом и сам спектакль. Далее состоялось знакомство с книгой, и даже не с одной — он пополнял свою библиотеку новыми изданиями.

Книги рассказчик читал на берегу Терека («в городе я их покупал, хотя там некогда было читать»), а вовсе не точил там «свой кинжал». «У меня тоже было одно место, откуда можно было в один вечер несколько раз наблюдать за закатом. Оно было на Земле, в Чечне, на берегу Терека, недалеко от нашего села, посреди долин Хозы и Нохи...»⁴: это был высокий берег, с которого можно было наблюдать за перемещением солнца.

Полюбив Маленького принца, рассказчик равнялся на него, соизмерял свои поступки и мысли с ним, сетовал, что у него нет своей планеты, чтобы укрыться от людей. И этой планетой становится для него берег Терека. Рассказчик понимает, почему Маленький принц любил смотреть на закат. Он, как и полюбившийся ему литературный герой, думает со светлой печалью о солнце: «Я стою на высоком берегу Терека, предавшись размышлениям. Солнце еще горит, хотя уже близок закат. Как хорошо, что оно есть, великое Солнце! Как хорошо, что оно останется. Как хорошо...»⁵.

В рассказе «Полноводный Терек» (или «Терек») рассказчик вместе с братом проводит лето после окончания школы на Тереке. Целый фрагмент рассказа посвящен «дарам Терека» — некая скрытая ирония и аллюзия к лермонтовскому стихотворению — дарам реки: юноши ищут среди них сучки, «похожие своей формой на людей или животных». «Полноводный Терек» богат своими дарами: например, принес корягу, похожую на голову льва.

Вскоре с рассказчиком случилось происшествие, которое навсегда останется в его памяти: он чуть не утонул, переплывая Терек, неоткуда было ждать спасения — «внезапно схватила судорога прямо под сердцем». Можно было

³ Минкаилов Э. Перед закатом : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisатели-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

рассчитывать только на себя. Собственно, все повествование — о преодолении препятствий, чтобы остаться жить. Это событие по своей интенции продолжает предшествующие сцены, когда братья строили замки из песка — строили врата, стены и мосты, копали, смешивали воду с песком, а потом «отлив беспощадно уносил их»⁶.

Позже, попадая в затруднительное положение, рассказчик всегда вспоминает этот день: он знает, что город, построенный из песка, можно отстроить заново. Последние годы его жизни полны разрушительных стихий, но он всегда находит в себе силы не быть с ними заодно, и в этом, заключает рассказчик, его счастье. «И я построил свой город... пусть даже из песка...» Это испытание, случившееся в семнадцатилетнем возрасте рассказчика, станет метафорой для грядущих катастроф, через которые ему придется пройти. «В такой ситуации человек может положиться только на силу своего духа, поняв на глубинном уровне, что он и только он отвечает за себя... <...> Сотни и сотни примеров многолетней чеченской трагедии подтверждают это» [1. С. 583], — пишет психолог Элиза Мусаева, исследуя постчеченскую травму.

Дерево

В центре рассказа «Тяга к жизни»⁷ — образ дерева, вокруг которого очерчены исторические и хронотопические сюжетные круги.

Исторические: «Как и в других селах, пока мы были в выселении, наиболее пригодные дома заняли люди, приехавшие с различных уголков разрушенной войной России»⁸, а другие дома, оставшиеся без хозяев, были разграблены людьми, порушены дождем и ветром, напоминая о себе лишь каменным фундаментом.

«Были в выселении» — прозрачное указание на депортацию, на 1944 год; «разрушенная войной Россия» — Вторая мировая. Причем, говоря о «различных уголках России», рассказчик выдает себя как человек современный, XXI в., потому что так не говорили ни сразу после войны, ни до конца жизни СССР (в ходу была не «Россия», а — «Советский Союз»). Рассказчик никого не хулит, не предъявляет никому счет, а с какой-то безысходностью констатирует этап в жизни своего народа («мы были в выселении»).

Вспоминая свое детство, связанное с периодом возвращения чеченцев из ссылки, рассказчик повествует о всеобщем народном *белхи* — взаимопомощи

⁶ Минкайлов Э. Терек : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/23/170> (дата обращения: 08.01.2025).

⁷ Рассказ Э. Минкайлова «Тяга к жизни» / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. Есть еще один перевод — с другим заглавием: Минкайлов Э. Жажда жизни : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/05/14/171>

⁸ Минкайлов Э. Тяга к жизни : рассказ / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/tjaga-k-zhizni/> (дата обращения: 07.02.2025).

между родственниками и соседями. Пишет исследовательница З.И. Хасбулатова: «...в годы депортации чеченцы отличались групповым самосознанием от других этносов, чувством солидарности и симпатии к своим соплеменникам» [4. С. 89] — и в местах выселения (Киргизии и Казахстане), и по возвращении домой в своих селах, когда жить было просто нелегко.

Так и в рассказе «Тяга к жизни»: все село собирается у Лошадиного крана и месит в яме глину с водой и соломой, делая из нее кирпичи — саман. Потом сообща строят саманные дома — для всех. Нанимать строителей возможности не было ни у кого, строили на энтузиазме и давней традиции белхи. «Сажать деревья, разбивать сады не успевали — первостепенных дел было слишком много»⁹, — сетует рассказчик, потому оберегали деревья, которые остались от той, былой жизни — тутовник, грушу, айву, акацию. И все это на фоне всеобщей бедности: в лесу собирали хмель, сушили и замешивали на нем, как на дрожжах, тесто из отрубей — получался хлеб; собирали хворост на отопление; топили коровьими лепешками, кизяком и кукурузными початками. А деревья берегли. «Куда бы ни повернули дороги моей жизни, любовь к деревьям меня не покидала никогда»¹⁰.

Хронотопические. Настало время — отец рассказчика инициирует посадку саженцев. Все село, собравшись на белхи, высаживает деревья (абрикос, алычу, сливу, яблоню, орешину, вишню, персик) — так меняется облик села. Некоторые деревья, «спустя 50 лет, стоят, напоминая мне об отце», — пишет рассказчик. Неспроста перечислены в рассказе виды деревьев — они символизируют жизнь, красоту, их будущие плоды — изобилие и сытость, а все вместе — мирную жизнь, которая противостоит упомянутой дате: «В январе 1995 года в городе больше невозможно было оставаться...»

1995 год — разгар «первой чеченской войны». Рассказчик, переходя дорогу, останавливает взгляд на дымящемся дереве: «...из дупла идет слабый дымок. В десяти метрах от него, на дороге, стояла сгоревшая машина, пустые окна которой продувал ветер. Кажется, дерево загорелось от этого. Тогда мне подумалось так, но огонь мог возникнуть от чего угодно — весь город был объят пламенем...»¹¹.

Рассказчик пытается спасти дерево, набросав в его дупло снег, и покидает город. Это дерево было его давним знакомцем, он его заметил еще в мирное время: «...на вид ничем не отличавшееся от других, оно стояло, слегка наклонившись. Похоже, что когда-то дерево пострадало — вверху, на уровне человеческого роста, одна ветвь была отрезана, оставшаяся своей тяжестью приклонила его. На месте среза ветки образовалось дупло. Ствол гнил и изнутри

⁹ Минкашлов Э. Тяга к жизни : рассказ / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/tjaga-k-zhizni/> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

опустошался — ниже появилось еще одно отверстие. Два толстых корня дерева вылезли на поверхность земли возле ствола так, что можно было просунуть руку под ними. Я как-то обратил внимание на это дерево, но не было особой причины, чтобы держать его в памяти»¹².

Столь подробное описание дерева можно отнести к разряду *дендрографического экфрасиса* [5. С. 196], на что указывала О.М. Фрейденберг, утверждая, что позднеантичные риторы называли экфрасисом не только описания произведений искусства, но и подробные описания битвы, пейзажа, дома, человека и проч. [6. С. 22].

Спустя небольшое время рассказчик вновь оказывается рядом с этим деревом. Вокруг все было порушено, но дерево стояло как прежде: «Видимо, оно продолжало гореть после того, как я ушел: от верхнего дупла до корней над землей ствол дерева был пуст. И, несмотря на это, первое весеннее солнце и земля дали ему силы — дерево зеленело! Удивившись, я внимательно посмотрел на него. Казалось, у него нет ствола — одна кора. Подойдя ближе и присмотревшись, увидел: помимо коры, несгоревшим остался и ствол толщиной чуть больше пальца... Два-три года еще простояло это дерево и, проходя мимо, я каждый раз радовался, словно встречал старого друга. Оно казалось похожим на меня и других — хоть и опаленных войной, но тянущихся к жизни моих земляков...»¹³.

Один из вариантов заглавия рассказа переведен с чеченского как «Тяга к жизни», другой — «Жажда жизни»¹⁴. В обоих вариантах дерево очеловечено, вписано в сознание рассказчика, которое сформировано войной, да и предыдущими травмами — на фоне человеческой жестокости и дерево стремится выжить, пусть и выгорев наполовину, но все же — жить, зеленеть.

В заключительной части повествования рассказчик наблюдает восстановление города — деревья он не находит, его, наверное, срубили, удаляя все приметы недавней войны. А как быть с человеком? Куда девать его, выгоревшего душевно? Видимо, с ним надо работать — так, как это и делает Эльбрус Минкайлов своими рассказами: думать, взвешивать, расставлять экзистенциальные акценты, рефлексировать — воспитывать и закалять человеческую душу.

Дом

Рассказ «Цель» невольно вызывает в памяти читателя чеховский «Крыжовник»: оба о мечте длиной в жизнь и ее свершении. Персонажи рассказов: Израил у Минкайлова и Николай Иванович Чимша-Гималайский у Чехова —

¹² Минкайлов Э. Жажда жизни: Рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/05/14/171> (дата обращения: 07.02.2025).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

мечтают о доме. Израилу «хотелось, чтоб из окна постоянно были видны горы, лес, солнце, но главное, чтоб дом был большим и комнаты — с высокими потолками»¹⁵, а вокруг — малина, слива, абрикосы и виноград. Николай Иванович мечтал: «Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растет»¹⁶. И тот и другой чертили план.

Израил: «Все его мысли были заняты домом — почти каждый день, взяв карандаш и линейку, он чертил план. Иногда, когда очередной вариант приходился по душе, он завершал свою работу с таким удовлетворением, словно дом уже был построен...»¹⁷.

Николай Иванович: «Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: а) барский дом, б) людская, с) огород, d) крыжовник»¹⁸.

Думается, что ассоциация с чеховским «Крыжовником» неслучайна, она аллюзивно присутствует у Минкаилова, на что указывают не только фрагментарные паттерны сюжета, но и лексические построения. У Чехова: «годы шли», «минуло ему уже сорок лет». У Минкаилова: «шли годы», «Израилу было уже тридцать», «Израилу исполнилось уже пятьдесят лет».

У обоих авторов осуществление мечты вписано в исторический и социальный контекст: у Чехова — Россия XIX в.: комиссионеры, банки, барский дом, кухарка; у Минкаилова — советский XX в.: «квартирный вопрос», участок, работа на нем с топором и мотыгой, трудно добываемые «каждый гвоздь, дверная ручка, люстра...»

Мечта чеховского героя не в последнюю очередь связана с потаенным желанием изменить свой социальный статус: будучи потомком кантониста (выходца из низших воинских чинов), Николай Иванович, с приобретением имения, говорит «мы, дворяне».

Израил, сколько себя помнил, все время строился, так как своего жилья не было (отняли, захватили, уничтожили), надо было строить «крышу над головой»: сначала в казахском селе, куда выдворили его народ, потом в чеченском, куда им позволили вернуться. Да и потом его многодетная семья не могла выделить ему личное пространство. Будучи студентом университета в Москве, а затем и аспирантом, Израил жил в комнате общежития, «похожей на могилу, обшитую внутри дубовыми досками». Несмотря на то, что общежитие находилось в здании, внешне выглядевшем респектабельно (это была «сталинская высотка»), Израил, повидав, как живут его московские коллеги, чувствовал себя опять в «зоне» (это была официально называемая «зона С»).

¹⁵ Минкайлов Э. Два рассказа (Цель. Эти глаза) / пер. с чеченского автора // Дружба народов. 2008. № 7. С. 75.

¹⁶ Чехов А.П. Крыжовник: Рассказ // А.П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем: в 30 томах. Том 10. Москва: Наука, 1977. С. 59.

¹⁷ Минкайлов Э. Два рассказа... С. 75.

¹⁸ Чехов А.П. Крыжовник... С. 59.

Зонами были поселения в Казахстане и в чеченском возвращении. Он рвался на свободу — жить в *своем* доме.

«Казалось, что „зона“ было самым любимым словом Сталина — зонами был наполнен весь СССР, занимавший шестую часть земли, на зоны была разделена оккупированная Германия, на зоны же разделили и новый корпус Московского университета, который по праву считался светочем образовательной системы всей страны...»¹⁹.

На этом параллели заканчиваются, развитие сюжета у чеченского писателя продолжается в иной парадигме. У Чехова — «...кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. <...>

— Как вкусно!

И он с жадностью ел и всё повторял:

— Ах, как вкусно! Ты попробуй!»²⁰.

У Минкаилова — «через несколько месяцев началась война»²¹, не суждено было пожить в *своем* доме Израилу.

«...В Чечне развернулась война, жестокая, беспощадная, как и все войны... Она ежедневно, словно гигантские жернова, перемалывала людские судьбы... Лилась кровь, множились могильные холмы, а вместе с этим — сироты, одинокие старики...

Чечня превратилась в огромную сплошную рану. Ранеными были люди, все живое — их тела и души...

Земля горела в огне войны, горело все то, что люди построили за многие годы... Чечня превратилась „в зону“ — зону военного конфликта...»²².

Рефлексия сбывшейся мечты у Чехова связана с самообманом Николая Ивановича, который писатель выводит на философский уровень, рассуждая о предназначении человека. У Минкаилова такого контекста нет, никакой философии. Однако сама структура его текста, без каких-либо сентенций со стороны повествователя, содержит пафос несправедливого устройства мира (эта интенция сближает двух авторов). Один из фрагментов текста выбивается из биографической линии (Израила), меняя точку зрения на происходящее, оно описано с позиции другого. То, как встроен этот фрагмент в сюжет рассказа, меняет тональность повествования, вносит ноту трагического сарказма:

«...Летчик, майор Иван Громов, поднявшись на своем самолете с аэродрома, расположенного в Моздоке, вылетел в Чечню. Его целью была „база боевиков“, но где она находится, не знал никто. Как обычно, куда ни попадая, в горах летчик расстрелял весь свой смертоносный арсенал... Под крыльями оставались только две ракеты...

¹⁹ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 74.

²⁰ Чехов А.П. Крыжовник... С. 61.

²¹ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 75.

²² Минкаилов Э. Два рассказа... С. 75.

Он пронесся над городом на небольшой высоте, подал знак напарнику, чтоб тот уходил, а сам вернулся — он приметил высокий, красивый дом с блестящей под лучами солнца крышей из алюминиевого шифера. Этот дом стал для него мишенью, целью, которую он выбрал...

Сделав круг, он вернулся, тщательно прицелившись, выпустил ракеты... Оставляя за собой шлейф дыма, ракеты устремились к земле... И так же, одна за другой, взорвались...»²³.

От дома Израила остались только обломки. Летчик доложил о выполненном задании, «допил оставшуюся со вчерашнего дня бутылку водки, закусив засохшей краюхой хлеба и сырком, и лег спать»²⁴. В Чечню его привел, вероятно, тоже «квартирный вопрос», он приехал на заработки — у него, как у Израила, была цель, даже две — конкретная и эфемерная. «Похоже, что обе эти цели ему удастся достичь», — резюмирует повествователь, отсылая читателя к заглавию своего рассказа.

Разрушенная мечта Израила входит в новую фазу — она слегка теплится и опять дает силы жить: Израил разбирает руины дома, аккуратно складывает осколки, которые могут пригодиться в будущем — таков неотменяемый закон жизни, закаливший чеченский народ в последние века. В сознании повествователя тихо звучит вопрос:

«Когда же у чеченского народа будет возможность жить по-человечески? <...> Народ небольшой, от него никогда не исходила угроза земле и свободе других народов... Чем же ты провинился, чтобы оказаться в такой беде, кто, почему вытянул и теперь этот несчастный жребий?..»²⁵.

Однако не произнесенный вслух, вопрос принимает глобальный и экзистенциальный характер, его внутреннее звучание достигает невероятной громкости и оставляет читателя с надеждой — дом будет отстроен заново. Точно так же, как и в повести «Хаджи-Мурат» Льва Толстого (не случайно упомянутой в рассказе), — вероятно, история развивается по спирали: «Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. <...> Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. <...> Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить страшными усилиями все с таким трудом заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или, противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским, покориться им. <...> Старики... принялись за восстановление нарушенного»²⁶.

²³ Минкашлов Э. Два рассказа... С. 76.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат: Повесть // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. : в 90 томах / под общ. ред. В.Г. Черткова. Москва; Ленинград : Госиздат, 1928–1958. Том 35. 1950. С. 80–81.

Точно так же происходило в истории других поруганных народов: балкарцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, корейцев, немцев, крымских татар. Их «возвращение на место разрушенных домов воспринимается... как возможное воскрешение не только нации, но и отдельного человека» [7. С. 202].

Война

Тема войны звучит почти во всех рассказах Минкаилова, даже в тех, которые оторваны от военного времени — как до него, так и после. Эта тема станет теперь одной из главных в картине мира многих поколений чеченцев. В рассказе «Эти глаза» встреченная в мирное время симпатичная девушка кажется знакомой. Не глаза ли это снайперши, запомнившейся рассказчику, которую он встретил двенадцать лет назад?

«...Война продолжалась уже несколько дней. Стрельба слышалась всюду, разрывались снаряды и мины, часто в небе кружили самолеты, выбрав цель, они наносили бомбовые и ракетные удары, а затем улетали на запад, кажется, в Моздок. Город горел, а вокруг него, далеко, на склонах хребтов, пылали нефтяные вышки, закрывая небо вырывающимся с гулом пламенем — казалось, к городу подбираются огненные драконы с гривами из дыма, словно пытаясь проглотить все: и живое, и неживое...»²⁷.

Именно тогда он увидел девушку, шедшую со своей напарницей то ли в дом, где, по слухам, засели снайперы, то ли в универсам, открытый для всех новоявленных мародеров. Две противоборствующие стороны войны, названные на военном сленге «федералами» и «боевиками», для рассказчика равны, они — участники войны, не он. И эти девушки тоже служат, как ему тогда показалось, на одной из сторон. Зацепившиеся друг за друга два взгляда — девушки и рассказчика — не давали ему покоя все эти годы. Почему? Может, удивил ее возраст (лет восемнадцать)? Ее явный чеченский фенотип? Он не мог понять. И когда, по прошествии многих лет, они вновь встречаются, рассказчик, не удержавшись, спрашивает девушку: она ли была там, рядом с универсамом, двенадцать лет назад. Ответ девушки его разочаровал: не она. Теперь его мучают другие вопросы: «Может, эти девушки из отряда федералов... Просто сняли форму и оделись таким образом? <...> Или, узнав меня — уставшего, помятого, в копоти, без оружия в руках, — своим взглядом она выражала презрение ко мне из-за того, что я не в рядах бойцов, как она? А может, просто ей, напуганной войной, при встрече со знакомым человеком захотелось обратиться к нему, о чем-то расспросить, попросить о помощи? <...> Что же выражал этот взгляд? Что? Почему? Или мне все просто показалось?..»²⁸.

Война корежит сознание, в каждом видится скрытый враг, прошедший войну, с точки зрения психологов, остается ментально травмированным инва-

²⁷ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 77.

²⁸ Там же. С. 78.

лидом. Мы уже рассматривали подобный случай — на примере рассказа «Еврейская невеста» Дины Рубиной, в котором герой Йоська, в детстве переживший Холокост, так и не отошел от него в мирное время. Холокост оставил на Йоське свою отметину, отозвавшись в его несложившейся судьбе, тревожном характере. Эта травма искорежила всю его постхолокостную жизнь: он не умеет любить, чувствовать — все сгорело в печах концлагеря вместе с теми, кто его любил, жалел, ласкал, обучал жизни [8. С. 38].

Психологи и психиатры, антропологи и социологи, исследуя посттравматический синдром, опубликовали свои результаты в беспрецедентном сборнике научных статей «Травма: пункты» (2009). В нем учитывается и тот феномен, который воспроизведен в рассказе Минкаилова.

Американская исследовательница Кэти Карут, специалист по теории травмы, пишет, что «видение из прошлого фактически говорит: ты должен видеть, но ты не можешь знать», образ прошлого говорит: «есть что-то, что ты еще не понял» [9. С. 565] — вероятно, это объясняет, почему травма войны не отпускает. Элиза Мусаева, психолог, добавляет, что «война ставит человека в особые условия физического и психологического выживания. Кажется, что мир сошел с ума, и каждый пытается по-своему осмыслить и понять происходящее вокруг: причины, следствия и собственные ответные реакции. В экстремальных условиях происходит переоценка ценностей и приоритетов. Отмечается то, что вчера казалось важным, теряется значимость суетного и материального. Остается то, во имя чего имеет смысл жить» [1. С. 583].

Элиза Мусаева приводит один пример из своей практики, который сопоставим с ситуацией в рассказе «Эти глаза» — ситуацией недоверия и подозрительности. В 2003 году из собственного дома был похищен врач Турпал (в период между первой и второй чеченскими войнами он лечил одного из полевых командиров). После пыток и истязаний его оставили жить, выбросив на обочину Грозного. Беседуя с исследователями травмы, Турпал рассказал о тревожащих его мыслях: те, кто его мучил, знали о нем всё, даже то, что не было связано с войной, например, о деталях его помощи соседу в постройке дома. Турпал стал жить с чувством, что тот человек, который все выложил его мучителям, наверняка ходит в его дом, улыбается ему как ни в чем не бывало, общается с ним — так Турпал стал подозрительным [1. С. 596–597] (о том, как Турпал «лечил» свою травму, см. в статье Э. Мусаевой).

В рассказе «Август того года» — будничная эпизод небольшого перерыва между первой и второй чеченскими войнами: люди, надеясь на мирную жизнь, восстанавливали дома, пытались наладить жизнь, в которой тем не менее не прекращались ежедневные теракты. «Улица, на которой я жил, называлась Фугасной: нет ни одного дня без происшествий»²⁹.

²⁹ Минкаилов Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

В обычном жилом квартале Грозного было неспокойно — стреляли: то военные, то боевики. «Любую передвигающуюся машину или человека снимали снайперы, засевшие в блокпостах или на крышах зданий...» В центре внимания рассказчика — соседский подросток Рустам, у которого в конце первой войны убили брата: он шел по улице, просто став мишенью для снайпера. Судя по участвовавшим перестрелкам, рассказчик заключает: «...началась новая война». Вот и Рустам вдруг появился с автоматом. Его стали уговаривать и рассказчик, и соседка, чтобы он избавился от оружия, до беды недалеко.

Что удивляет читателя? С одной стороны, — экстремальная картина, а с другой — будничная, люди перебежками двигаются по своим хозяйственным нуждам, собираются кучками, обсуждают городские новости. Война стала привычным фоном, городской пейзаж состоит из пылающих БТРов, лежащих на обочинах трупов, люди ходят по двору, будто в обычной жизни, но на всех лицах — печать страха, «со временем страх вошел в мозг костей...»³⁰.

Рустам, готовый отомстить за брата (неважно, что не эти люди его убили), стреляет в контуженного военного, и в итоге получает свою снайперскую пулю.

Вся картина, изображенная в рассказе, — как взгляд из окна во двор, или другого наблюдательного пункта, где как будто бы ничего не происходит. В рассказе нет никаких художественных изысков, автор не выстраивает ни мизансцены, ни содержательных диалогов, нет никаких символических реплик. «Жизнь как текст». Жизнь соседствует со смертью, ставшей банальной. Позиция рассказчика неопределима: он на стороне федералов? Боевиков?.. Ни на чьей.

Все рядком лежат —
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила.

В этих стихах Марины Цветаевой (1920) — суть войны, любой. Именно эти стихи характеризуют позицию рассказчика — над всеми:

«В голове путающиеся мысли: „Интересно, когда закончится эта жестокость? Когда родилась? Сколько ей еще быть? С тех пор, как царские войска завоевывали эту землю, уже 150 лет прошло, несколько поколений сменилось. В повести Толстого „Хаджи-Мурат“ говорится о герое, суровом чеченце Гамзало. Прошедшие события, тяготы, которые перенес народ... Поводов для

³⁰ Минкаиллов Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

жестокости много с обеих сторон. Но все же, уже как-то сложилась история, неужели недостаточно того, что уже случилось...“»³¹.

Упоминание толстовского персонажа Гамзало, отнюдь не миротворца, пожалуй, самого непримиримого борца из свиты Хаджи-Мурата, несколько повисает в окружении риторических вопросов. Это ответ на вопросы рассказчика? Это какой-то аргумент? Упоминается именно Гамзало, а не Хаджи-Мурат, легендарный своей храбростью. Может, это разумный упрек и довод, обращенный к истории, которая повторяется по кругу?

Одна из версий нашего понимания вписывается в «осторожный» стиль Минкаилова, в некую недоговоренность, аллюзивность и, возможно, *эзопов язык* его прозы: образ Гамзало коррелирует с прологом из «Хаджи-Мурата», где идет речь о «чудном малиновом» цветке — репее, называемом русскими «татаринном». Его, как правило, «старательно окашивают». Толстовский рассказчик попытался сорвать репей, цветок был «страшно крепок»; одолев, рассказчик бросил его. Но тут же встретил еще один куст, «он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его»³². И в дополнение — среди кавказских персонажей в «Хаджи-Мурате» только один чеченец — «рыжий Гамзало».

На чьей стороне рассказчик? Попытаемся найти ответ на этот вопрос в следующем разделе.

Рассказчик

Позиция рассказчика в прозе Минкаилова не меняется от рассказа к рассказу, это единый образ его прозы. Мировоззренческий портрет рассказчика особо очевидно выражен в лирических миниатюрах «Жестокость» и «Сомнения».

В «Жестокости» экфрастически рисуется ландшафтная панорама весеннего поля: высокая трава, на ее фоне, словно на ковре, выделяются красные маки. Бредущий по полю рассказчик старается не наступить на цветы. Навстречу ему по тому же полю идет юноша, размахивающий палкой и сбивающий со стеблей цветы. Далее диалог между рассказчиком и юношей: один вопрос — один ответ:

«— Что ты делаешь, за что враждуешь с цветами?!

— Я дал себе слово, что уничтожу по одному из этих цветков за каждого ненавистного мне человека!»³³.

Рассказчик ничего не предпринимает, он субъект бездействующий, лишь фиксирует форму зла, против которой бессилен, называя юношу палачом.

³¹ Минкайлов Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

³² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат... С. 5–6.

³³ Минкайлов Э. Жестокость : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

Заглавие миниатюры — «Жестокость» (в другом переводе — «Палач»³⁴) — вводит этот текст в разряд философских и одновременно проливает свет на все прочие тексты Минкаилова: жестокость, зло — это формы существования человека, иногда они побеждают, иногда они прячутся, затаившись на время, но надо понимать, что они никуда не деваются.

Во второй миниатюре подвергается сомнению один из столпов чеченской картины мира — почитание старших. (Исследователь А. Цуциев перечисляет аксиологические составляющие чеченской, шире — кавказской, картины мира: «Жизнь горца... это тень вечно утверждаемого достоинства, следования Закону — набега, гостеприимства, кровомщения, почитания старших, страха проявить трусость» [2. С. 154].) Эта квазисентенция Минкаилова могла возникнуть только на фоне братоубийственной войны: «В этот день чеченцы впервые стреляли в чеченцев...»³⁵, итог которой можно выразить, повторим, цветаевскими строками: «Белый был — красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был — белый стал: / Смерть побелила». Вокруг убитых бегают старик, крича: «Их всех надо было убить! Всех! Так и надо этим врагам Всевышнего!»

Рассказчик в сомнении, кого считать врагом, на чьей стороне правда, кто враг Всевышнего, кто его ученик?

«Почему же он считает их своими врагами? И откуда ему известно, что они враги бога? — долго думал я той ночью, потрясенный увиденным, ворочаясь без сна в постели. — Течет ли в его жилах чеченская кровь?.. Наверное, он один из тех, кто в своей молодости принимал участие в таких делах, из-за которых мы были высланы... Не довольствуясь этим, и теперь, постарев, хочет навлечь новые беды на наш народ!..

С той ночи мне очень трудно с уважением относиться к незнакомым старикам. Мешает сомнение...»³⁶.

Можно сказать, что в миниатюре «Сомнения» рассказчик Минкаилова выводит тему войны из этнического и хронологического (и хронотопического) регистра, вводит ее в общечеловеческую парадигму, в которой традиционная статусность не равнозначна праведности, зло и жестокость могут нести и правители (как сказано о юноше в «Жестокости»: «Он стал не только палачом, он стал их предводителем»), и умудренные старики.

Заключение

Знакомство с прозой Минкаилова если не расширит, то изменит представление русскоязычного читателя о чеченцах, так как обыденное сознание, формируемое стереотипами и клишированными двухвековыми штампами, далеко

³⁴ Минкаилов Э. Палач : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/16/1994> (дата обращения: 07.02.2025).

³⁵ Минкаилов Э. Сомнения : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

³⁶ Там же.

от реальности. Именно это понял на рубеже XIX–XX вв., когда писал «Хаджи-Мурата», Лев Толстой, создав смелую, бескомпромиссную повесть, цитирование которой в сегодняшних реалиях воспринимается как актуальный текст. В подтексте рассмотренных рассказов Минкаилова точка зрения рассказчика — на события, ставшие историей, и на современность, типологически родственную примерно полуторавековой давности, — совпадает с толстовской. Эзопов язык минкайловского повествования — это выбранная писателем парадигма, продиктованная контекстом существования.

Литература

1. Мусаева Э. Жизнь после жизни: Записки о поисках смысла выживания в Чечне // Травма: пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 582–605.
2. Цуцьев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152–176.
3. Шафранская Э.Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 140–147. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.4.140> EDN: ZEGAOZ
4. Хасбулатова З.И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 87–89. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.20> EDN: ZDRBKH
5. Абиева Н. Межсемiotический перевод в основе экфрасического текста // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского, 2018. С. 191–209.
6. Брагинская Н. Показ, каталог, сравнение, экфраза : О.М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса : итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований имени Францишка Карпиньского, 2018. С. 13–27.
7. Кешифидинов Ш.Р. Все дороги ведут в Крым: повесть «Бархатный сезон» Эмиля Амида // История и современность филологических наук : сб. науч. статей по матер. Междунар. науч. конф. XVII Виноградовские чтения. Москва : Изд. дом Вахромеева, МГПУ, 2024. С. 198–206. EDN: KADGTP
8. Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф., Кешифидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте. Москва : Изд-во Юрайт, 2025. 242 с.
9. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 561–581.

References

1. Musayeva, E. 2009. "Life after life: Notes on the search for the meaning of survival in Chechnya." In *Trauma: points: Collection of articles*, comp. by S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: New Literary Review, pp. 582–605. Print. (In Russ.)
2. Tsutsiev, A. 2005. "Russians and Caucasians: beyond the friendship of peoples." In *Friendship of peoples*, no. 10, pp. 152–176. Print. (In Russ.)

3. Shafranskaya, E.F. 2017. “A. Chudakov’s novel ‘The mist falls on the old steps’ in the aspect of philological anthropology.” *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4, pp. 140–147. Print. (In Russ.)
4. Khasbulatova, Z.I. 2017. “‘Belkhi’ as a traditional form of mutual assistance associated with the economic and family life of Chechens in the 19th–20th centuries.” *Society: philosophy, history, culture*, no. 8, pp. 87–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.20> EDN: ZDRBKX
5. Abieva, N. 2018. “Inter-semiotic translation at the heart of an ecphrastic text.” In *Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study: a collective monograph*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 191–209. Print. (In Russ.)
6. Braginskaya, N. 2018. “Display, catalog, comparison, paraphrase: O.M. Freudenberg on the origin of literary description.” In *Theory and history of ecphrasis: Results and prospects of the study: a collective monograph*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 13–27. Print. (In Russ.)
7. Keshfidinov, Sh.R. 2024. “All roads lead to Crimea: the story ‘The Velvet Season’ by Emil Amit.” In *The history and modernity of philological sciences: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference 17th Vinogradov Readings*. Moscow: Vakhromeev Publishing House; Moscow City University, pp. 198–206. Print. (In Russ.) EDN: KADGTP
8. Garipova, G.T., E.F. Shafranskaya, and Sh.R. Keshfidinov. 2025. *Modern literature. Types of art in a literary text*. Moscow: Yurait Publishing House, 242 p. Print. (In Russ.)
9. Karut, K. 2009. “Trauma, time, and History.” In *Trauma: points: Collection of articles*, comp. S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: New Literary Review publ. pp. 561–581. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-4462-5710. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Bio note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor, RUDN University, 6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4462-5710. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342

EDN: QDJHNT

Научная статья / Research article

Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник

В.С. Косенко^{ID}

Российский институт театрального искусства ГИТИС, Москва, Российская Федерация

✉ visha-k@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ повести ленинградской писательницы Энны Аленник «Напоминание» (1979), не входившей прежде в литературоведческий дискурс, в частности образ второстепенного персонажа — художника Усто Модана. Актуальность представленного материала связана с вниманием в современной культуре к прототипу этого образа — реальному художнику XX в. Усто Мумину (1897–1957): в XXI в. о нем снимаются документальные фильмы, ставятся спектакли, проводятся исследования и пишутся книги. Цель исследования — на основе биографического метода и рецептивной эстетики показать, как выстроен образ художника в повести Энны Аленник. Вычленены детали и контекст образа, психологические и этические черты портрета художника. Неординарность предложенного материала состоит в том, что проанализированный контекст повести «Напоминание» не содержит апологетический дискурс о художнике, скорее, наоборот. Такой непривычный для этоса взгляд на художника, картины которого экспонируются в крупнейших музейных коллекциях, расширяет представление не только о творческой личности, изображенной в литературном тексте, но и о реальном художнике, расшатывая здание мифологичности и делая образ художника «из плоти и крови».

Ключевые слова: образ художника, экфрасис, Усто Мумин, Энна Аленник

История статьи: поступила в редакцию 23.01.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Косенко В.С. Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 332–342. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342>

The Poetics of the Artist's Image in the Novel “Reminder” by Enna Alennik

Viktoriya S. Kosenko^{ID}

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation,

✉ visha-k@mail.ru

Abstract. The study analyzes the story “Reminder” (1979) by the Leningrad writer Enna Alennik, which had not previously been included in literary discourse. In particular, the paper examines the image of a minor character, the artist Usto Modan. The relevance of the presented material is related

© Косенко В.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

to the attention in modern culture to the prototype of this image, the real artist of the 20th century Usto Mumin (1897–1957). In the 21st century documentaries are being made, plays are being staged, studies and books are being written about him. The purpose of the article is to show, on the basis of the biographical method and receptive aesthetics, how the image of the artist is constructed in the story by Enna Alennik. The details and context of the image, psychological and ethical features of the portrait of the artist are highlighted. The uniqueness of the proposed material lies in the fact that the analyzed context of the story “Reminder” does not contain an apologetic discourse about the artist, rather, the opposite. Such an unusual view of the artist, whose paintings are exhibited in the largest museum collections, expands the idea not only of the creative personality depicted in the literary text, but also of the real artist, thereby loosening the mythological buildings and making the artist “out of flesh and blood”.

Key words: the image of the artist, ecphrasis, Usto Mumin, Enna Alennik

Article history: received 23.01.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kosenko, V.S. 2025. “The Poetics of the Artist’s Image in the Novel “Reminder” by Enna Alennik.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 332–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342>

Введение

Творческая личность, изображенная средствами литературы и других видов искусства как воплощение и отражение реально существовавших людей, всегда интересует специалистов гуманитарного спектра: психологов, психоаналитиков, искусствоведов, филологов, историков, режиссеров театра и кино. Все они пытаются найти то сокровенное в творческой личности, которое отличает ее от «нормальных» людей, выстроить некую «формулу таланта».

Автобиографическая повесть ленинградской писательницы Энны Аленник никогда не попадала в оптику литературоведческого исследования. Для нас она представляет интерес в связи с тем, что среди множества персонажей повести присутствует художник по имени Усто Модан. Он пополняет ряд образов художников в русской литературе и способствует, сначала на эмпирическом уровне, а затем и на уровне обобщения, формированию некоего алгоритма в изображении творческой натуры вербальными средствами, во всяком случае, задает поиск такого алгоритма.

Цель исследования — изучение поэтики образа художника в повести «Напоминание» Энны Аленник¹. Поставленной цели подчинены следующие задачи исследования: определить место художника в системе персонажей повести «Напоминание»; вычленив детали, из которых складывается портрет художника: психологический, этический, социально-бытовой; раскрыть семантику исторического контекста повести, в частности сообщить о прототипе художника — реально существовавшей личности; сделать акцент на субъек-

¹ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. 528 с.

тной организации повести; прокомментировать заглавие повести «Напоминание» в связи с объектом нашего исследования.

В основе анализа статьи лежит методология, базирующаяся на работах по поэтике И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, Ю.Б. Орлицкого, В.Е. Хализева.

Результаты и обсуждение

Энна Аленник

Эсфирь Моисеевна Цинман (1909–1988) — ленинградская писательница-прозаик, вошла в историю литературы под псевдонимом *Энна Михайловна Аленник*; автор произведений для детей, написанных в 1950–1960-е гг. (в Интернете выложено немало ее детских книжек, содержащих благостные истории, которые строятся вокруг нравственно-этических проблем, возникающих в кругу детей: «Мы жили по соседству», «Далекое путешествие», «Однажды перед каникулами» и др.). В фокусе нашего внимания будет ее «взрослая» повесть «Напоминание». Сведения о жизни Энны Аленник скудны: в справочнике «Писатели Ленинграда» [1] содержится несколько биографических фактов. Окончила Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств. Период существования института в Петербурге, Петрограде и Ленинграде уместается в диапазон между 1912–1931 гг. 1930-й — год окончания Эсфирью Цинман этого заведения, где она прослушала, среди прочих, курсы по истории русской литературы, поэтике, теории искусства (читали лекторы — цвет отечественной гуманитаристики: Г.А. Гуковский, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, В.П. Адрианова-Перетц, Б.М. Эйхенбаум и др.) — таким образом, при создании портрета художника в повести «Напоминание» писательница пользуется профессиональными знаниями.

Повесть «Напоминание» содержит намного больше информации о частной жизни Энны Аленник, чем словарная статья. С одной стороны, повесть автобиографическая и документальная: все события (с 1906 по 1950 г.) датированы, указаны места действия (Тифлис, Алма-Ата, Минск, Фергана, Ленинград, Самарканд, Ташкент), эти события соответствуют реальным историческим фактам как в судьбе страны, так и в частных судьбах персонажных прототипов, с другой стороны, все реальные имена заменены на вымышленные, однако не радикально, а с подсказкой (реальный врач Корчиц — в повести Коржин, реальный художник Усто Мумин — в повести Усто Модан, его жена Ада — в повести Аня и проч.).

Писательница предпосылает повести слова: «Ее нельзя назвать документальной. Вероятно, герой в ней оживет и таким и не совсем таким, как был, потому что будет оттенен разной памятью разных людей»². Так случается не

² *Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 4.*

только в литературе, но и в жизни. У каждого смотрящего или осмысляющего — свое видение человека или события.

Главный герой повести — сначала студент медицинского вуза, потом он же хирург — Алексей Петрович Коржин, академик. У повести есть посвящение: «Памяти Евгения Витольдовича Корчица». Справочная информация о В.Е. Корчице проливает свет на главного героя: он прототип Коржина.

Однажды рассказчица повести, ленинградка, студентка первого курса, отправилась в путешествие. Поезд, в котором она возвращалась домой, потерпел крушение под Минском. Рассказчицу «с того света пришлось вернуть на этот»³. Имени своего она не приводит, называя себя по ходу повествования то «человеком пишущим», то «обломком крушения». Спасает ее минский хирург Коржин. У рассказчицы не было никого из близких или дальних в Минске, надо было освобождать больничное место, и душевный Коржин приводит девушку к себе домой, поручая уход за ней своей жене. Так завязывается дружба между рассказчицей и семьей Коржина на всю жизнь. Эта повесть — посмертный поклон рассказчицы своему спасителю и кумиру, великому врачу, хоронить которого вышло пол-Минска. Она опрашивает спасенных им, коллег, близких и дальних знакомых, разъезжая по городам и весям Беларуси и Узбекистана, где работал Коржин. Поэтому мы слышим разные голоса, разные впечатления, разные характеристики доктора, не всегда лестные. Из этих воспоминаний, эпизод за эпизодом, выстраивается канва семейной жизни доктора, в круг которой входил художник Усто Модан.

Художник

Из двоих детей Коржина старшей была дочь Аня. (Вторым был сын Саня, один из действующих персонажей повести.) Ане отведено в сюжете незавидное присутствие — рассказчице эта молодая женщина не была симпатична. Ее мужем стал русский художник. Вот как описано знакомство художника с семьей Коржина — приемом «рассказ в рассказе», голосом информанта:

«Году, кажись, в двадцать третьем, в одной из своих поездок познакомился он с художником молодым. Прибыл тот из Академии художеств в Самарканд на практику, побродил, покочевал вокруг, и в такое восхищение пришел от этого края, от лиц, от одежды, от уклада восточной жизни, что повязал этот художник на свою белобрысую голову чалму, надел узбекский халат, взял псевдоним Модан, да и остался тут насовсем. Узбекам тоже он понравился — и тем, что свою западную одежду на ихнюю сменял, и тем, что здорово их на портретах изображал. „Понимает правильно“, — говорили узбеки и очень скоро стали звать его Усто Модан, что означает „мастер Модан“. С Коржиным этот художник встретился, когда его уже так величали. Видел я эту фигуру в

³ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 122.

чалме и халате, с облупленным от солнца курносый лицом, с выпученными от интереса к жизни бело-голубыми глазами. Видел, как входит и направляется к двери Коржиных. Зачастил он к ним, картины свои носил показывать и дарить. Кончилось дело тем, что женился он на их дочке Ане. Хотя считалась она рубенсовской красавицей, особой приятности в ней не было, один сонный каприз. Впрочем, кто этого художника разберет, может, при его нервах встрепанных как раз такая пышнотелость сонная и была ему нужна. Свадьбы и всякие такие ритуальные сборища Варвара Васильевна и Алексей Платонович ни во что не ставили, считали напрасной тратой времени и сил. Но к тому времени, то есть к осени двадцать пятого, получил уже Алексей Платонович приглашение в Минск лекции читать и стать во главе хирургической клиники, уезжал он туда с Варварой Васильевной и Саней на постоянное жительство, — вот почему была тут и свадьба дочери, и расставание с нею, с друзьями, Самаркандом. Вот почему собрался у Коржиных весь больничный штат...»⁴.

Если сопоставить приведенный фрагмент с реальным прототипом — художником Александром Васильевичем Николаевым, Усто Мумином, то с реальной биографической точки зрения все перемещения и внешние метаморфозы, случившиеся с художником Моданом, указаны верно — но верно, скорее, мифологически. Именно мифологией обросла биография реального художника (о причинах релокации Усто Мумина и его перевоплощении см. в книге Э.Ф. Шафранской [2]).

Далее в многочисленных упоминаниях о неспособной к эмпатии дочери Коржина всегда рядом упоминается ее муж, Усто. На него падает ответ бездушной Ани: «...приезжала на отдых дочь — сперва с одним сыночком и мужем, потом с двумя сыночками и мужем. Варвара Васильевна лелеяла, обслуживала и, конечно же, усердно кормила свою пышно тяжелеющую дочь и ее семью»⁵.

Экфрасис и его контекст

Глазами и памятью одной из героинь повести (информантки-рассказчицы) — Нины, невестки Коржина, представлена работа художника Усто Модана: «...Мы пили чай на террасе, и пришел Усто. Он осторожно держал за край подрамника свою свежую работу и повернул ее в нашу сторону. Когда ему нравилось то, что он сделал, он показывал. На этот раз был не этюд, была законченная картина: на песчаном холме стоял на редкость нежный, стройный — не мальчик, но и не взрослый узбек, в халате с лиловыми и голубыми полосами, и так красиво смуглой рукой протягивал нам розу. Ну полное впечатление, что нам. Он был босой. Ноги — тоже нежные, как у мадонны.

⁴ Аленик Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 72–73.

⁵ Там же. С. 125.

Алексей Платонович посмотрел и сказал: „Неотразимой красоты юноша. Но... бездельник. Он будет на иждивении обожающих его“.

Усто не обиделся, сказал, что это его не интересовало. Его интересовала только гармония облика.

„А как вам? “ — спросил он у Варвары Васильевны.

Она нехотя ответила: „На мой вкус, он слишком томный... не мужественный“.

Я вглядывалась в эту фигуру. Правда, все в ней струилось, в каждой линии была гармония. Но что-то было в ней мне неприятно. Даже неловко было, сама не знаю отчего.

„Нина мне что-нибудь скажет? “ — спросил Усто.

Я очень глупо выпалила: „Не понимаю я его!.. “

А Саня сказал: „Поздравляю, Усто. Из всего, что у вас видел, это самая тонкая живопись. Как вы назовете?“

„Я уже назвал: „Венец творения“. Подразумевается, что гармоничный человек — венец творения“.

„Не чересчур пышно? — спросил Саня. — И, по-моему, не совсем верно. А почему не цветок, не олень, не бабочка? Что, в них меньше гармонии?“

Теперь Усто обиделся: „Ну, знаете! Не случайно бог создал по своему образу и подобию не бабочку, не оленя, а человека“»⁶.

Экфрастическое представление картины художника и ее рецепция окружающими в повести отражает почти весь спектр отношений к реальному художнику Усто Мумину — от удивления, восхищения до непонимания и неких фигур умолчания, чего-то «неприличного», что вменялось в вину художнику и идет за ним мифологическим шлейфом. (Анализу этой фигуры умолчания посвящено исследование Бориса Чуховича [3].) Советские юноши должны были быть широкоплечими и мужественными, плавить сталь и водить трактора, а не нежно подносить цветок. Скорее всего, экфрасис Энны Аленник имеет вымышленный характер, являет обобщенный образ большинства работ Усто Мумина, на которых изображены юноши. У многих художников, оказавшихся в Средней Азии в 1920–1930 гг., объектом изображения были юноши: у Кузьмы Петрова-Водкина, Алексея Исупова, Даниила Степанова. Экфрасис Энны Аленник ассоциативно связывается с картиной Алексея Подковырова «Голубой вечер в горах», на которой изображен юноша с цветком.

Портрет художника

Кроме эпизода, где Усто Модан представляет свою картину, в повести больше нет фрагментов, где он изображен как отдельная личность — только во взаимосвязи со своей женой, дочерью Коржина Аней, неблагоприятная тень

⁶ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 133–134.

которой формирует у читателя портрет художника. Усто Модан — неважный семьянин, не приспособленный в быту. При отъезде от родителей «упаковщиком всех тюков и корзин был не Усто (у него почему-то ремни и веревки сползали). Увязывал все Алексей Платонович, а всего было столько, что под конец он устал»⁷. Усто Модан со своей семьей живет в доме, построенном на деньги тестя, Коржина: «На его постройку, достройку и пристройки годами уходила львиная доля немалых окладов Коржина — профессорского, директорского и за консультацию в железнодорожной больнице»⁸. В голодную военную годину, когда все прочие персонажи повести, и Коржин вместе с ними, собирали с грядок помидоры и поштучно делили их между собой, Коржин сказал: «У моей дочери прекрасный сад. Она могла бы догадаться поделиться с нами, но не догадывается, бедняжка».

Когда, уже после смерти сына Сани и мужа, Алексея Платоновича Коржина, Варвара Васильевна, мать Ани, доживала свою жизнь у дочери, обув у нее, бывшей бестужевки, талантливой красавицы Вареньки Уваровой, отняли, «чтобы не выползала за калитку»⁹, — такова была дочерняя благодарность.

Из двух своих детей Варвара Васильевна выделяла Аню, считая себя виноватой, что *такой* родила ее — «неумной»¹⁰, и потому холила и пестовала дочь, посылая ей и ее семье еженедельно посылки с продуктами из Минска в Ташкент. В это время Аня пишет брату Сане письмо:

«Муж недавно вернулся из Москвы. Он возил туда свою картину для украшения выставки хозяйства в Узбекский павильон. Выставка будет очень шикарная. Картину там приняли на ура! Поэтому денег заплатили столько, что Усто привез мне целый чемодан изумительных шоколадных конфет. Ты знаешь, Санечка, что я никогда досыта конфетами не наедалась. Я сразу столько съела, что немножко заболела. А какой громадный, роскошный бухарский ковер мы на эти деньги купили! Вообще, что хотели — покупали, кутили вовсю. И почему-то вдруг получилось так, что деньги истратились все, до копейки. Нам нечем жить. Себе лепешку и молока детям купить не на что. Вот какой был ужас! Но ничего, дорогая мамочка быстро прислала телеграфом. Я ее обожаю! Я бы хотела никогда с ней не расставаться и всегда ее беречь»¹¹.

Последние годы в ташкентской эвакуации, представленные в повести, чета Коржиных окружена друзьями, невесткой и ее родителями, но среди них нет ни Ани, ни Усто Модана. «Отсутствие совести — вот неизлечимая болезнь»¹², сгоряча произносит знающий толк в болезнях профессор Коржин

⁷ Аленик Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 156.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Там же. С. 171.

в адрес своей дочери. Этот приговор тенью ложится и на ее мужа, художника Усто Модана.

В повести все судят Аню: отец, брат Саня, невестка Нина, рассказчица. Только мать, Варвара Васильевна, пытается загладить свою вину, понимая, что у нее родилась «неудачная дочь»¹³, но дочь в этом не виновата.

Тем не менее рассказчица иногда замечает проблески гуманизма в Усто: «Ну почему, откуда у таких родителей — такая дочь? Ее муж Усто куда человечнее. Увидит, какие битком набитые сумки тащит Варвара Васильевна, подбежит и выхватит. Но это бывает редко, он с утра уходит на этюды за город. Пока мы там жили — она тяжестей не носила, а теперь, конечно, опять носит»¹⁴.

В целом же бесчувственность и нечуткость дочери Коржина, в глазах рассказчицы, создают цельный семейный портрет, окрашивая и ее мужа, Усто Модана, этими красками. Во всяком случае, в повествовании совсем отсутствуют ноты восхищения, преклонения перед талантом художника, а ведь текст повести написан уже в конце 1970-х гг., когда у его прототипа, Усто Мумина, народилась посмертная *тихая* слава, и на глазах она мифологизировалась. Правда, один раз в тексте промелькнула фраза, отданная рассказчицей Сане, брату Ани, когда он в пылу и обиде высказывает матери, что та всю жизнь опекала сестру, а потом и ее «знаменитого супруга»¹⁵.

Рассказчица, говоря о 1930-х гг., о «великих стройках», не обошла и Усто Модана, сообщив, что «Усто без передышки ездил по Средней Азии, в набросках увозил зеленые побеги на пустынной земле, куда протягивались первая нить ошеломленной воды и тех, кто эту нить протягивал под немилосердным солнцем. Он ездил на сборы урожая и создавал картины пленительного плодородия садов с протянутыми к плодам руками сборщиков. Протянутыми в истоме — как к своему счастью. Его картины выставлялись в Ташкенте, посылались в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку»¹⁶.

В 1941 г. бегут из-под бомб, что обрушились на Беларусь, из Минска Коржин и Варвара Васильевна, каждый сам по себе, застигнутые врасплох. Оба оказываются в Ташкенте, у дочери. Сначала Алексей Платонович, первым делом принявшийся спасти виноградные лозы в саду у дочери, до которых никому не было дела, потом, измученная, исхудавшая, через Сибирь добирается до Ташкента и Варвара Васильевна, ставшая похожей на дервиша, аскетичного странника. Усто как будто впервые увидел Варвару Васильевну. «Он писал ее портрет вопреки ее желанию, делая наброски украдкой, из окна мастерской, глядя на нее — то лежащую, то сидящую в саду. <...> После „такого лица“, тонко и сильно проявленного темперой на небольшом холсте,

¹³ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 215.

¹⁴ Там же. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 158–159.

Усто знал, что ему делать. Он встречал поезда, смотрел, как выгружаются люди, как выносят раненых, и постигал, что вбирает в себя слово „эвакуированные“. Они рассказывали о своем адском пути с жадностью, почти такой же, как ели хлеб, как ловили первую струйку воды из питьевого фонтанчика. В результате появилась целая серия работ „Человек и война“»¹⁷.

Если поначалу образ Усто Модана выглядит бесхребетным, странным, по мнению «пишущего человека», никак не вписывающимся в орбиту ее (рассказчицы) кумира, профессора Коржина, и ее самой, то ближе к концу повести он становится *дейтельным*, не без очень скрытой иронии сообщает рассказчица, потому что параллельно ему изображены эпизоды другой *деятельности* — за операционным столом профессора Коржина и на фронте — Сани, его сына.

Субъект повествования

Говоря об отличии фабулы и сюжета, «Томашевский разграничивал два понятия так: фабула — это то, что было в действительности, а сюжет — то, как узнал об этом читатель, фабула и сюжет соотносятся как материал и прием, как анонимная, в принципе переходящая из текста в текст история и индивидуальная работа по ее рассказыванию. Сюжет деформирует фабулу, делает ее ощутимой» [4. С. 49], — пишет теоретик литературы С.Н. Зенкин. В качестве примера он приводит евангелия «как разные интерпретации одной и той же истории. В них... одни события опускаются, другие добавляются... с разными деталями и смысловыми нюансами» [4. С. 49–50].

Энна Аленник в своей повести отразила реальные исторические события, современниками которых выступают ее персонажи, но преподнесла их участие в них (в частности Усто Модана, а главное — его прототипа — Усто Мумина) в собственной рецепции и интерпретации. Сознательно или бессознательно характеризуя «какое-то явление, событие, личность героя», автор «опосредованно раскрывает этим свое личное к ним отношение» [5. С. 116], — считает филолог И.Р. Гальперин.

Несмотря на то что рассказчица строит свой текст из суждений ее «информантов», тем не менее подбор этих суждений и их оценочный вектор подчиняются воле рассказчицы, ибо «модальность художественного текста пронизывает все его части», коэффициент модальности зависит от «объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Этот коэффициент тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» [5. С. 118].

Подобная модальность способствует рождению образа художника, который строится не просто из единичных фактов, а из концентрации «существенных для автора сторон жизни во имя ее оценивающего осмысления» [6. С. 113].

¹⁷ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 188.

Приведем элементы заголовочно-финального комплекса из повести Энны Аленник, который состоит из заглавия и последней фразы текста [7. С. 73–74]: заглавие — *Напоминание*; финальные слова повести:

«Трудно кончать эту книгу и второй раз прощаться с Алексеем Платоновичем Коржиным. На ее страницах хотелось донести до вас хотя бы частицу его жизни, его мира, его емких минут.

Если вы их ощутили, если слышали его, если немного побыли с ним живым и теми, кого он любил, спасибо вам»¹⁸.

Таким образом, по воле автора заголовочно-финальный комплекс функционирует в повести как рама: заглавием автор заявил о своем намерении, последней фразой подвел черту под сделанным.

Судя по сюжету повести, художник Усто Модан не входит в круг тех, кого любил Коржин, — автору удалось воплотить в образ Усто это античувство. Однако если подняться до семантики контекста, до прототипа — реального художника А.В. Николаева, Усто Мумина, то те, к кому обращается автор «Напоминания», должны быть признательны писательнице: она, «напомнив», оставила в исторической памяти бесценные фрагменты из жизни художника, пусть далеко не комплиментарные и во многом субъективные. Зато они в большей или меньшей степени коррелируют с биографией художника, составленной на основе фактов, подкрепленных документами, дневниковыми записями, прочими эго-документами, мемуарами, — в двух книгах: «Усто Мумин: превращения» [2] и «„Любовь, дружба, вечность“ Усто Мумина» [3], вышедших в один год и свидетельствующих о непреходящем интересе к этому художнику.

В итоге образ художника Усто Мумина существует в многогранном осмыслении: литературно-художественном, научно-биографическом, интерпретаторски-биографическом и театральном. Последнее — в спектакле «Радение с гранатом» Марка Вайля (о чем пойдет речь в следующей статье).

Заключение

Итак, цель нашего исследования — рассмотреть, как выстраивается образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник, — достигнута. В ходе анализа мы определили место художника в системе персонажей повести. Выделили детали, из которых складывается психологический, этический, бытовой портрет художника Усто Модана. Раскрыли семантику образа, отсылающего к реальному прототипу — Александру Васильевичу Николаеву, Усто Мумину. Внесли необходимое примечание, связанное с субъектной организацией повести, сделав акцент на авторских воле и предпочтениях, не обязательно совпадающих с объективными характеристиками исторической лич-

¹⁸ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 258.

ности. Прокомментировали заглавие повести, вышедшее из пространства авторского текста в метатекст культуры, потому и зовущее к очевидным или вольным интерпретациям.

Список литературы

1. Писатели Ленинграда : биобиблиографический справочник. 1934–1981 / авт.-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Ленинград : Лениздат, 1982. 376 с.
2. *Шафранская Э.Ф.* Усто Мумин : превращения. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2023.
3. *Чухович Б.* «Любовь, дружба, вечность» Усто Мумина. Прага : Artguide s.r.o, 2023.
4. *Зенкин С.Н.* Введение в литературоведение. Теория литературы. Москва : РГГУ, 2000.
5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981.
6. *Хализев В.Е.* Теория литературы : учебник. Москва : Высшая школа, 2002.
7. *Орлицкий Ю.Б.* Заглавие // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73–74.

References

1. Writers of Leningrad. 1982. A bio-bibliographic reference book, 1934–1981, compiled by V. Bakhtin and A. Lurie. 1934–1981. Leningrad: Lenizdat. Print. (In Russ.)
2. Shafranskaya, E.F. 2023. Usto Mumin: transformations. Moscow: Garage Museum of Modern Art. Print. (In Russ.)
3. Chukhovich, B. 2023. “Love, friendship, eternity” by Ust Mumin. Prague: Artguide s.r.o. Print. (In Russ.)
4. Zenkin, S.N. 2000. “An introduction to literary criticism.” In Theory of literature: A textbook. Moscow: RGGU publ. Print. (In Russ.)
5. Galperin, I.R. 1981. Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
6. Khalizev, V.E. 2002. Theory of literature: Textbook. Moscow: Higher School publ. Print. (In Russ.)
7. Orlitsky, Yu.B. 2008. “Title.” In Poetics: dictionary of current terms and concepts. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada, pp. 73–74. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., д. 6. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru

Bio note:

Victoriya S. Kosenko is a PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Stage Speech of Russian Institute of Theater Arts (GITIS), 6 Malyi Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-343-352

EDN: QJYDMR

Научная статья / Research article

Литературный этюд жизненных мыслей ученого: феномен Г. Гачева

Н.Д. Афанасьева^{id}, А.А. Васильева^{id}

МГИМО Университет, Москва, Российская Федерация

✉ afan-nina@yandex.com

Аннотация. Представлен анализ философских и мировоззренческих взглядов болгарского ученого и мыслителя Георгия Гачева. Раскрывается содержание и сущность концепции изучения этнокультур, заключенной в творческой одаренности народа, населяющего тот или иной географический регион, тождественный культурному ландшафту. Цель исследования — рассмотреть концепции культурного многообразия, Космо-Психо-Логоса, идею об изначально заложенных в окружающем пространстве знаниях Георгия Гачева. Особое внимание уделяется мышлению ученого, его подходу к философии, религии, науке, а также влиянию его творчества на различные области знания. Метод исследования культуролога современности расширил понимание смысла научного познания, сформировал свою стройную, творческую систему философствования. Результаты исследования представляют интерес не только для специалистов в сфере философии, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами смысла жизни и человеческого бытия.

Ключевые слова: жизненные мысли, этнокультура, Космо-Психо-Логос, культурологическое мышление, ментальность

История статьи: поступила в редакцию 24.02.2025; принята к печати 10.04.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Афанасьева Н.Д. — концепция исследования, введение, анализ и обработка материала; Васильева А.А. — анализ и обработка материала, оформление списка литературы.

Для цитирования: Афанасьева Н.Д., Васильева А.А. Литературный этюд жизненных мыслей ученого: феномен Г. Гачева // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 343–352. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-343-352>

The Literary Study of Scientist's Lives: The Phenomenon of G. Gachev

Nina D. Afanaseva^{id}, Anna A. Vasileva^{id}

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ afan-nina@yandex.com

Abstract. The study is devoted to the analysis of philosophical and worldview views of the Bulgarian scientist and thinker Georgi Gachev. The paper reveals the content and essence of the concept of studying ethno-cultures, concluded in the creative giftedness of the people inhabiting this

© Афанасьева Н.Д., Васильева А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

or that geographical region, identical to the cultural landscape. The purpose of the article is to consider the concepts of cultural diversity, Cosmo-Psycho-Logos, and the idea of knowledge originally embedded in the surrounding space of Georgiy Gachev. Special attention is paid to the scientist's thinking, his approach to philosophy, religion, science, as well as the influence of his work on various fields of knowledge. The method of research of the cultural scientist of the present day expanded the understanding of the meaning of scientific cognition, formed his own slender, creative system of philosophizing. The paper is of interest not only for specialists in philosophy, but also for a wide range of readers interested in the problems of the meaning of life and human existence.

Key words: life thinking, ethno-culture, Cosmo-Psycho-Logos, cultural thinking, mentality

Article history: received 24.02.2025; accepted 10.04.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contributions: *Afanaseva N.D.* — research concept, introduction, analysis and processing of material; *Vasileva A.A.* — analysis and processing of material, preparation of the list of references.

For citation: Afanaseva, N.D., and A.A. Vasileva. 2025. "The Literary Study of Scientist's Lives: The Phenomenon of G. Gachev." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 343–352. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-343-352>

Введение

Георгий Дмитриевич Гачев — уникальная фигура в культуре XX–XXI вв. Личность, которая воплотила в себе, в своей жизни, мысли, творчестве много возможностей, много духовных, творческих, жизненных возможностей. Поэтому очень трудно дать одно определение тому, кто же такой Г.Д. Гачев: Философ? Филолог? Культуролог? Очевидно, он реализовал себя во всех этих областях. Филолог, потому что занимался разработкой идеи «ускоренного развития литературы», исследовал содержательность художественных форм, описывал теорию образов, собирал национальные образы мира в книгу, в которой его система развита в курсе лекций. Кроме того, Г. Гачев работал в жанре жизненно-философского дневника, называя себя «человеком, живущим и размышляющим о жизни» [1. С. 14]. Две эти ипостаси обычно в человеке бывают разведены. Главный пафос его мысли, его дела творческого — соединить эти мысли жизни. «Гачев — Записывающий Слово, фиксирующий его таким, каким оно явилось в конкретный миг его бытия со всей совокупностью всех его повседневных действий, деятельности и как индивида на ментальном уровне и как биологического организма при взаимодействии с окружающим миром (материя, природа)» [2. С. 9].

Человеку со стороны всегда легче понять многие процессы, происходящие в ином обществе, так как он может понимать и объяснять их как сторонний наблюдатель, исключая излишнюю эмоциональность. Так, например, великий Д.Э. Розенталь, польский еврей, начавший серьезно изучать русский язык только в 18 лет, сумел классифицировать сложные явления в русском языке, описать их, выделить исключения и объяснить их. Г. Гачев, болгарский

еврей, проживший в России много лет и практически ставший русским, замечает у других народов те особенности, которые они не видят, так как являются привычными, встречающимися с рождения, не требующими никаких дополнительных разъяснений в их существовании и смысле.

Обсуждение

Исследования, посвященные вопросам мышления, манере понимания вещей и организации быта, были актуальны еще в XVIII в.: поиски вели И. Кант, И.Г. Гердер, Ж.-Ж. Руссо и их последователи. Теоретические аспекты проблемы ментальности рассматривали и философы, и психологи: И. Кант, М. Хайдеггер, Э. Дюркгейм, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, Л. Февр и др. Изучали и описывали ментальность К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль, понятие «ментальность» разрабатывали А.Я. Гуревич, А.П. Огурцов, Л.Н. Пушкарев, А.С. Ахиезер, Г.В. Акопов, И.Г. Дубов, Ю.Д. Коробков, К. Касьянова, Л.Н.М. Морозов, И.К. Пантин, З.В. Сикевич, Е.Я. Таршис и др.

Среди исследований теории и истории культуры можно выделить философско-методологические работы отечественных учёных: С.Н. Артановского, П.С. Гуревича, В.Е. Давидовича, Э.В. Соколовой, С.Н. Иконниковой, Г.В. Драча, Б.С. Ерасова, Ю.А. Жданова, Н.С. Злобина, В.М. Межуева, В.И. Самохваловой и др. Анализируя социокультурный контекст ментальности, особенности и специфику её взаимодействия с культурой, действительностью, исследователи рассматривают функции культуры, структурные особенности и специфику взаимосвязи ее элементов [3].

Эссеизация философских опытов

Н.П. Анциферов, культуролог, теоретик литературы, историк, краевед, в «научном дневнике» жизни, в эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность» [4. С. 136–162] определял дело историка и говорил: «Я подал... помощь, в которой сам буду нуждаться» [5]. В сущности, историки культуры и литературы, а именно к таким и принадлежал сам Г. Гачев, подавали эту помощь очень многим деятелям культуры и духа. Каждый деятель культуры, о ком он писал, запечатлевался на страницах его текстов. Г. Гачев был тем человеком, который не упускал ни одного мгновения Бытия.

Анализируя процесс творчества автора, исследователь Д.Н. Перевозов отмечает, что, присоединяясь к накопленному опыту читателя, он «высекает публицистическую искру, порождая ситуацию внутреннего диалога, когда главным для читателя становится возможность, приняв или отстранившись от авторской точки зрения, выработать свое отношение к факту, теме, проблеме. Отраженная реальность публицистического текста усиливается тем, что и сам по себе человеческий опыт — отражение реальности» [6. С. 96–97, 105].

Книга Г. Гачева «Русская дума. Портреты русских мыслителей» — плод творческого диалога с художником Ю. Селиверстовым. Следует подчеркнуть, что сам Г. Гачев был философом диалога и с Богом, и с Бытием, и с Человеком. Для него не было непрофанных мгновений, ситуаций или неинтересных людей. Каждый человек становился его собеседником: от простого человека до высокоинтеллектуальных его современников. Ю. Селиверстов был одним из них — художник, мыслитель знаменитой серии «портретов русских мыслителей». Для Г. Гачева становится главным третий вопрос, который является камертоном всей книги: 1. Кто виноват? 2. Что делать? 3. *Как понимать?* Этот вопрос очень важен, поскольку определяет синтетизм его мысли, абсолютной открытости и всечеловечности (его называли всечеловеком: в Мысли, Культуре, Духе). Г. Гачев всегда пытался понять, восчувствовать Предмет и найти созидательные его стороны. Ему оказалось близко само стремление Ю. Селиверстова включить в число творцов «Русской думы» не только философов, но и писателей, потому что сам Г. Гачев еще в своей знаменитой книге «Образ в русской художественной культуре» говорит о том, что литература в России играет очень важную роль, по своей сути выполняя «роль национальной русской философии» [7].

Г. Гачев — мыслитель абсолютно свободный. Он не ангажирован никаким политическим или идейным течением, требующим соответствовать национальному течению. «Русская дума» — это доминанта всей жизни Г. Гачева и всего того, что связано с Русью, Россией, с русским Эросом, русским Логосом. Это тема соотношения Вертикали и Горизонталей. Это сложное сочетание в русском духе двух начал. Вертикаль — это обращенность к Богу, Духу, а Горизонталь связывает людей между собой. Эта книга не просто эстетическое самовыражение, «Русская дума» — о том, как сочетать Вертикаль и Горизонталь.

Языковая картина мира разных народов различна, имеет свой национальный характер. Это связано с условиями проживания, историей, религией, культурными традициями и обычаями, семейным укладом и пр. Как отмечают исследователи разноструктурных языков, многое в мышлении и характере определённого народа можно понять, проанализировав народную мудрость, выраженную, например, в пословицах и поговорках. Рассматривая их аналоги у представителей других народностей, сопоставляя их и объясняя происхождение того или иного выражения, можно отметить различия в отношении к обществу, труду, пониманию нравственных ценностей, в выражении этого отношения, в эмоциональной оценке.

Г. Гачев в ряде философско-филологических работ задаётся вопросом: существует ли у разных народов своё собственное представление о мире, мышлении, которое не меняется со временем? «Ценности общие для всех народов (жизнь, хлеб, свет, дом, семья...) располагаются в различных соотношениях.

Это особая структура общих для всех народов элементов (хотя и они понимаются по-разному, имеют свой акцент) и составляет национальный образ мира, в упрощённом выражении — модель мира» [8. С. 47].

Сравнивая, например, пословицы русского и немецкого народа, можно отметить, что во многих случаях они аналогичны, выражают примерно одинаковую сущность, но национальный колорит присутствует во многих из них. Русская пословица «Пустить козла в огород» (поручить важное дело тому, кто не сможет его сделать, а только испортит; впускать кого-либо туда, где он может быть вреден, опасен) у немцев выглядит так: «Den Hund nach Bratwürsten schicken» — послать собаку за жареными колбасками. Человек, отличающийся от других, у русских — «белая ворона», у немцев — «das schwarze schaf» (чёрная овца). Английское «пьян как лорд» — русское «пьян как сапожник», англ. «после обеда приходится платить» — русское «любишь кататься, люби и саночки возить», англ. «между чашкой и ртом кусочек может и упасть» — русское «не говори „гоп“, пока не перепрыгнешь». Г. Гачев предлагает «погружаться в древность», чтобы найти то национальное, что есть у каждого народа. Пословицы и поговорки — своеобразный код культуры. Различия в мировоззрении, восприятии внешнего мира, внутренние переживания людей, внешняя форма выражений приводят к пониманию мышления того или иного народа.

В предисловии к книге «Ментальности народов мира» Г. Гачев объясняет, что человек, принадлежащий определённой нации, наблюдает в ней одни черты характера человека, объясняет поведение и душевные стремления членов этого общества традициями и воспитанием, тогда как человек, живший среди людей другой нации, часто понимает и представляет окружающее его по-другому и мыслит другими категориями. Действительно, человечество, цивилизацию можно представить в виде симфонического оркестра, в котором каждый народ играет свою партию, дополняя друг друга, а не мешая другим.

Представляет большой интерес замысел автора объединить в книге две части: курс лекций о национальных мирах, портреты национальных миров разных стран (Греции, Италии, Германии, Франции и др.) и так называемую «исповесть» (повесть-исповедь) — «Как я преподавал в Америке». Если в первой части читатель находит научное описание национальных миров (картина мира, проблемы национальной логики, языка, литературы и пр.), то во второй Г. Гачев описывает процесс своей работы, те переживания, эмоции, ассоциации, которые оказывали влияние на содержание лекций во время их создания.

Исследуя английский Космо-Психо-Логос, Г. Гачев останавливается на исторических и религиозных фактах, объясняет причины культа частной жизни и даёт определение джентльмена, «самосделанного человека». Основные его черты — независимость от мнения других, самоуважение, ирония по отношению к себе и окружающим, способность держать своё слово, присутствие

духа [9. С. 159]. Отсюда и различия в народных выражениях: некоторая чопорность англичанина, знающего себе цену, и разгульное, залихватское отношение к жизни русского человека, больше полагающегося на «авось», чем на хитрый расчёт.

Г. Гачева привлекает не только художественная литература в качестве примеров к мыслям, идеям, описаниям, но и философские труды Платона, трактат Паскаля (физика!) «О равновесии жидкостей» и подобные им, — всюду он находит подтверждение своим умозаключениям. Вникая в самую суть французского духа, исследователь рассматривает стихию воздуха, который соединяется с водой, называет это состояние «водовоздухом» и приходит к неожиданному для читателей, но вполне обоснованному для него объяснению фонетики французского языка: когда латинские звуки появились во Франции, в «космосе сырого воздуха», они «словно простудились и им заложило нос после прибытия и натурализации в новой среде». Именно поэтому французская фонетика насчитывает большое количество носовых звуков.

Интересен тот факт, что, исследуя и описывая менталитет разных народов, Г. Гачев соединяет в своих работах не только информацию об истории, происхождении той или иной нации, психологии, поведении людей, но и рассуждения о музыке, архитектуре, литературных произведениях и героях. Г. Гачев очень любил музыку. Любовь эту он унаследовал от своей матери и называл музыку своей второй стихией. Будучи аспирантом, стал студентом теоретико-композиторского отделения училища им. Гнесиных и написал музыку к таким философическим стихам, как «Река времён в своем стремлении...» Г. Державина, «Воспоминание» А.С. Пушкина. В этом стихотворении есть строки, которые он всегда применял к себе:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю¹.

В годы зрелости Г. Гачев напишет этюд «Музыка и световая цивилизация», в котором он говорит об особом восприятии мира, который рождается в музыке. Следует отметить, что сам он очень остро переживал и чувствовал музыку в подобной воплощенной красоте и гармонии бытия. Более того, он считал, что сам способ развертывания философской мысли у него схож с музыкальным стилем мышления (в музыкальном произведении имеется композиция, разработка, вариации). У Г. Гачева мысль строится так же (ср. с «музыкальной семантикой» Б. Асафьева, который считал, что музыка способна превратиться в «полную значимости живую образную речь») [10. С. 73].

¹ Золотой век русской поэзии : антология / сост. В.Л. Коровин Москва : Эксмо, 2013.

Метакритика

Только тонкий музыкальный слух, редкая способность услышать и почувствовать то, что не слышат и не воспринимают другие, создать необычный, не поддающийся словесному объяснению ассоциативный ряд, интуиция, чутьё профессионала могли привести Г. Гачева к созданию «энциклопедии» национальных миров. Без сомнения, можно критиковать «опус, представляющий собой сплав возвышенной филологии и обывательского («экзистенциального») подхода к проблеме национального» (по словам доктора филологических наук С. Шафикова [11. С. 1127]), но нельзя не признавать, что в оригинальных, порой противоречивых размышлениях Г. Гачева много жизненно важного, необходимого каждому человеку. Каждая строка его исследований проникнута радостью открытия, которой он делится со своими собеседниками.

Можно спорить о символических смыслах понятий «запад» и «вода», «восток» и «воздух», настаивать, что «между любыми произвольно выбранными словами можно установить смысловую связь» [11. С. 1129], отмечать отсутствие системного подхода к описанию национальной жизни разных стран, но идеи, мысли, чувства, предположения и рассуждения Г. Гачева настолько захватывающи, объёмны, насыщены примерами, сопоставлениями, отступлениями для пояснений, что вызывают у читателя не только удивление и радость познания, но и желание продолжать этот процесс: проанализировать высказанное автором и сделать попытку, например, объяснить ту или иную традицию определённого народа местоположением, особенностями речи, влиянием соседнего народа или составить свой собственный неологизм для обозначения понятия или чувства.

То, что в работах Г. Гачева некоторым кажется наивным, на наш взгляд, далеко не наивность. Это та простота интерпретации своих умозаключений, которая присуща лишь мудрецам, познавшим мир. Решить все загадки национальных культур, конечно, невозможно, но предполагаем, что учёный и не ставил перед собой такую задачу, — он стремился показать каждому собственный путь к истине через смелые предположения, творчество, искусство анализа.

Л.Н. Будагова, известный литературовед, доктор филологических наук, исследуя творчество Г.Д. Гачева, пишет: «Поднимая глобальные, но отнюдь не избитые проблемы, мобилизуя обширнейшие знания и свою интуицию, таланты ученого и писателя, создавая подчас своеобразные жанрово-стилистические коктейли текстов, в которых было много всего, но не было наукообразия и скуки, Георгий Дмитриевич способствовал „раскрепощению“ научного творчества, стимулируя не только профессиональный, но и широкий читательский интерес к его плодам» [12. С. 51].

А.Н. Сокальская в диссертации на соискание звания кандидата филологических наук на тему «Словотворчество как компонент научного идиостиля

Г.Д. Гачева» отмечает: «Г.Д. Гачев является учёным с нестандартным типом научного мышления, выражающимся в перманентном моделировании интеллектуальных понятий, не находящих адекватного выражения в языке. Поэтому значительное количество авторских новообразований в текстах носит не стихийный, спонтанный характер, а продиктовано исследовательскими задачами учёного, стремящегося к пониманию читателем сути описываемых реалий и их соответствующей интерпретации. Причины, побуждающие его к созданию новообразований, различны: необходимость точно выразить мысль, желание своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, потребность кратко сформулировать мысль, дать определение новому понятию» [13. С. 155].

Заключение

Г. Гачев — русский и болгарский философ, исследователь, чьи труды посвящены фундаментальным вопросам жизни и смысла. Прославленный своими философскими исследованиями о смысле жизни и человеческой судьбе, Г. Гачев представляет собой одного из самых влиятельных мыслителей современности. В своих трудах он исследует вечные вопросы бытия, истины, справедливости и морали, призывая к размышлениям о глубинных аспектах человеческого существования. Его работы характеризуются глубокой философской проработкой темы смысла жизни, а также острым интеллектом и стремлением к постижению истины. Творчество Георгия Гачева является неизменным источником вдохновения для многих исследователей и поклонников философии, оставляя заметный след в истории мысли.

Своеобразный стиль Г. Гачева с самого начала удивляет читателей особым пониманием мироустройства. Его размышления о культуре, языке, поведении людей разных национальностей представляют собой научное повествование, но не типично научный труд, а изложение его своеобразной точки зрения на процессы с лёгкой иронией, с обращением к читателю, с оригинальными сравнениями. Часто кажется, что подаваемая информация уже давно известна и обсуждалась другими исследователями. Но, усыпляя читающих плавностью повествования, иногда граничащей с наивностью изложения материала, неожиданно автор задаёт вопрос, на который сложно ответить, который изменяет отношение к описываемому: не всё так просто. Его оценка не категорична, но даёт возможность задуматься и уже вместе с автором следовать за его мыслями. Часто Г. Гачев задаёт вопросы и дальнейшими рассуждениями приводит читателей к тому, что они начинают обращать своё внимание на предметы, понятия, с которыми каждый встречается в обычной жизни, но теперь понимает их глубину, значимость, философский смысл. Он очень бережно относится ко всем точкам зрения других и никого не судит, а только констатирует наличие иного понимания уклада жизни или поведения людей.

Как синтетический универсальный мыслитель, Г. Гачев тяготился узкими рамками одной дисциплины. Он стремился увидеть близкое и родное в непохожем и дальнем. Бытие, которое предстает в единстве и творческой полноте.

Г. Гачев нередко ссылается на литературные произведения, тексты которых, на его взгляд, могут подтвердить то или иное его предположение, доказать его мысль или продолжить её. Он не делает скидок на то, что читатель не знает этого автора, а считает, что каждому образованному собеседнику он должен быть известен (или умышленно отсылает читателя к знакомству с творчеством писателя или поэта).

Г. Гачев — мыслитель, который явил в своем творчестве пример художественного мышления, потому что именно художественное мышление дает возможность сопрягать далекие сферы. На строго логический взгляд явления не сопоставимы, но в пространстве образного мышления они соединяются. Тем самым мы получаем видение Бытия в творческой полноте.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). Москва : Летний сад. 2006.
2. Бахтикиреева У.М. Георгий Гачев и его метод мышления: меняя человека и мир // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 6-19. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>
3. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры: философско-культурологический анализ: дис. ... д-ра филос. наук. 24.00.01. Теория и история культуры. Ростов-на-Дону, 2011. EDN: QFKKAN
4. Исследования по истории русской мысли // Ежегодник. 2003. Вып. 6. / публ. и предисл. А. Свешникова и Б. Степанова. Москва, 2004.
5. Анциферов Н.П. Филология прошлого и будущего : по материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. Москва : ИМЛИ РАН, 2012.
6. Перевозов Д.Н. Эссеизация текстов как выражение персонального журнализма в современной российской публицистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.01. 10. Воронеж, 2007. EDN: NOWMOJ
7. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. Москва : Искусство, 1981. EDN: VSHFFN
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : общие вопросы. Москва : Советский писатель, 1988.
9. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва : Эксмо, Алгоритм, 2008. 544 с. EDN: QPJNBP
10. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. 2-е изд. Ленинград : Музыка, 1971.
11. Шафигов С.Г. Национальные образы мира в свете субъективного мышления // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1126–1135. EDN: RUOZML
12. Будагова Л.Н. Незабываемое. Несколько штрихов к жизни и творчеству Георгия Дмитриевича Гачева // Журнал Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 12. 2017. С. 50–57. <https://doi.org/10.31168/2412-6446> EDN: YQAXSL
13. Сокальская А.Н. Словотворчество как компонент научного идиостиля Г.Д. Гачева: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Русский язык. Майкоп, 2007. С. 155. EDN: NOVTYN

References

1. Gachev, G.D. 2006. *60 Days in Thinking (The Self-Generation of Genre)*. Moscow: Summer Garden publ. 479 p. Print (In Russ.)

2. Bakhtikireeva, U.M. 2024. “Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World.” *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–19. Print (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1> (In Russ.)
3. Betilmerzaeva, M.M. 2011. “Mentality in the context of culture: philosophical and cultural analysis.” Thesis in Philosophy. 24.00.01. Theory and history of culture. Rostov-on-Don. Print (In Russ.) EDN: QFKKAN
4. *Studies in the History of Russian Thought*. 2004. Yearbook 2003. Issue 6. Moscow: Publ. and preface by A. Sveshnikov and B. Stepanov. Print (In Russ.)
5. Antsiferov, N.P. 2012. “Philology of the past and the future.” In *The materials of the international scientific conference “First Moscow Antsifer readings”*. Moscow, September 25–27. Moscow: IMLI RAN publ. Print (In Russ.)
6. Perevozov, D.N. 2007 “*Essayization of texts as an expression of personal journalism in modern Russian journalism*.” Dis. of the candidate of philological sciences: 10.01.10. Voronezh. Print. (In Russ.) EDN: NOWMOJ
7. Gachev, G.D. 1981. *Image in Russian Art Culture*. Moscow: Art publ. 248 p. Print (In Russ.) EDN: VSHFFN
8. Gachev, G.D. 1988. *National images of the world: general issues*. Moscow: Soviet Writer publ. Print (In Russ.)
9. Gachev, G.D. 2008. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo, Algorithm publ. Print (In Russ.) EDN: QPJNBP
10. Asafiev, B.V. 1971. *Musical Form as a Process*. 2nd ed. Leningrad: Music publ. (In Russ.)
11. Shafikov, S.G. 2013. “National images of the world in the light of subjective thinking.” *Vestnik of Bashkir University*, vol. 18, no. 4. pp. 1126–1135. Print (In Russ.) EDN: RUOZML
12. Budagova, L.N. 2017. “Unforgettable. Some touches to the life and work of Georgy Dmitrievich Gachev.” *Journal Slavic World in the Third Millennium*, vol. 12, pp. 50–57. Print (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2412-6446> EDN: YQAXSL
13. Sokalskaya, A.N. 2007. “Word creation as a component of G.D. Gachev’s scientific idiosyncrasy.” Candidate Thesis. Maykop, p. 155. Print (In Russ.) EDN: NOVTYN

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-9462-7706. Researcher ID (WoS): O-9210-2015. eLibrary SPIN-код: 7446-9609. E-mail: afan-nina@yandex.com

Васильева Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-9064-8534; Researcher ID (WoS): F-1321-2016. eLibrary SPIN-код: 6897-0178. E-mail: a.vasileva@my.mgimo.ru

Bio notes:

Nina D. Afanaseva is PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9462-7706. Researcher ID (WoS): O-9210-2015. eLibrary SPIN-code: 7446-9609. E-mail: afan-nina@yandex.com

Anna A. Vasileva is PhD in Philology, Associate Professor of the Russian language Department, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9064-8534. Researcher ID (WoS): F-1321-2016. eLibrary SPIN-code: 6897-0178. E-mail: a.vasileva@my.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-353-365

EDN: QQDEWT

Научная статья / Research article

Осмысление закона Абсолют в современной интеллектуальной прозе Казахстана: на материале романов Х. Адибаева «Созвездия близнецов» и Д. Накипова «Круг пепла»

У.В. Овчеренко^{id}, Н.В. Щенникова^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Ovcherenko1993@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено изучению отражения философских идей Гегеля об «абсолютном духе» и «абсолютной идее» в тюркской философии и, как следствие, — в литературе Казахстана XXI в. В работе продемонстрировано, как учение Гегеля, попав на почву духовно-ориентированной казахской философии, преодолевающей в лице классиков казахской национальной литературы (Абая, Махшүра Копеева и Магжана Жумабаева) гегельянский редукционизм, превратилось в теорию Абсолюта, закрепляющую единство и взаимосвязь каждого элемента реальности — от глобальных исторических событий до личностных коллизий. Проведен анализ отражения гегелевских идей в постсоветской казахстанской прозе на материале интеллектуальных романов двух транслингвальных писателей: Хасена Адибаева «Созвездия близнецов» и Дюсенбека Накипова «Круг пепла». Выявлены истоки возникновения этих произведений и их основные отличительные признаки, позволяющие отнести их к интеллектуальной прозе. Предложена авторская интерпретация «работы» теории взаимосвязи всего сущего в творческой лаборатории этих транслингвальных писателей. Показано, как преломленные через восприятие Адибаева гегелевские идеи реализовались в его теории закона Абсолют, ставшей событийной осью романа. Осмысление закона в рамках истории человеческой цивилизации позволяет этому писателю ставить во главу угла человека Думящего и прозревающего взаимосвязи, взаимозависимость прошлого, настоящего и альтернативного настоящего. Также было проанализировано, как «работает» с законом Абсолют (Вечным Абсолютом) Накипов, противопоставляющий «религию мести» «религии любви», диктующей исполнение этого закона посредством человека Любящего. По Адибаеву, закон Абсолюта совершается ежекасно в истории человечества, по Накипову этот закон приходит в действие лишь тогда, когда его необходимо сохранить.

Ключевые слова: транслингвальная проза, проза Казахстана, Абсолют, Хасен Адибаев, Дюсенбек Накипов, интеллектуальная проза

История статьи: поступила в редакцию 01.03.2025; принята к печати 14.04.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Щенникова Н.В. — сбор материала, написание введения, оформление списка литературы; Овчеренко У.В. — концепция исследования, написание аналитических глав и заключения. Все авторы ознакомлены с окончательным текстом статьи и одобрили его.

© Овчеренко У.В., Щенникова Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Овчеренко У.В., Щенникова Н.В. Осмысление закона Абсолют в современной интеллектуальной прозе Казахстана: на материале романов Х. Адипбаева «Созвездия близнецов» и Д. Накипова «Круг пепла» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 353–365. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-353-365>

Understanding the Law of the Absolute in Modern Intellectual Prose of Kazakhstan: Based on the Novels of H. Adibaev “Constellations of Twins” and D. Nakipov “Circle of Ashes”

Ulyana V. Ovcherenko^{ORCID}, Nina V. Shchennikova^{ORCID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Ovcherenko1993@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the study of the reflection of Hegel’s philosophical ideas about the “absolute spirit” and the “absolute idea” in Turkic philosophy, and, as a consequence, in the literature of Kazakhstan in the 21st century. The work demonstrates how Hegel’s teaching, having come to the soil of spiritually oriented Kazakh philosophy, overcoming Hegelian reductionism in the person of the classics of Kazakh national literature (Abai, Makhshur Kopeyev and Magzhan Zhumabayev), turned into the theory of the Absolute, which consolidates the unity and interconnection of each element of reality — from global historical events to personal collisions. An analysis of the reflection of Hegel’s ideas in post-Soviet Kazakhstani prose is carried out using the material of intellectual novels by two translingual writers: Khasen Adibayev “Constellations of Twins” and Dyusenbek Nakipov “Circle of Ashes”. The sources of these works and their main distinctive features, allowing them to be classified as intellectual prose, are revealed. The author’s interpretation of the “work” of the theory of the interconnection of all things in the creative laboratory of these translingual writers is offered. It is shown how Hegel’s ideas, refracted through Adibaev’s perception, were realized in his theory of the Absolute law, which became the event axis of the novel. Understanding the law within the framework of the history of human civilization allows this writer to put at the forefront a person Thinking and seeing the interconnections, interdependence of the past, present and alternative present. It was also analyzed how Nakipov “works” with the Absolute law (Eternal Absolute), opposing the “religion of revenge” to the “religion of love”, dictating the fulfillment of this law through a Loving person. According to Adibaev, the law of the Absolute is fulfilled hourly in the history of mankind, according to Nakipov this law comes into effect only when it must be preserved.

Key words: translingual prose, prose of Kazakhstan, Absolut, Khasen Adibayev, Dyusenbek Nakipov, intellectual prose

Article history: received 01.03.2025; accepted 14.04.2025.

Conflict of interests: the authors declares that there is no conflict of interests.

Authors’ contributions: *Shchennikova N.V.* — collection of materials, writing of the Introduction, preparation of the List of References; *Ovcherenko U.V.* — research concept, writing of analytical chapters and Conclusion. All authors have reviewed and approved the final text of the article.

For citation: Ovcherenko, U.V., and N.V. Shchennikova. 2025. “Understanding the Law of the Absolute in Modern Intellectual Prose of Kazakhstan: Based on the Novels of H. Adibaev “Constellations of Twins” and D. Nakipov “Circle of Ashes”.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 353–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-353-365>

Введение

Понятие интеллектуального романа впервые было предложено Т. Манном. В статье «Об учении Шпенглера» Манн пишет: «В книгах ищут не развлечение или забвение, но истину и духовное оружие»¹. Интеллектуальный роман — это такое произведение, в котором стираются границы между наукой и искусством, которое заставляет в кризисный момент истории осмыслять происходящее с точки зрения глубинных процессов, происходящих в обществе. И вот с 1924 г. идут споры о том, какой роман можно считать «философским», а какой — «интеллектуальным». Ю. Давыдов, говоря об интеллектуальном романе, отмечает то, что интеллектуальный роман создается на пересечении разнородных процессов (которые он называет «конstellациями» и называет 4 таких конstellации), и два главных его признака — это философизация (и даже теологизация художественного творчества и эстетизация самой философии [1] М.Е. Гельт постулирует важность различения романа интеллектуально и романа философского, отмечает, что вопросы, которые поднимает интеллектуальный роман, «не столько сложны интеллектуально, сколько требуют максимально сосредоточенной работы духовной и эстетической интуиции читателя [2. С. 127]. Для исследовательницы основным показателем интеллектуального романа становится умелое балансирование на грани между философией и искусством, при котором персонажи остаются «живыми», не подвергаясь участи быть только лишь выразителем философской идеи автора. Если проанализировать первоисточник возникновения термина, становится понятно, что предпосылкой к возникновению явления интеллектуального романа становятся эпохи, богатые на хаос, войны и крах государственных систем. Неудивительно, что и казахстанская литература XXI в. стала обильно порождать такие произведения: незаживающие исторические раны, распад СССР, необходимость откинуть старое мировоззрение, казавшееся незыблемым, и сформировать новую реальность, новую философию и новую этику, — все это стало задачами новейшей казахстанской интеллектуальной прозы.

С.М. Алтыбаева, анализируя литературу Казахстана периода независимости, вводит понятие «новой волны» интеллектуальной прозы, относя к ней таких авторов, как Аскар Егеубай, Аскар Алтай, Аслан Жаксылыков, Дидар Амантай, Роза Муканова, Айгуль Келембаева, Дюсенбек Накипов, Хаким Омар, Илья Одегов, Абай и Ауэз Тыныбековы, Николай Веревошкин и др. Также исследовательница отмечает известных мастеров последних лет, в число которых входит Х. Адибаев [3. С. 5]. Упомянутые авторы, бесспорно, относятся именно к интеллектуальной, а не философской прозе: внимание к изображе-

¹ Манн Т. Об учении Шпенглера. URL: <chrome-extension://efaidnbmninnbpcjpcglclefin dmkaj/https://russianway.rhga.ru/upload/main/014sh.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).

нию макроистории через призму микроисторий отдельных людей, обращение к мифу, усложненный хронотоп, смешение разнообразных течений литературы в рамках одного произведения, — все это становится «визитной карточкой» казахстанской интеллектуальной прозы XXI в.

А.О. Азизова и Б.У. Джолдасбекова рассматривают проблемы утраты и отчуждения национальной культуры в произведениях Т. Асемкулова «Полдень» и Д. Амантая «Цветы и книги» [4]. Мы же рассмотрим проблемы утраты Единства, осмысление идеи Абсолюта и ее широкого понимания в интеллектуальной прозе Казахстана XXI в. Рассмотрим то, каким образом казахстанские писатели осмысливают идею Абсолюта, ставшую философским ядром двух произведений, созданных двумя казахстанскими авторами параллельно и независимо друг от друга. Речь идет о романе-откровении Х. Адибаева «Созвездия близнецов» и романе интенций Д. Накипова «Круг пепла». Годы издания романов стоят совсем рядом: «Созвездия близнецов» издан в 2004 г., а «Круг пепла» — в 2005-м.

Абсолют в философии Великой степи

Казалось бы, понятие Абсолюта отсылает нас к философской концепции Гегеля и его понятиям «абсолютный дух» и «абсолютная идея» [5]. Однако в данном случае знакомый термин наполняется совершенно новым смыслом, ограниченным философией Великой степи. Дело в том, что теория Абсолюта в понимании казахстанских мыслителей — это скорее теория о взаимосвязанности и взаимозависимости всего существующего на Земле. Такое понимание ведет свое начало от глашатая кочевой цивилизации — Асана Кайгы и его духовного учения Жер Уюк, повествующего об идее консолидации трех жузов. Б.Д. Кокумбаева и К.К. Бегалинова, разрабатывая вопрос философской диалектики Казахстана, называют жырау первыми философами Великой степи (забегая вперед, определенно, именно их имеет в виду под икаррами Д. Накипов — тех, чьи оllen вызывали чистый восторг, слезы счастья и благодарности за возвышение духа²). «Для претворения в жизнь своих взглядов, степной мыслитель прибегает не к теоретическим отрефлексированным понятиям, а к афористическому образному языку первокультуры» [6. С. 367]. Авторы исследования небезосновательно полагают, что, если западная философия развилась в большей степени под приматом науки, т. е. философия — это часть науки, мать всех наук; то для тюркской философии в целом философия — это часть духовности этноса: «Преемственность... детерминировала формирование культуры Казахстана как целостного явления, в которой четко просматривается филогенетическое родство ипостасей духовности, что особенно рельефно обнаруживается в степной философской мысли, которая тес-

² Накипов Д. Круг пепла : роман интенций. Алматы, 2005. С. 167.

нейшими узами связана с исходной духовно-практической целостностью и сохраняет ведущие атрибуты антропологической универсальности» [6. С. 368]. Авторы подчеркивают разницу между формированием урбанистической цивилизации, в которой доминирует письменная культура, и цивилизацией, формирующаяся под воздействием устно-акустического бытия культуры. Отсюда, на наш взгляд, и проистекает принципиально иное бытование в тюркской культуре и философии привычных нам западных философских терминов. Г.Г. Соловьева и А. Сагикызы, анализируя эстетические концепты трех выдающихся казахских философов — Абая, Махшура Копеева и Магжана Жумабаева — в контексте философии Гегеля, приходят к следующему выводу: «Казахская философия преодолевает гегелевский редукционизм, понимая бытие и красоту мира экзистенциально, во всей полноте жизненных проявлений, звуков и красок. Красота — это не мысль о красоте, а сама жизненная среда, цветущая весной степь, снежные вершины гор, журчание светлого ручейка, полет беркута в голубом небе» [7]. Таким образом, мы приходим к выводу, что понятие гегелевского абсолютного духа в понимании казахстанских мыслителей и писателей — это глобальная теория о том, что каждое явление культуры, цивилизации, истории и личности связано неразрывными узами, и осознание себя через эту взаимосвязь и взаимозависимость в теории способно привести весь мир к гармонии. Цель любого мыслящего человека в таком случае — преодоление объективизма и субъективизма своей сущности, стремление к Абсолюту — это путь человека, ответственного перед собой и миром в целом.

Рассмотрим, как два казахстанских транслингвальных писателя обращаются к теории Абсолюта в своих романах. Оговоримся, что и роман Хасена Адибаева, и роман Дюсенбека Накипова авторы исследования относят к интеллектуальной прозе. Во-первых, Адибаев обращается не только к фактам истории, но и к мировым мифам, а во-вторых, ввиду того, что казахская философия развивалась со значительными отличиями от западной философии, мы не уверены в том, что западный термин «философский роман» в принципе актуален для транслингвальной литературы Казахстана. Однако в этом утверждении мы открыты к полемике.

Закон Абсолюта Хасена Адибаева

Х. Адибаев уже в первой главе романа четко ориентирует читателя в своем понимании Абсолюта: «Я сознаю, трудно бороться с собственной сущностью. Но универсальный закон человеческой деятельности — Абсолют, который можно назвать законом Несчастий и Возможного Счастья. Абсолют — урок тысячелетней истории вопиет: люди, будьте сдержанны, глубоко продумывайте каждый свой шаг, постарайтесь понять и чужую правду»³. В этой

³ Адибаев Х. Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное) : роман-откровение. Алматы, 2004. С. 9.

главе-предисловии «Уроки истории?» Х. Адибаев вводит тождественные термины «теория Абсолюта» и «закон Абсолюта». В главе «Универсальный закон жизнедеятельности Homo Sapiens», которая является своеобразным преддверием к событийной канве романа, автор предлагает расширенное понимание термина и постулирует, что любой мыслящий человек подчинен в своей жизнедеятельности закону Абсолюта. В рамках этой теории автор рассматривает исторические события как нечто, имеющее общую природу коллизий. Приведем одну из самых цитируемых мыслей романа: «Кто мог подумать, что Джордж Буш президент могущественной державы цивилизованного XXI века, действует так же, как и вождь родоплеменного союза Атиллы, а мой сосед Азнабай — член многих академий — бросает милую жену Лейлу по тем же мотивам, что и фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) — свою супругу, красавицу Нефертити»⁴. Если мы снова обратимся к статье Манна, то сможем увидеть, что то, как он излагает учение Шпенглера, весьма созвучно тому, что предлагает читателю Х. Адибаев: «Но так как ту или иную возрастную стадию одной из культур можно обнаружить и у всякой другой, то, во-первых, образуется новое и занятное понятие «одновременности»; а во-вторых, познавший эти законы обладает астрономически точной уверенностью в том, что должно произойти. Например, то, что ожидает нашу собственную культуру, западную, которая в начале девятнадцатого века вступила в старческую стадию цивилизации и чье ближайшее будущее соответствует веку воинственных римских императоров, — это устанавливается с полной несомненностью»⁵. Т. Манн, отталкиваясь от идеи единства и целостности развития цивилизаций, прозревает нити, связывающие разные культуры и позволяющие построить логические соответствия путей развития между различными историческими периодами; *предсказать*, что может ждать цивилизацию. Х. Адибаев, «стоящий на спине великана», идет дальше и предлагает рассматривать историю в параллели с обыденными событиями жизни отдельной, незаметной с точки зрения глобального исторического процесса, личности. Теория Абсолют позволяет автору взглянуть на историю с социально-психологической позиции, с точки зрения которой каждая историческая личность и ее решения, вершащие судьбы мира, являются в первую очередь поступками человека, ведомого внутренними мотивами. Соответственно, предсказать развитие той или иной исторической ситуации возможно, если углубиться в общепсихологические процессы человеческой психики и поведения. Герой романа, от лица которого ведется повествование, одновременно и находится на больничной койке, и прозревает исторические периоды, ставшие переломными в общей судьбе

⁴ Адибаев Х. Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное) : роман-откровение. Алматы, 2004. С. 10.

⁵ Манн Т. Об учении Шпенглера. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://russianway.rhga.ru/upload/main/014sh.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).

человечества. Очень точное определение ролей героя дает Н. Сарсекеева «Автор представлен здесь одновременно в нескольких ипостасях: рассказчик, лирический герой, скриптор (Р. Барт), повествователь, философ, собиратель истин и даже врач (как он сам себя именует). Читатель наблюдает не только перевоплощение автора в героев различных эпох и народов, но и свободное перемещение авторского сознания из эпохи Древнего Египта во времена Великой французской революции. При этом обнаруживается сходство образов Марата и Робеспьера с образами бунтарей Древнего Египта, которых роднит “вечная мечта о Мессии-освободителе, справедливом правлении”» [8. С. 67]. Герой, являющийся автобиографичным, прозревает различные хронотопы мировой истории, оказываясь всегда в переломном моменте развития цивилизации и/или культуры. С.М. Алтыбаева отмечает символизм названия романа: разные миры как близнецы, поэтому слово «Созвездия» употреблено во множественном числе [9. С. 82]. Так, находясь в хронотопе дохристианского мира, герой оказывается в свите Эхнатона, древнеегипетского фараона-реформатора. Не случайно из всей истории Древнего Египта выбран именно этот хронотоп: правление Эхнатона сопровождалось серьезными религиозными и политическими реформами, которые, однако, после смерти фараона были отвергнуты и забыты. По мысли Адибаева, именно Эхнатон «пробивает» путь насилия, закладывая дорогу, по которой будут идти миллионы людей после него: «Перед глазами открывались страницы священных книг, на которых пролегали дороги жизни без крови, обмана и лжи. Но книги эти предназначались для избранных. Человек же упорно шел лабиринтами Эхнатона»⁶. Более того, «колдобина» Эхнатона оказалась с точки зрения Истории совершенно бесплодной и ни к чему не ведущей, а лишь закрепляющей насильственный путь разрешения идеологических противоречий.

Сам герой романа, находясь в «реальном» (относительно читателя) хронотопе становится свидетелем «переломного» хронотопа — краха СССР и всего, что было связано с государством и философией. Герой, будучи студентом философского факультета, восхищался логическим построением теории марксизма, диалектического материализма, обоснованием коммунизма в изложении доцента Николая Петровича Дардыкина: «Я слушал эту стройную, выверенную, как тогда казалось, абсолютно верную теорию мировоззрения, и в моей черепной коробке от радости познания тайн мироздания, сути развития истории человечества шевелились мозги. Кто мог подумать, что и этот поводыр, истово и убежденно игравший роль оракула и пророка, был слеп?!»⁷ Переживший в своей реальности крах идеологии, крах государственного строя, прежних политических отношений, герой становится особенно чуток

⁶ Адибаев Х. Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное) : роман-откровение. Алматы, 2004. С. 20.

⁷ Там же. С. 24.

к прозреванию сути переломных моментов истории. И в то же время исторические личности, чьи судьбоносные решения герой прозревает, являются для него и обычными людьми в том числе. Образ Нефертити сливается с образом сыгравшей ее Элизабет Тейлор, и одновременно — с образом покинутой мужем Лейлы. Автор не стилизует речь Нефертити: она общается с героем так, как общалась бы Лейла. А Эхнатон знает о прошлом героя и напоминает ему прежние грехи. Лейтмотивом через роман проходят отчаянные мольбы героя о том, что же делают персонажи Истории с его домом, его землей, его потомками.

Благодаря формулированию теории Абсолюта — закона, влияющего на каждого человека отдельно и каждую цивилизацию в целом, Адибаев предлагает осмысление происходящего в мировой истории как процессов циклических, более того — объяснимых исключительно человеческой природой. Это свежий взгляд на историю и свежее осмысление тех исторических катастроф, которые пережил Казахстан до момента своей независимости. Более того, по мысли Адибаева, если цивилизации, культуры, каждая отдельная человеческая личность не внемлют закону Абсолюта, чье действие из локального превращается в планетарное, то весь мир неминуемо встанет перед лицом уничтожения.

«Бесконечно одиночество единичек» Д. Накипова

Такой пессимистичный взгляд на один из возможных вариантов будущего присущ и Д. Накипову. В своем интервью журналу «Мысль» он говорит: «Мы живем в плену технологических утопий, глобализации СМИ и глобального эгоизма. Наступает эпоха саморазрушения. Уверен, через десять лет мир станет пустыней, как Европа после Второй мировой войны; теперь не только Европа. Мир в прелюдии мировой войны. Миром правит религия мести»⁸. Таким образом, роман «Круг пепла» можно прочитывать как наставление каждому человеку: уважай закон Абсолюта. Ведь Накипов на страницах романа неоднократно указывает на роль этого закона в истории и жизни. Правда, Накипов обращен, в отличие от Адибаева, не к историческому контексту, в котором существует теория Абсолюта, а ко вселенскому.

«Круг пепла» можно считать классическим интеллектуальным романом: в нем присутствует разветвленный хронотоп, создающий художественное напряжение для читателя — лишь в конце романа становится понятно, каким образом связаны мир самионов, мир оносамов и мир Алматы. Из подобного конструирования хронотопа органично вытекает необычное соотношение

⁸ Цит. по: Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: Канд.дисс. Москва, 2021. (Интервью. Мир глазами Д. Накипова. Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». 27 июня 2016. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=74662016> (дата обращения: 03.09.2020).

«истории времени» и «истории личности»: мир самионов представляет прошлое, вначале идиллическое в контрасте с бытием оносамов, но с развитием повествования все отдаляющееся от этой кажущейся идилличности. В то время как мир оносамов, контрастируя с миром прошлого, является «альтернативной реальностью», планетой-близняшкой Земли — реальностью, переживающей глубочайший кризис экологии и мироощущения. А на Земле, конкретно в Алматы, тем временем герои переживают жизнь от 60-х гг. XX в. до 1995 г. — года, в который на долгие 5 лет был закрыт на реконструкцию ГАТОБ имени Абая, знаменовавшего окончание истории персонажей (и для Старика это окончание стало буквальным — он, не мыслящий иной жизни, кроме как быть рабочим сцены, зато хорошо помнивший ужасы арестантской жизни, отказывается от существования вне стен Театра). И в этом хронотопе читатель может наблюдать то, как история большой страны разделяется на множество осколков субъективных историй отдельных людей, живших свои жизни и наблюдавших, участвовавших в совершении этой большой, мировой истории. В свою очередь, уже из этого вытекает укрупненное изображение человека, присущее интеллектуальному роману: каждый герой показан как непосредственный участник истории: отец Балерины ребенком переживает голодомор⁹, спасенный тем, что его мать отрезает себе ягодицы и делает из них вяленое мясо, чтобы ее ребенок мог покинуть вымерший аул; Дока становится свидетелем и даже опосредованным участником Желтоксана¹⁰; Балерина родилась сразу после Великой Отечественной войны; Гевра же становится свидетелем двух катастроф: страшной сели, сошедшей на берега Иссык-Куля¹¹, и алма-атинской авиакатастрофы¹². Иссыкская трагедия и самоотверженность в спасении пострадавших помогла Гевре создать семью, но авиа-

⁹ Голод в Казахстане 1931–1933 гг. (каз. Қазақстандағы 1932–1933 жж. ашаршылық) — часть общесоюзного голода 1932—1933 гг., вызванного официальной политикой уничтожения «кулачества как класса», коллективизацией, увеличением центральными властями плана заготовок продовольствия, а также фактически конфискацией скота. В Казахстане также принято называть этот голод «голощёкинским». Во время массового голода были зафиксированы многочисленные случаи каннибализма.

¹⁰ Декабрьские события в Алма-Ате, известные также как Желтоксан (каз. Желтоқсан көтерілісі — Декабрьское восстание) — выступления казахской молодёжи, произошедшие 17–18 декабря 1986 года в Алма-Ате, бывшей в то время столицей Казахской ССР, принявшие форму массовых народных протестов против решений правящей коммунистической партии. Восстание было жестко подавлено с помощью танков, а участников Желтоксана ждали политические репрессии.

¹¹ Иссыкский сель 7 июля 1963 года был одним из самых крупных и разрушительных селевых потоков на территории СССР. По официальным данным, опубликованным тогда в печати, погибло сто человек, по неофициальным, жертв было гораздо больше — от двух до трёх тысяч.

¹² Возможно, имеется в виду катастрофа Ту-154Б-2 Алма-Атинского ОАО в районе а/п Алма-Ата. Все находившиеся на борту пассажиры (126 взрослых и 30 детей) и 10 членов экипажа погибли. На земле всего пострадало 9 человек, из них госпитализированы трое. Разброс обломков составил 840×130 м. Полет длился 1 мин 40 с.

катастрофа унесла жизни его жены и ребенка, вследствие чего он от невыносимой душевной боли теряет память.

Алматинский пласт повествования наполнен исторической болью казахстанского народа. Однако и у самионов и оносамов история цивилизаций трагична. Самионы подвергаются нападению чудовища Осьмихорра, которое насильно пополняет популяцию самионов, внося в нее гены агрессии, распутства — потомки Осьмихорра часто рождались «полоумными-полушарыми». Оносамы же переживают «мшисто-моховое децилетие», но, «...истребляя мох-молох слизновонный гадно-гадящий, оносамы нанесли своей экосистеме непоправимый урон» и нарушили «...самотворящуюся и самообновляемую самоё-собой систему биохимического Абсолюта Вечности»¹³. Более того, и у самионов есть враг Осьмикосм, поедающий звезды, который, скорее всего, и изверг страшный мох на землю оносамов. Для каждой цивилизации единственным спасением становится Исход: самионы, оседлав коней ги-ги, покидают местность, где их природным врагом является Осьмихорр, самионы же, после нашествия мха потерявшие способность к живорождению и приобретя из-за клонирования поврежденных особей, да и в целом переживая упадок культуры, лелеют надежду миновать круг Предстояния и переселиться на планету-близняшку Землю. Для героев алматинского пласта повествования Исходом становится закрытие ГАТОБ имени Абая на реконструкцию, и доступен счастливый Исход только Балерине и Гевре, познавшим и горе, и любовь.

Д. Накипов в течение повествования романа постоянно указывает на тесную и непосредственную связь всех пластов повествования: клонарий Раль, пробравшись в круг Предстояния, наблюдает за буйством первородных красок и звуков, за жизнью племени самионов (более того, скорее всего, Раль является умершим сыном Гевры, которого клонировали и перенесли на планету-близнеца). Калмык (так в романе называют художника Сергея Калмыкова) воодушевлен идеей «прорвать второе небо», художественно прозревая наличие планеты-близнеца Земли. Старик видит юношу 16–17 лет, уютно спящего на газоне, явно чужого этому городу, но точно знающего, куда он прилетел (позже читатель узнает, что кто-то с планеты-близнеца смог прорваться на Землю в своем теле, что и стало надеждой на возможность Исхода).

Кульминацией этой нерушимой связи разных миров становится часть главы XXVII, в которой повествуется о том, что на самом деле все герои романа сосуществуют в одном и том же времени-пространстве: «Капсула стремительно падала-летела и все, кто находился там, как бы плавали, но не в невесомости, а каждый в своем времени и ситуации, и со своей историей-проблемой. Все говорили о своем, никого из попутчиков по капсуле не видя и не слыша и, даже не подозревая, что летят-падают вместе»¹⁴. Читатели слышат

¹³ Накипов Д. Круг пепла : роман интенций. Алматы, 2005. С. 165

¹⁴ Там же. С. 205.

случайные голоса, в которых можно расслышать стремление Старика к суициду, соитие самки и Осьмихуя, воспоминания Арухха о том, как он оседлал ги-ги, воспоминания о несбывшемся романе Дока и Балерины. Голоса, не принадлежащие героям романа, полны злобы и страха — кто-то кому-то должен, кто-то болен, кто-то верит в теории заговора. Но все они являются частью одной Вселенной, кружат в одном пространстве, хотя их беды и тревоги мешают им узреть взаимосвязь и взаимозависимость всего и всех в этой Вселенной.

Почему спасаются только Герва и Балерина? По мысли Накипова, единственной возможностью соблюсти закон Абсолюта является любовь. Один из случайных голосов вселенского хора вспоминает: «Я тогда совпал, микрон в микрон, сам с собою и с нею. Один миг, но при всей его краткости, он был огромен и глубок, больше всей моей жизни, богаче всех ощущений, чувств, сомнений, обретений, потерь, мыслей. В нем невероятным образом, так мне казалось, вместились и многие другие жизни людей, мне не знакомых и в тот мир стали мне понятны все миры и измерения, вещественность вещей и летучие незримые состояния...»¹⁵. Если миром правит религия мести, разрушая гармонию, противостоять ей может лишь религия любви, позволяющая, согласно тексту романа, «просто правильно прибавлять». Если единицу правильно прибавить к единице, получится Один+Одна, Двое. А если прибавлять неправильно, получится бесконечное множество одиноких единичек.

Тот, кто может обуздать себя, обуздав при этом весь мир и приведя каждый его элемент к гармоничному сосуществованию: «Наш роман — это печальное повествование о трагической Истории и Человеке, в котором отражена духовная и психологическая близость поколений, повторяющих одни и те же ошибки» [9. С. 9].

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о том, что гегельянские понятия «абсолютного духа» и «абсолютной идеи» в романах транслингвальных авторов Казахстана раскрываются с учетом огромного наследия казахской философии, берущей свое начало с произведений о единстве народа известных жырау. Единство народа в романах «Созвездия близнецов» и «Круг пепла» понимается глобально — как единство народов, цивилизаций и даже планет, при котором важно уважать все особенности, не идти колеей Эхнатона, а следовать силе любви к ближнему.

Если Адибаев ограничивается историей человечества в демонстрации работы закона Абсолют, то Накипов создает иные миры, которые так же вписывает в общую систему, каждый из элементов которой нерушимо связан друг с другом.

¹⁵ Накипов Д. Круг пепла : роман интенций. Алматы, 2005. С. 165

Исполнителем воли закона Абсолют, по мысли Х. Адигаева, становится человек Думающий — тот, кто способен постичь, прозреть связь веков и эпох, уловить зависимость законов истории и законов поведения человеческой сущности. Если каждый человек окажется способен хотя бы в своей жизни не совершать подобных ошибок — тогда приведенный в действие закон Абсолюта, закон связи всего, однажды поспособствует созданию гармоничной во всех смыслах реальности.

Д. Накипов же отдает бразды творения человеку Любящему — тому, кто в себе и другом способен узнать-познать единство. Это единство, прочная связь между людьми, цивилизациями и целыми галактиками, и есть для Накипова Великий Абсолют, и лишь любовь способна его приумножить — нужно лишь правильно слагать.

Список литературы

1. Давыдов Ю. Интеллектуальный роман и философское мифотворчество // Вопросы литературы. 1997. № 9. URL: <https://voplit.ru/article/intellektualnyj-roman-i-filosofskoe-mifotvorchestvo/> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Гельт М.Е. Традиции интеллектуального романа в произведениях Т. Манна и Г. Гессе // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 123–131. EDN: RCLQNP
3. Алтыбаева С.М. Казахская проза периода Независимости: традиция, новаторство, перспективы. Алматы, 2018.
4. Азизова А.О., Джолдасбекова Б.У. Интеллектуальная проза Казахстана периода Независимости // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение, журналистика. 2016. № 1. С. 89–90. EDN: VSAPKZ
5. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. Москва : Наука, 2000. 495 с.
6. Кокумбаева Б.Д., Бегалинова К.К. О некоторых аспектах духовного пространства Великой степи в культурной истории казахов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 367–372. EDN: ZVZFJY
7. Соловьева Г.Г., Сагикызы А. Казахская философия прекрасного: экзистенциальный дискурс // Журнальный клуб Интелпрос. Credo New. № 2, 2020. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2020/41812-kazahskaya-filosofiya-prekrasnogo-ekzistencialnyy-diskurs.html (дата обращения: 07.04.2025). EDN: PQOVZY
8. Сарсекеева Н. Роль традиции изображения «искателя истины» в современной литературе Казахстана в контексте межнационального диалога // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 2. С. 66–70. EDN: PBPVXJ
9. Алтыбаева С.М. Интертекстуальные связи современной казахской и русской литератур // МИРС. 2008. № 4. С. 78–83.

References

1. Davydov, Yu. 1997. "Intellectual novel and philosophical mythmaking." *Questions of Literature*, no. 9. 4 Apr 2025, <https://voplit.ru/article/intellektualnyj-roman-i-filosofskoe-mifotvorchestvo/>
2. Gelt, M.E. 2013. "Traditions of the intellectual novel in the works of T. Mann and Mr. Hesse." *Humanities and social sciences*, no. 4, pp. 123–131. Print. (In Russ.) EDN: RCLQNP
3. Altybaeva, S.M. 2018. *Kazakh prose of the Independence period: tradition, innovation, prospects*. Almaty. Print. (In Russ.)

4. Azizova, A.O., and B.U. Dzholdasbekova. 2016. "Intellectual prose of Kazakhstan during the period of Independence." *Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism, journalism*, no. 1, pp. 89–90. Print. (In Russ.) EDN: VSAPKZ
5. Hegel, G. 2000. *Phenomenology of Spirit*. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
6. Kokumbaeva, B.D., and K.K. Begalinova. 2021. "On some aspects of the spiritual space of the Great Steppe in the cultural history of the Kazakhs." *Greater Eurasia: development, security, cooperation*, no. 4–1, pp. 367–372. Print. (In Russ.) EDN: ZVZFJY
7. Solovieva, G.G., and A. Sagikyzy. 2020. "Kazakh Philosophy of Beauty: Existential Discourse." *Journal club Intelros, Credo New*, no. 2. 4 Apr 2025, http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2020/41812-kazahskaya-filosofiya-prekrasnogo-ekzistencialnyy-diskurs.html EDN: PQOVZY
8. Sarsekeyeva, N. 2012. "The role of the tradition of depicting the 'seeker of truth' in modern literature of Kazakhstan in the context of interethnic dialogue." *Slovo.ru: Baltic accent*, no. 2, pp. 66–70. Print. (In Russ.) EDN: PBPVXJ
9. Altybaeva, S.M. 2008. "Intertextual connections of modern Kazakh and Russian literature." *MIRS*, no. 4, pp. 78–83. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна — кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0004-8706-6906. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Щенникова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-8493-0827. E-mail: ninashenn@gmail.com

Bio notes:

Ulyana V. Ovcherenko is a Candidate of Philological Sciences, teacher of additional education, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-8706-6906. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Nina V. Shchennikova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8493-0827. E-mail: ninashenn@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-366-379

EDN: QWBFVK

Научная статья / Research article

Поэзия Н. Ахпашевой в русле теории транслингвизма

Л.П. Дианова

МГИМО Университет, Москва, Российская Федерация

✉ l.dianova56@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению теории художественного транслингвизма как синергетического сплава языков и культур в пределах литературного произведения. Автор, творящий на приобретенном языке, по-особому кодирует реальность. Одним из вариантов транслингвизма на территории постсоветского пространства является русскоязычие. Русский язык выступает «коммуникативным мостом» к постижению мироощущения народов, чья история и культура формирует уникальный космос поэтического творчества. Цель исследования — изучение избранных стихотворений Натальи Ахпашевой, поэтессы-изолингва, которая воскрешает в своем русскоязычном творчестве национальные образы мира. Поэзия Ахпашевой, как показал анализ, апеллирует к национальной истории и мифологии, которые воспринимаются лирической героиней не как реликты прошлого, но как вещественное и осязаемое настоящее. Сама лирическая героиня — носительница множества «личин»: она скифская воительница и шаманка, хранительница памяти и «последняя сестра» языческих богинь. В ходе анализа были применены методы дескрипции, герменевтического комментария и интерпретации. Результаты исследования показали, что в транслингвальном тексте, в котором отсутствуют экзофонные элементы, может быть реконструирована самобытная картина мира этноса, следующего собственной телеологии.

Ключевые слова: хакасская поэзия, транслингвальный художественный текст, национальные образы мира, изолингв

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2025; принята к печати 14.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дианова Л.П. Поэзия Н. Ахпашевой в русле теории транслингвизма // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 366–379. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-366-379>

Poetry by N. Akhpasheva in the Mainstream of Translingualism Theory

Liudmila P. Dianova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ l.dianova56@mail.ru

Abstract. The study is devoted to understanding the theory of artistic translingualism as a synergetic fusion of languages and cultures within a literary work. The author, creating in the acquired language, encodes reality in a special way. One of the variants of translingualism in the territory of the post-Soviet space is Russian-speaking. The Russian language acts as a “communicative bridge” to understanding the worldview of peoples whose history and culture form a unique cosmos of poetic creativity. The purpose of this work was to study selected poems by Natalia Akhpasheva, an isolingual poetess who resurrects national images of the world in her Russian-language work. Akhpasheva’s poetry, as the analysis showed, appeals to national history and mythology, which are perceived by the lyrical heroine not as relics of the past, but as a material and tangible present. The lyrical heroine herself is the bearer of many “masks”: she is a Scythian warrior and shaman, a keeper of memory and the “last sister” of pagan goddesses. The methods of description, hermeneutic commentary and interpretation were used in the analysis. The results of the study showed that in a translingual text, in which exophonic elements are absent, an original picture of the world of an ethnic group following its own teleology can be reconstructed.

Key words: Khakass poetry, translingual artistic text, national images of the world, isolingual

Article history: received 14.02.2025; accepted 13.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dianova, L.P. 2025. “Poetry by N. Akhpasheva in the Mainstream of Translingualism Theory.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 366–379. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-366-379>

Введение

Транслингвальная литература, создаваемая авторами на языке, который не является для них «материнским» (maternal tongue), представляет собой необозримое поле смыслов: онтические элементы, этнопоэтические константы, архетипический субстрат текста, овеществленные на языке «усвоенном», апеллируют к исходной культуре, которая продолжает произрастать сквозь ткань создаваемого произведения. По мнению исследователя Риты Уилсон, транслингвальный текст открывает перед читателем возможность приобщения к новой для себя культуре путем вживания в альтернативные субъектные образы и перемещения в неизведанные ранее локалы [1]. «Особенностью транслингвальной литературы является симбиозное сочетание традиций нескольких культур, культурная синергия — объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов» [2. С. 163]. М. Пажевич отмечает, что транслингвальное письмо — способ осмыслить, насколько языковое мышление обусловлено контекстом культуры, и приобщиться к новому мировоззрению [3. Р. 294]. Исследователи У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова,

Н.А. Токарева в своей обзорной статье отмечают, что транслингвизм рассматривается современными учеными с разных позиций — от творческого транскультурного письма и литературного стиля до вынужденной меры ретрансляции культурных смыслов через усвоенный язык, обусловленной внешними факторами; от экзотизации, творчески преображающей усвоенный язык когнитивными паттернами исходной культуры, до отношения к феномену как к культурному продукту, который может быть транспортирован из одной культуры в другую [4].

Отмечая многообразие подходов к явлению транслингвизма и давая критическую оценку каждому из них, исследователи приходят к выводу, что данный феномен позволяет нам окунуться в мир невероятного культурного многообразия, постичь универсум других народов с их уникальным мироощущением и мирочувствием [4]. По мнению Е.В. Белоглазовой, транслингвальная литература обнажает «культурную пропасть», что достигается за счет гибридизации языка, неоднозначный кодовый рисунок которого воплощает в себе трудность постижения внешней культуры [цит. по 5. С. 29]. В противовес этому мнению звучит суждение И.Н. Литвинчук, которая рассуждает о том, что изучение соотношения текста и дискурса в парадигме транслингвизма — важный аспект в понимании сложных процессов языкового взаимодействия, формирования идентичности индивидуальных и групповых субъектов речевой деятельности и преодоления ими культурных барьеров [6. С. 170]. О транслингвизме как коммуникативном мосте между языками и культурами рассуждают и исследователи [7].

«Степень осознания человеком своих речевых практик может варьироваться. Личность автора имеет при таком подходе достаточно большое значение, прежде всего потому, что тот, кто вырос в многонациональной и многокультурной обстановке, видит возможность сосуществования и взаимного обогащения языков и культур там, где другие этого не замечают», — пишет Е.Ю. Протасова [8. С. 422]. М.Л. Новикова, Ф.Н. Новиков говорят о влиянии транслингвизма на языковую картину мира индивидуума [9].

Концепция транслингвизма, по мнению Н.А. Бакши, релятивизирует жесткие связи между языком, народом и территорией, с одной стороны, и в то же время ставит под сомнение представление о языках как о закрытых и четко различимых единицах. Она основана на «динамическом двуязычии», в соответствии с которым вовлеченные языки представляют каждый свою собственную соответствующую систему. Таким образом, транслингвизм вводит в игру новый аспект лингвистической рефлексии [10].

«Изучение транслингвального опыта имеет большое значение для исследователей мирового, и в частности постсоветского пространств», — подчеркивают У.В. Овчеренко и Н.А. Токарева [11. С. 692].

Каждый транслингвальный писатель, уверен С. Келлман, транслингвален по-своему [12]. У.М. Бахтикиреева предлагает в этом случае исследовать

языковую биографию автора как совокупность фактов его онтоязыкового бытия [13; 14].

Одним из вариантов транслингвизма на территории постсоветского пространства стало русскоязычие, которое видится на сегодняшний день актуальной междисциплинарной проблемой [15].

Так, известным хакасским автором, пишущим на русском языке, является Наталья Ахпашева. «Несмотря на то, что Н. Ахпашева создает свои произведения только на русском языке, именно этнопоэтические константы в ее поэзии позволяют без труда определить ее этническую принадлежность и ментальные истоки, генетическая связь с которыми подчеркивается поэтессой постоянно» [16. С. 221].

Цель исследования — проанализировать избранные стихотворения Н. Ахпашевой в транслингвальном аспекте. Учитывая многообразие подходов к феномену художественного транслингвизма, о котором говорилось выше, на установочно-предпосылочном этапе мы охарактеризуем данное явление как практику создания автором-билингвом литературных произведений на языке, который не является для него примарным (primary one, L1). В таком случае субстрат исходной культуры остается «мерцающим», видимым для исследователя, хотя отдельные его элементы сохраняют за собой «право на непрозрачность» (Э. Глиссан) и нуждаются в дополнительной дешифровке.

Обсуждение

Наталья Марковна Апхашева (1960 г.) — известный российский поэт, журналист, переводчик. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат филологических наук; до 2023 году работала в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова. Автор нескольких поэтических книг и множества журнальных публикаций. Член Союза писателей России.

Поэзия Н. Апхашевой диалектична. Ее поэтический мир — это мир сосуществования противоположностей: его маркерами выступают бинарные оппозиции верха и низа, пространства и времени, культуры и цивилизации, биологического и духовного, «Я» и «не-Я». Лирика Н. Апхашевой — художественный сплав различных культур и традиций; неслучайно поэтесса называет себя «ребенком двух наций». Использование богатого репертуара русского поэтического дискурса сочетается в ее творчестве с апелляцией к собственным этническим корням, хакасской истории, национальным мотивам и образам. В произведениях Н. Апхашевой прослеживаются связи между хакасской и русской культурами [17].

Взгляд поэтессы на темы родины и природы уникален. Многообразие хакасских ландшафтов зримо предстает в ее поэзии. Возрождая в своих поэтических текстах «смертную связь» с языческими племенами прошлого, Апхашева наделяет свою лирическую героиню способностью выражать мировоз-

зренческий склад современного человека, «конгломерат» различных верований. «Ее поэзия обогащена национальными и культурными элементами, соединяя традиции русской и хакасской литературы. Это придает произведениям особую глубину и значимость, позволяя ей передать свое видение мира читателям» [17].

Апхашева, прибегая к формулировке С. Келлмана, относится к поэтам-изолингвам [12], то есть тем, кто творит только на одном языке — приобретенном. Проследим, как в русскоязычном тексте реализуется образная система исходной культуры:

Капля камень точит.
 Времена в песок.
 Яростные очи
 Вспыхнут на восток.
 Озарит курганы
 древний божий лик.
 упадет обманный
 предрассветный миг
 сумрачно и глухо
 на ковыль-траву.
 Отведу до уха
 злую тетиву.

«Капля камень точит» — выражение, пришедшее в европейскую культуру из фрагментарно сохранившейся поэмы древнегреческого поэта Хэрила (V в. до н.э.) и перенесенное Овидием (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.) в его «Послания с Понта». Из церковных сочинений Григория Богослова и Иоанна Дамаскина попадает в русский язык, где становится устойчивым сочетанием, означающим, что малозаметные, но постоянные действия могут привести к ощутимым последствиям. В стихотворении Апхашевой это изречение символизирует ход времени, неумолимо изменяющего историю. Времена уходят (вариант — обращаются) в песок. В прошлом остаются эпохи и цивилизации. Но в человеке настоящего по-прежнему жив «голос крови» — не случайно «яростные очи вспыхнут на восток», в сторону восходящего солнца, нового дня, нового начала. И тогда славные *курганы* предков озарит древний божий лик.

Каждая культура на протяжении своей истории формирует уникальное мировоззрение как совокупность представлений о вселенной и месте человека в ней. В понимании хакасского народа вся окружающая природа считалась живой; все объекты реального географического и мифического пространств были наделены собственной живительной силой, которую в случае необходимости человек призывал в союзники, чтобы обеспечить благополучие своего рода. Вселенная, по мысли хакасов, трехчастна; в ней обитают разные

существа — боги, демоны, люди. Верхний, Средний и Нижний миры связаны великой осью Мировой горы. Небесный мир населяют творцы-чайаны; это край вечного лета. Главное божество древних хакасов — Чалбырос чайаны («Милосердный творец»). Древний бог хакасов редко вмешивается в дела людей, позволяя истории течь своим чередом. В этом — ответственность человека за свою судьбу. Вырисовывается этнический типаж представителя хакасского народа как самостоятельного, готового покорять неизведанные пространства человека собственными усилиями благодаря своим качествам и умениям:

Из тысячелетий —
вдаль и сквозь меня,
канувшего в нети
поколения,
плоть времен пронзая
от родных шатров
взгляд уйдет до края
будущих миров.

Поколения, канувшие в нети («неизвестно куда»), инклюзивно вовлечены в образ лирической героини-кочевницы. Но и теперь, спустя века и века, ее взгляд уходит в необозримую даль будущего. Будущее переплетается с прошлым. Мотив прапамяти реализован в образе родных шатров — каркасных юрт «тирмелиг иб». «Их основу составляли стены из раздвижных решеток «тирме» («хана») с дверной рамой и куполом»¹. Родной шатер — микрокосм самой Вселенной: хакасы видели небо и землю куполообразными:

Взрежет воздух спящий
в сердцевине мглы
острие летящей
на восход стрелы².

Летящая на восход стрела, «врезающая» плоть времени, символизирует устремленность народа в будущее. Однако связь с традицией непрерывна: лук со стрелами — исконное орудие охоты. Стрела в культуре хакасов несет сакральный смысл: неслучайно богатыри древности обменивались стрелами в знак обоюдной преданности.

Лирическая героиня Ахпашевой — не только охотница и воительница. В стихотворении «Я стучу колотушкой в бубен» она предстает могущественной шаманкой:

¹Хакасия. Традиционная культура. Жилище. URL: <https://hnkm.ru/khakasia/traditsionnaya-kultura/zhilishche> (дата обращения: 14.12.2024).

² Ахпашева Наталья. Стихи. URL: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/stihi-1777> (дата обращения: 12.12.2024).

Я стучу колотушкою в бубен.
 Чрево Матери Мира бужу.
 Танец мой причудлив и труден.
 Задыхаясь, заклатья твержу,
 чтоб явились из темного чрева
 души нерожденных людей.

Шаман (хам) испокон веков считался посредником между мирами. Для каждого этноса характерны уникальные шаманские практики. Социальную функцию шаманов трудно было переоценить: они проводили разного рода обряды, исцеляли недуги, приносили в мир души нерожденных детей, сопровождали умершим в иной мир.

Шаманский дар ниспосылался человеку от рождения либо приобретался в течение жизни, если духи (тöси) выбирали себе хозяина. Рожденные силами природы, земли и воды, духи направляли действия хама. Они воображались в образах зверей, птиц и неукротимых сил природы. Инициация хама была мучительна: духи подвергали его различного рода испытаниям. Примечательно, что отказаться от своей участи для избранного хама было очень сложно; только старший, более сильный хам мог запереть духов в недра горы и избавить неофита от его избранничества.

Будущий хам должен был обладать даром вещего слова, знать песнопения и ритуалы. После обучения хам отправлялся на поклон к покровителю всех шаманов — Адам-хану — на священную гору Борус. Согласно хакасским поверьям, Адам-хан определял неофиту служебных духов, атрибутику — костюм, бубен, музыкальные инструменты для камланий и ставил особую тамгу на шестигранной черной ели.

Главный атрибут шамана — это его бубен («түүр») с колотушкой («орба»). Лирическая героиня Ахпашевой стучит колотушкою в бубен в надежде пробудить чрево матери-земли — великой богини Умай. Она призывает в мир души нерожденных людей, и дело это непростое: героиня задышается, произнося древние заклатья.

Приближается время сева
 после жатвы последних смертей.
 Оживает пространство ночное.
 В тесной юрте сгущается дым.
 Отзывается эхо густое
 гулким рокотом, эхом глухим.

После похоронных обрядов приближается время нового сева, когда души нерожденных детей должны явиться в мир, стать новыми поколениями народа. Камлание происходит в юрте, наполненной дымом сжигаемых священных трав. Помимо этого, шаманка призывает дождь: степь иссохла и жаждет «влаги обильной»:

Жаждают степи влаги обильной.
Плещут волны времен в берега.
Под лохматой звериной личиной
я танцую вокруг очага.
Взгляд безумный лучится надеждой.
И колеблет основы основ
хриплый глас. И гремит под одеждой
ожерелье из волчьих клыков³.

Атрибутом шаманского обряда выступает костюм — лирическая героиня танцует вокруг очага под лохматой звериной личиной (волка), и символом ее связи с тотемическим животным выступает символ-апотропей — волчьи клыки.

Таким образом, шаманка — лирическая героиня — пробуждает древние могущественные силы, чтобы они ниспослали благословение на ее народ. Ее избранничество необратимо: она медиум между мирами, несущий тяжесть своего священного долга с достоинством и надеждой. «Так поэтесса подчеркивает свою генетическую связь с языческим прошлым. Во многих стихах этого сборника («Солярный круг») звучит мотив этнической солидарности Н. Ахпашевой с предками, поэтического осмысления древнеахасской истории: она гордится своим кровным родством с языческими богинями, чьи глаза «к вискам заужены прекрасно, называя себя их „последней сестрой“» [16. С. 222].

Тема дома, родного очага раскрывается в следующем стихотворении:

Проступает из памяти древней,
как сквозь пыль бездорожных степей,
возвращаясь в родные кочевья,
мы торопим косматых коней.

Мотив возвращения в родные кочевья сопряжен с мотивом радости от этого возвращения: воины погоняют коней, чтобы скорее оказаться *дома*.

Кони весело скалятся, покидая чужие миры:

Через все поколения помню,
как плывут на повозках шатры
и как весело скалятся кони,
покидая чужие миры.

Гул бубна, знаменующий творение нового мира, символизирует возвращение к истокам, когда прах религий и цивилизаций осыпается с гулких копыт:

³ Ахпашева Наталья. Стихи. URL: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/stihi-1777> (дата обращения: 12.12.2024).

Нам навстречу рассветы клубятся.
Медным бубном пространство гудит.
Прах религий и цивилизаций
осыпается с гулких копыт.

Неслучаен здесь образ скуластых лиц (важная антропологическая деталь),
мчащихся навстречу родному дому (ветер лижет лица, зрачки сужены):

Лижет ветер скуластые лица.
Страстно сужена ярость зрачков.
И ноздрям запах родины снится —
горечь трав и дымы очагов.

Степь листает страницы скитаний.
Плещет вслед ковылей седина.
Мы прошли через все расстоянья.
Мы дойдем через все времена⁴.

Народ, чья история полна изломов судьбы, сумел вернуться на родину,
к которой не только стремился, но и дойдет через все времена в круговом вра-
щении вечности.

Родство лирической героини с языческими богинями прошлого просле-
живается в стихотворении «Темно во мне начало Инь...»:

Темно во мне начало Инь —
неутолимо и всевластно.
Глаза языческих богинь
к вискам заужены прекрасно.

Инь — важный в даосизме символ женского начала, коррелирующий с
мотивами темного, глубинного, непознаваемого. Лирическая героиня ощу-
щает властный зов стихии собственной природы:

Не знают ни добра, ни зла
исчадья мудрой несвободы.
Их первобытные тела
в себе содержат мощь природы.

Симптоматично, что богини здесь названы «исчадьями», — то есть от-
торгнутыми, отверженными современным миром; соотносимыми с миром
темным («исчадья ада» как фразеологический коррелят). Они — принадлеж-
ность другого пространства и времени:

⁴ Ахпашева Наталья. Стихи. URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/stihi-1777>
(дата обращения: 12.12.2024).

Тяжеловесна поступь их,
бесстрастны бронзовые лики
и в глубине зрачков немых
желаний вызревают блики.

Несмотря на то, что бронзовые лики «бесстрастны», в глубине немых (замолкнувших на века!) зрачков вызревают блики желаний: богини готовы вернуться в мир:

И нестерпим дыханья зной.
Тугое чрево необъятно —
как почвы плодородный слой
таинственно и благодатно.

Из необъятного тугого чрева, несущего в себе всех нерожденных людей, появятся новые поколения, чья связь с историческим прошлым будет неразрывна. Мир не осознает присутствия их в вешности настоящего, однако чувствует, что оно — присутствие — есть:

Забытый рокот их имен
еще мир чувствует подспудно.
Праматери земных племен
в веках почили беспробудно.

Несмотря на то, что праматери древних племен «почили беспробудно», их связь с реальностью лирическая героиня ощущает непрестанно; неслучайно она называет себя их «последней сестрой». Прошлое неумолимо: ветра заносят дохристианские могилы. Примечательно, что христианизация хакасов произошла лишь в XIX веке. Однако большая часть коренного населения продолжала при этом придерживаться своих древних верований.

«В 20 в. традиционное мировоззрение претерпело коренную ломку под влиянием культурной революции, процесса модернизации. В результате в массовом сознании хакасов остались лишь фрагментарные представления о традиционной системе мировоззрения. На сегодняшний день со стороны отдельных общественных деятелей предпринимаются попытки реанимировать традиционную религиозную обрядность. Успешность этих мероприятий покажет время»⁵. Ахпашева стремится возродить исконные представления своих предков об устройстве Вселенной:

⁵ Хакасия. Традиционная культура. Мировоззрение. URL: <https://hnkm.ru/khakasia/traditsionnaya-kultura/mirivozrenie#:~:text=%D0%92%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2019%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%B8,%D0%90%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B7%D0%B5> (дата обращения: 12.12.2024).

заносят пыльные ветра
 дохристианские могилы...
 Из них — последняя сестра,
 хочу не верности, но силы.
 В молочно-предрассветной мгле
 даль растворяется степная.
 Иду, во вспаханной земле
 по щиколотки утопая...⁶

В рассмотренных нами поэтических текстах Апхашевой практически отсутствуют явственные инокультурные лексемы (за исключением слова «курганы»). Инокультурное слово, появляющееся в транслингвальном художественном тексте, не может квалифицироваться как «чужое» для автора, движимого интенцией овеществить в нем определенный фрагмент природного для него бытия. В этом случае нельзя говорить и о механизме заимствования и уж тем более интерференции, как полагают некоторые исследователи (А.А. Гируцкий [18], Б.В. Хасанов [19] и др.). Хороший автор работает над каждым словом: автор-транслингв не «перенимает» иноязычную единицу из другой языковой системы, а органично переносит ее из репертуара собственной языковой личности в ткань русскоязычного (в нашем случае) текста, потому что в системе языка творчества они (единицы) отсутствуют или иначе номинируются, а следовательно, и семантически не конгруэнтны. Таким образом, мы имеем дело не с ксенофоном, а с конкретным онтическим элементом, значимым для автора в процессе порождения культурно континуального текста. Тем не менее стихотворения содержат национальные образы мира (Г.Д. Гачев). Национальные образы мира произрастают из особенностей жизнеположения этноса, из самого вживания его в природно-климатическую реальность, тот вещественный Космо-Психо-Логос, который формируется на протяжении многовековой истории его бытования в определенных природно-географических условиях и детерминирует систему взаимоотношений коллектива с внешним миром, миром природным, предметным, осязаемым, а также отношения с миром незримым [20. С. 9; 34]). Эти отношения, проявленные в различных верованиях, скриптах, предписаниях, табу, по-разному репрезентируются языком, получают в нем номинации, которые могут быть как культурно маркированными, так и нейтральными с точки зрения транслингвального текста. Национальными образами мира в рассмотренных нами произведениях выступают символы коня, волка, стрелы, шатра (юрты), бубна,

⁶ Хакасия. Традиционная культура. Мировоззрение. URL: <https://hnkm.ru/khakasia/traditsionnaya-kultura/mirivozrenie#:~:text=%D0%92%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2019%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%B8,%D0%90%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B7%D0%B5> (дата обращения: 12.12.2024).

языческих богинь. Через них эксплицирован мотив прапамяти о жизни предков, которую лирическая героиня по-прежнему ощущает «жизнью живой». Она «через все поколения помнит» дым родного очага. Воспроизводится уникальная история хакасского народа, полная скитаний и возвращений, героических походов и горького сиротства на чужбине. Эту историю героиня проживает каждой клеточкой своего тела. Ахпашева не просто реконструирует мир прошлого: она воскрешает его для настоящего. Культурный субстрат не просто «просвечивает» сквозь ткань русскоязычного текста, он экфорируется, выдвигается на первый план. Таким образом, транслингвальные элементы произведений поэтессы, будучи изофонными, все же архетипичны для хакасской культуры и воспроизводят мировоззренческие установки этноколлектива.

Заключение

Художественный транслингвизм — практика создания литературного произведения писателем би- (поли-)лингвом — способствует формированию особой оптики восприятия мира, не ограниченной монокультурной парадигмой. В произведениях, созданных на приобретенном языке, прослеживается связь с исконной для писателя культурой, образы которой представлены как в экзофонных, так и в изофонных элементах. Мы проанализировали некоторые стихотворения хакасской поэтессы Н. Ахпашевой, лирическая героиня которых «меняет лица», оставаясь собой. Она предстает древней воительницей и могущественной шаманкой, хранительницей памяти своего народа и сестрой великих языческих богинь. В стихотворениях Ахпашевой зримо представлены национальные образы мира, детерминированные уникальным жизненным положением этноса. Зарисовки хакасской природы работают как механизм психологического параллелизма.

Ахпашева — поэт-изолингв. Избрав русский язык своим творчеством, она последовательно транслирует вовне ценности этнической культуры, создавая тексты емкой этноспецифической насыщенности и образности, произрастающей из почвы родной истории.

Список литературы

1. *Wilson R.* Cultural mediation through translingual narrative. Web. Target Online. URL: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil> (accessed: 09.01.2025).
2. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>
3. *Pajevic M.* Adventures in Language: Yoko Tawada's Exophonic Explorations of German // Oxford German Studies. 2019. No. 48 (4). P. 494–504.
4. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6–2. С. 263–273.

5. Витошинова А.М. Следы родной лингвокультуры в произведениях транслингвальных авторов (на примере романов А. Рэнд “We the living” и Р. Ноймана “Children of Vienna”) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 19–33.
6. Литвинчук И.Н. «Текст» и «дискурс» в эпоху транслингвизма: соотношение и интерпретация понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2024. Т. 10. № 4. С. 160–178.
7. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кинг Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
8. Протасова Е.Ю. Размышления о речи в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 420–430.
9. Новикова М.Л., Новиков Ф.Н. Влияние транслингвизма на становление языковой картины мира на примере ассоциаций с цветообозначениями // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 17–25.
10. Bakshi N.A. Translingualism in the Light of Semiotics (“Maybe Esther” by Katja Petrowskaja) // The New Philological Bulletin. 2021. No. 1. P. 79–88.
11. Овчеренко У.В., Токарева Н.А. Теория транслингвильности: исследования Стивена Келлмана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. P. 684–693. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-684-693>
12. Kellman S.G. Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism // Purdue University Press Book Previews, 2020.
13. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 80–84.
14. Бахтикиреева У.М., Шагиггереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Карибеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. № 1 (17). С. 83–89.
15. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 94–99.
16. Кольчикова Н.Л., Прищепа В.П. Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 210–227. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15>
17. Поташина Э.О. Русско-хакасские литературные связи: поэзия Н. Апхашевой // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 69–74.
18. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск : Университетское, 1990.
19. Хасанов Б.В. Казахско-русское художественное литературное двуязычие. Алма-Ата, 1990.
20. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва : Алгоритм, Эксмо, 2008.

References

1. Wilson, R. *Cultural mediation through translingual narrative*. Web. Target Online, 9 Jan. 2025, <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil>
2. Proshina, Z.G. 2017. “Translinguism and its Application.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170> Print. (In Russ.)
3. Pajevic, M. 2019. “Adventures in Language: Yoko Tawada’s Exophonic Explorations of German.” *Oxford German Studies*, no. 48 (4), pp. 494–504.
4. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and N.A. Tokareva. “At the ‘Agora’ today: approaches to the study of translingual literature.” *Philological sciences. Scientific reports of higher education*, no. 6–2, pp. 263–273. Print. (In Russ.)

5. Vitoshnova, A.M. 2024. "Traces of native linguaculture in the works of translingual authors (based on the novels "We the living" by A. Rand and 'Children of Vienna' by R. Neumann)." *Bulletin of the Cherepovets State University*, no. 2, pp. 19–33. Print. (In Russ.)
6. Litvinchuk, I.N. 2024. "'Text' and 'discourse' in the era of translingualism: the relationship and interpretation of concepts." *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences*, vol. 10, no. 4, pp. 160–178. Print. (In Russ.)
7. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and J. King. 2017. "Translingualism: a communicative bridge or a 'cultural bomb'?" *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 14, no. 1, pp. 116–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121>
8. Protassova, E.Yu. 2022. "Reflections on speech in the novel 'Echelon to Samarkand' by G. Yakhina." *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, no. 2, pp. 420–430. Print. (In Russ.)
9. Novikova, M.L., and F.N. Novikov. 2022. "The Influence of Translingualism on the Formation of the Linguistic Picture of the World on the Example of Associations with Color Designations." *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, no. S6, pp. 17–25. Print. (In Russ.)
10. Bakshi, N.A. 2021. "Translingualism in the Light of Semiotics ('Maybe Esther' by Katja Petrowskaja)." *The New Philological Bulletin*, no. 1 (56), pp. 79–88.
11. Ovcherenko, U.V., and N.A. Tokareva. 2023. "Theory of Translingualism: Research by Stephen Kellman." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 684–693. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-684-693> Print. (In Russ.)
12. Kellman, S.G. 2020. *Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism*. Purdue University Press Book Previews, 2020.
13. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "On Translingualism and Transculturation through the Prism of One Language Biography." *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, no. 2, pp. 80–84. Print. (In Russ.)
14. Bakhtikireeva, U.M., and B.E. Shagimgereeva, 2020. "Linguistic Being of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov." *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, vol. 17, no. 1, pp. 83–89. Print. (In Russ.)
15. Bakhtikireeva, U.M. 2015. "Russian-Speaking as a Current Interdisciplinary Problem." *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, no. 1, pp. 94–99. Print. (In Russ.)
16. Kolchikova, N.L., and V.P. Prishchepa. 2020. "Ethnopoetic approach to the study of modern literature of Sayano-Altai (based on Tuvan and Khakass poetry)." *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 210–227. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15> Print. (In Russ.)
17. Potashina, E.O. 2020. "Russian-Khakass literary connections: poetry of N. Apkhasheva." *Scientific review of Sayano-Altai*, no. 4, pp. 69–74. Print. (In Russ.)
18. Girutsky, A.A. 1990. *Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, language processes*. Minsk: University publ. Print. (In Russ.)
19. Khasanov, B.V. 1990. *Kazakh-Russian artistic literary bilingualism*. Alma-Ata. Print. (In Russ.)
20. Gachev, G.D. 2008. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Algorithm, Eksmo publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, МГИМО Университет, Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. ORCID: 0000-0001-9502-5953. E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio note:

Liudmila P. Dianova is a PhD in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages, Moscow State Institute of International Relations University, 76 Vernadskiy prospect, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9502-5953. E-mail: l.dianova56@mail.ru

Поль Буайе и русско-французский диалог культур

А.Ю. Овчаренко^{}, Е.А. Шапринская^{}, Ю.А. Воропаева^{}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация. Исследование посвящено русско-французскому культурному и научному диалогу XVII–XX вв., представляющему значительный интерес для понимания механизмов межкультурной коммуникации в условиях политических и идеологических вызовов. В современном мире, где научное сотрудничество нередко сталкивается с внешними ограничениями, анализ исторического опыта взаимодействия стран позволяет выявить, как взаимодействие языков, искусства и идей обогащает культуру стран. Цель исследования — изучение основных этапов русско-французского диалога с акцентом на роли научного, а не интеллектуального аспекта. Особое внимание уделено вкладу французского слависта Поля Буайе — одного из создателей Института славянских исследований (Institut d'études slaves) и авторитетного научного журнала «Revue des études slaves», а также разработанной им концепции научного и культурного обмена. В работе использованы научные труды по славистике, мемуары и переписка деятелей культуры (Д. Дидро, Л.Н. Толстого, П. Буайе и др.). Применены историко-культурный анализ, сравнительный метод и текстологический подход для изучения эволюции педагогических и лингвистических методик русско-французского диалога. Выявлено, что наиболее эффективные формы взаимодействия (учебник Поля Буайе, созданный на основе толстовской «Азбуки» 1872 г.) возникли вне контекста «интеллектуальной экспансии», получившей широкое распространение во Франции начала XX в., вследствие чего институциональные инициативы (Французский институт в Петербурге) могли искажаться под влиянием идеологии. Кроме того, показана перспективность адаптации исторических моделей диалога (акцент на педагогике, аутентичных текстах) в современных цифровых образовательных практиках обучения языку и культуре России.

Ключевые слова: русско-французские связи, культурный диалог, Поль Буайе, Лев Николаевич Толстой, история славистики, научное сотрудничество

История статьи: поступила в редакцию 12.03.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Шапринская Е.А. — написание текста с опорой на общую концепцию статьи и найденные и проанализированные источники; Овчаренко А.Ю. — систематизация материала, подготовка структуры статьи, её библиографического и содержательного направления, доработка содержания; Воропаева Ю.А. — сбор и обработка информации. Все авторы ознакомлены с окончательным текстом и одобрили его.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Воропаева Ю.А. Поль Буайе и русско-французский диалог культур // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 380–394. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-380-394>

Paul Boyer and the Russian-French Dialogue of Cultures

Alexey Yu. Ovcharenko[✉], Elizaveta A. Shaprinskaya^{id}, Julia A. Voropaeva^{id}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract. The study is devoted to the Russian-French cultural and scientific dialogue of the 17th and 20th centuries, which is of considerable interest for understanding the mechanisms of intercultural communication in the context of political and ideological challenges. In today's world, where scientific cooperation often faces external constraints, an analysis of the historical experience of interaction between countries shows how the interaction of languages, art and ideas enriches the culture of countries. is to explore the main stages of the Russian-French dialogue, paying special attention to the role of the scientific rather than the intellectual aspect. Special attention is paid to the contribution of the French Slavist Paul Boyer, one of the founders of the Institute of Slavic Studies (Institut d'études slaves) and the authoritative scientific journal *Revue des études slaves*, as well as the concept of scientific and cultural exchange developed by him. The work uses scientific works on Slavic studies, memoirs and correspondence of cultural figures (D. Diderot, L.N. Tolstoy, P. Boyer, etc.). Historical and cultural analysis, comparative method and textual approach are applied to study the evolution of pedagogical and linguistic methods, Russian-French dialogue. It is revealed that the most effective forms of interaction (Paul Boyer's textbook, based on Tolstoy's ABC "Azbuka" of 1872) arose outside the context of the "intellectual expansion" that became widespread in France at the beginning of the 20th century, because of which institutional initiatives (the French Institute in St. Petersburg) could be distorted under the influence of ideology. In addition, the prospects of adapting historical models of dialogue (emphasis on pedagogy, authentic texts) in modern digital educational practices of teaching the language and culture of Russia are shown.

Key words: Russian-French relations, cultural dialogue, Paul Boyer, Leo Nikolaevich Tolstoy, history of Slavic studies, scientific cooperation

Article history: received 12.03.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Author's contributions: *Shaprinskaya E.A.* — writing the text based on the general concept of the article and the sources found and analyzed; *Ovcharenko A.Yu.* — systematization of the material, preparation of the structure of the article, its bibliographic and substantive directions, for finalizing the content; *Voropaeva Yu.A.* — collection and processing of information. All authors have reviewed and approved the final text of the article.

For citation: Ovcharenko, A.Yu., E.A. Shaprinskaya, and Voropaeva, J.A. 2025. "Paul Boyer and the Russian-French Dialogue of Cultures." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 380–394. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-380-394>

Введение

Взаимодействие языка, искусства, литературы и научной мысли разных стран представляет собой основной механизм углубления и развития национальной культуры. Особенно ярко это проявляется в контексте культурного диалога, в котором европейская культура на протяжении веков формировалась как результат непрерывного обмена, восприятия и переработки чужого опыта. Как писал М.М. Бахтин: «...наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры проходит на границах отдельных областей ее...», и именно в этих

зонах культурного соприкосновения и возникает подлинный диалог — как в «большом», так и в «малом» времени [1. С. 303–304].

Французская русистика занимает особое место в общеевропейском диалоге культур. После Второй мировой войны Франция стала первой страной Западной Европы, включившей русский язык в систему среднего образования. Это стало важным шагом не только в изучении языка, но и во вхождении в культурный и литературный диалог с Россией [2]. Начало XIX в. ознаменовалось тем, что русская культура активно впитывала западноевропейские влияния — переводы В.А. Жуковского не воспринимались современниками как просто переводы, они становились неотъемлемой частью русской поэтической традиции, романтического дискурса. Однако уже во второй половине XIX в. Россия становится культурным донором: творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого формирует представления европейцев о русской культуре как о носителе глубоких экзистенциальных и нравственных идей. Не случайно, что И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой до сих пор воспринимаются во Франции как ключевые фигуры культурного диалога между двумя народами.

Диалог культур — не просто обмен текстами и идеями, но сложная система взаимовлияний, которую еще только предстоит в полной мере осмыслить. Как указывает Ю.М. Лотман, «в стадильном единстве культуры» [3. С. 192] кроется возможность осознания как типологических сходств, так и глубинных историко-культурных связей, объединяющих, казалось бы, далекие традиции. Сравнительное литературоведение, по мысли Ю.М. Лотмана, обретает свое методологическое основание именно в признании таких связей — генетических, типологических, и в особенности тех, что рождаются в диалоге. Об этом же писал и Д.С. Лихачев [4. С. 15], отмечая, что систематизация литературных явлений требует еще более точного понятийного аппарата, способного отразить сложность межкультурных процессов.

Материалы и методы

В нашем исследовании, используя историко-культурный анализ, сравнительный метод и текстологический подход, мы рассмотрим главные вехи русско-французского диалога в XVII–XX вв., чтобы через цепь событий, встреч и совместных трудов подойти к важному вопросу: возможно ли укреплять научные связи двух стран без посторонних политических мотивов?

Выражение «*Cette grande lueur à l'Est*» — «Этот великий свет с Востока» (перевод наш. — *Авт.*) — как назвал Жюль Ромэн один из своих романов-эпопей «*Les hommes de bonne volonté*» («Люди доброй воли», 1932–1946), — это характерное для той эпохи увлечение большевизмом; путешествия писателей и деятелей культуры из Западной Европы и США в СССР. Но часть европейских исследователей ретроспективно переносит это явление и на начало XX в., и на первые годы после революции 1917 г. в России. Множество

работ по этой теме создает ощущение, что не было неполитических связей между нашими странами. Но мы, вступая в диалог и с одной из авторитетных исследовательниц русской интеллектуальной истории Софи Керэ [5] и с французским полем идей, постараемся помочь выйти из-за кулис политического и литературного мифа Полю Буайе и его учебнику («les coulisses d'un mythe politique et littéraire») [6] как важной вехе в истории русско-французских отношений, успешной попытке научного и педагогического обмена опытом между странами.

Выдающийся французский славист Поль Буайе (1864–1949) [7] посвятил этой проблеме (порой сознательно, порой нет) свои труды. Именно с помощью анализа одного из его главных произведений, которое не появилось бы вне сложной, но плодотворной истории взаимодействия русской и французской культур — «Manuel pour l'étude de la langue russe, textes accentués, commentaire grammatical, remarques diverses en appendice, lexique» — учебника русского языка, выдержавшего испытание временем (5 изданий с 1905 г., 6-е обновленное издание появилось в 2024 г.), — мы раскроем одну из основополагающих проблем кросс-культурных взаимоотношений двух стран.

Результаты и обсуждение

История научного изучения русского языка во Франции берет начало в 1724 г. (хотя надо отметить, что еще в 1720 г. Людовик XV, после визита Петра Первого весной — летом 1717 г., учредил должность переводчика старославянского и русского языков в Королевской библиотеке), когда Жан Сойе, сотрудник Королевской библиотеки, опубликовал труд «Грамматика и метод: русский и французский язык» («Grammaire et Méthode russes et françoises») [7]. Это было первое французское сочинение, систематизировавшее структуру русского языка. С восхождением на трон Екатерины II (состоявшей, как известно, в переписке с философами эпохи Просвещения — Вольтером, Даламбером, Дидро)¹ [8][9] и вплоть до Великой французской революции 1789 г. культурные связи между Россией и Францией значительно расширились. Особый интерес в рамках нашего исследования представляет деятельность французских просветителей, в частности Дени Дидро, посетившего Россию и прожившего в Санкт-Петербурге с сентября 1773 по март 1774 г. В 1947 г. русский читатель получил 10-й том полного собрания сочинений Д. Дидро², содержащий множество работ, посвященных восприятию философами нашей страны и ее культуры. Однако Д. Дидро черпал знания о России далеко не только из бесед с императрицей [10], которые могли дать лишь ограниченное представ-

¹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / пер. с фр. Иван Фабиян ; с портретом императрицы и Вольтера. Москва : В вольной типографии Гария и Компании, 1803.

² Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Rossica. Москва ; Ленинград : Academia, 1947.

ление о реальном положении дел. Важными источниками для него стали беседы с И. Бецким, Е. Дашковой, Д. Голицыным, Г. Орловым и братьями А.В., С.В. и В.В. Нарышкиными. Примечательно, что наиболее близкое к рукописному источнику издание «Бесед с Екатериной II (1773)»³ было подготовлено именно французскими исследователями. Рукопись обнаружили в Центральном государственном архиве древних актов (ныне — Российский государственный архив древних актов) и включили в том политических сочинений Д. Дидро⁴. К сожалению, до сих пор этот текст не был переведен и остается неизвестным российскому читателю и лишь благодаря книге саратовского историка С.А. Мезина мы имеем довольно полное представление о диалоге Д. Дидро с российской культурой [11]. Но в XIX в. большинство работ философа оставались непереуведенными, что, впрочем, не мешало русской интеллигенции: французский язык был тогда широко распространен в России, и сама родина прав и свобод человека казалась многим молодым людям той эпохи близкой и созвучной их собственным мыслям. Однако для самой Франции первая половина XIX столетия стала сложным и в то же время переломным периодом в истории отношений с нашей страной.

Тем не менее в Санкт-Петербурге выходит в свет грамматика русского языка Карла-Филиппа (Филиппа Ивановича) Рейффа⁵ [12]. Как установил академик М.П. Алексеев, это издание представляло собой перевод «Пространной грамматики» Н.И. Греча. Однако, несмотря на это, работа К.-Ф. Рейффа приобрела неожиданную популярность и стала восприниматься как самостоятельное научное достижение.

Параллельно с этим во Франции формировался противоречивый образ России. В 1843–1844 гг. Астольф де Кюстин публикует свои нашумевшие путевые заметки «Россия в 1839 году» [13], где рисует Восточную империю в крайне мрачных тонах. Этот труд оказал значительное влияние на европейское восприятие России. В то же время, в 1840 г., в Коллеж де Франс происходит знаковое событие — Адам Мицкевич открывает первую во Франции кафедру славистики, которая, однако, просуществовала недолго: уже в 1844 г. кафедру пришлось закрыть из-за резкого ухудшения франко-русских отношений накануне Крымской войны.

Во второй половине XIX в. распространение русской культуры во Франции происходило во многом благодаря усилиям отдельных энтузиастов. Среди них особое место занимает Проспер Мериме, состоявший в переписке с И.С. Тургеневым и С.А. Соболевским. Как отмечал Н.В. Гоголь: «...известно

³ Lisé É. 1978. Mémoires inédits de Diderot à Catherine II // Dix-huitième siècle. No. 10. P. 191–222.

⁴ Diderot D. Oeuvres. T. 3 : Politique. Paris : Robert Laffont, 1995.

⁵ Рейфф Ф.И. Грамматика русская для употребления иностранцев, которая основательно показывает начальные правила сего языка // Reiff Carl Philipp. Grammaire Russe à l'usage des étrangers précédés d'une introduction sur la langue slavonne. Санкт-Петербург, 1821.

выданное им собрание славянских песен под именем Гусли. Собранием этим он поддел даже самого Пушкина, который принял их за подлинные и с такою верною простотою передал их в полновесных стихах своих. Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для француза. *По природе своей эти две нации не сходятся между собою в характере. К тому же французу трудно позабыть на минуту, что он француз.* (курсив наш. — Авт.). С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников»⁶. Эти слова подчеркивают, насколько редким и ценным было для французского деятеля культуры глубокое понимание славянской культуры.

Значимым шагом в укреплении русско-французских культурных связей стало открытие 15 февраля 1875 г. русской библиотеки в Париже. Инициатива принадлежала революционеру-народнику Г.А. Лопатину, а важную поддержку оказал И.С. Тургенев. В 1883 г. библиотека получила название «Тургеневской общественной библиотеки», поскольку именно книги из личной коллекции писателя составили основу ее фонда. Без этого вклада создание «Тургеневки» едва ли было бы возможным.

Ранее в 1874 г. в Школе восточных языков был введен курс русского языка, который спустя четыре года (в 1878 г.) стал основой для создания кафедры славянских языков. Нельзя не отметить также важность еще одного из центров изучения славянских языков во Франции — Лиона. Лионская русистика отметила столетие в 2023 г. [14]. Этот период ознаменовал новый этап в институционализации славистики во Франции.

Особую роль в развитии кафедры сыграл Поль Буайе, возглавлявший ее с 1891-го по 1936-й год. Но П. Буайе, в 1869 г. слушавший на факультете словесности Московского университета лекции Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, интересуется не только нашим языком как гранью русской культуры. Известный французский славист А. Мазон отмечает широкий круг интересов П. Буайе, говоря, что русский язык для него — ключ к проблемам истории, философии, литературы России, поэтому его деятельность выходила далеко за рамки академического руководства: П. Буайе не только стоял у истоков создания первого серьезного научного сообщества по изучению русского языка во Франции, выходящего и сегодня авторитетного научного журнала «Revue des Études Slaves», но и во второй половине 1920-х гг. помогал В.Э. Мейерхольду восстанавливать театральные связи во Франции [15. С. 744–745, 761, 798]. Подчеркнем, что для П. Буайе был важен *genetivus objectivus* как аспект исследования: Россия как объект цивилизации. Не менее значимым стал его вклад в основание Французского института в Петербурге — проект, который по праву считается одним из важнейших достижений выдающегося слависта.

⁶ Гоголь Н.В. <Заметка о Мериме> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 9 : Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. С. 20–21.

Подробнее остановимся на этом событии, которое положило начало продолжающейся и сегодня дискуссии о роли интеллектуального и научного аспекта в диалогах культур, а также о влиянии русской дидактической школы на формирование преподавателей французского языка и преподавания французского языка в России [16].

К 1911 г. Франция уже имела опыт создания языковых институтов за рубежом — подобные учреждения существовали во Флоренции и в Испании [17]. Петербургский институт, по замыслу Поля Буайе, должен был стать уникальным проектом с двойной миссией.

С академической точки зрения, он задумывался как центр, где французские слависты могли бы углубленно изучать русский язык и культуру, одновременно проводя серьезные научные исследования. Параллельно институт должен был служить площадкой для подготовки русских студентов, будущих преподавателей французского языка, которые могли бы распространять французскую культуру в России.

Двусторонний обмен представлял особую ценность не только для изучения языка, но и для методики его преподавания. Процесс изучения языка всегда определяется широким комплексом факторов — от индивидуальных способностей учащихся до применяемых педагогических подходов и актуальных научных концепций. Однако реализация этой модели столкнулась с противоречиями. Сорбонна, опасаясь потерять монополию на обучение иностранцев французскому языку, потребовала пересмотреть положения о подготовке русских преподавателей. Хотя П. Буайе формально согласился на эти условия, статья Поля Думера, будущего 14-го президента Франции, опубликованная накануне открытия института, раскрывала иную идею — «интеллектуальную экспансию Франции»⁷.

Эта идея не была случайной: в XIX в. во Франции активно переосмыслилось историческое наследие эпох Людовика XIV, Просвещения и Реставрации, что способствовало формированию представлений о превосходстве культурной миссии Франции в мире. В частности, характерно, что в заголовке работы Pingaud L. *Les Français en Russie et les Russes en France* (1886) «*Les Français en Russie*» набрано гораздо более крупным шрифтом, чем «*les Russes en France*». Окончательно этот идеологический вектор в работе нового учреждения был закреплен первым директором института Луи Пео (1881–1961)⁸,

⁷ Doumer P. «L'expansion intellectuelle de la France». *Le Matin*. Lausanne: Tamedia Publications romandes SA, 27 février 1911; Dussieux L. *Les artistes français à l'étranger*. Paris-Lyon : Jacques Lecoffre, 1876; Veulin E.V. *L'amitié franco-russe, ses origines. Le génie français et la Russie sous Pierre le Grand, Catherine I et Elisabeth. Documents inédits*. Brionne: Imprimerie E. Amelot, 1896; Haumant É. *La culture française en Russie (1700–1900)*. Paris: Hachette, 1910; Pingaud L. *Les Français en Russie et les Russes en France*. Paris, 1886.

⁸ Rapport sur le fonctionnement de l'Institut présenté au conseil d'administration par M. Louis Réau, directeur de l'Institut français de Saint-Petersbourg, Saint-Petersbourg, rue Gorohovaj, Paris: Hachette, 1913.

что существенно отличалось от первоначальных академических целей П. Буайе. Именно Л. Рео принадлежит термин «l'expansion de l'art français» — «экспансия французского искусства», развитая им в фундаментальном труде «Histoire de l'expansion de l'art français moderne», где первый том посвящен «латинскому (романскому) миру», второй «германскому миру», третий — «скандинавскому и англосаксонскому». Показательно, что свою концепцию об экспансии французского искусства Л. Рео представляет лишь в четвертом томе, посвященном России и русской культуре. Концепция Л. Рео предшествовала теории культурно-идеологической гегемонии, изложенной в «Тюремных тетрадах» А. Грамши (1928–1937), концепции «силы над мнениями» Э. Карра (1939) и ставшей уже фактически мемом «мягкой силе» Дж. Найя (2004). В отличие от П. Буайе, видевшего в русской культуре и русском языке явления, не только способствующие межкультурному диалогу, но и источник обогащения французской и, шире, европейской культуры, Л. Рео предлагает ставшую затем, увы, довольно распространенной в кругах западных интеллектуалов теорию (многочисленные виды культурного и языкового этноцентризма), согласно которой Русь / Россия была «провинцией византийского искусства», а в XIX в. «естественным образом» превратилась в «провинцию французского искусства»⁹. Сегодня мы наблюдаем довольно опасные притязания английского языка на самодостаточность и на такую же культурную гегемонию в диапазоне от *lingua franca* до *Global'lish*, свойственную латыни от поздней Античности до конца Средневековья и даже за хронологическими границами Возрождения, или же французскому в более позднюю классическую эпоху.

Как мы уже отмечали, совершенно иную позицию занимал Поль Буайе, чьи гуманистические идеи так и не получили полного воплощения в новом Институте. В отличие от концепции «интеллектуальной экспансии» он отстаивал принципы политической нейтральности научного сотрудничества, подлинного, свободного от идеологических наслоений культурного диалога. Эти убеждения привели П. Буайе в Россию, где в 1901–1904 гг. он неоднократно посещал Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Эти встречи, подробно описанные в изданной в 1950 г. книге «П. Буайе у Толстого. Встречи в Ясной Поляне»¹⁰, имеют особое значение для понимания духовных связей между русской и французской культурами. Но здесь необходимо уточнение: в Западной Европе и США воспринимали толстовство, в первую очередь, как идеологию и эстетику Л.Н. Толстого, в то время как педагогические взгляды писателя оставались до учебника П. Буайе и Н. Сперанского в стороне [18; 19; 20].

⁹ Réau L. Histoire de l'expansion de l'art français: en quatre volumes. Le monde slave et l'Orient. V.4. Paris: Laurens, 1924.

¹⁰ Paul Boyer (1864–1949) chez Tolstoï Entretiens à Iasnaïa Poliana / Avec une introd. par André Mazon, Pierre Pascal, Louis Réau consacrée à la mémoire de Paul Boyer. Paris : Inst. d'études slaves de l'Univ. de Paris, 1950.

П. Буайе сохранил важное свидетельство — адресованные ему в 1901 г. слова Л.Н. Толстого: «Ваши великие мастера XVIII века: Вольтер, Дидро, Руссо написали множество мощных, прекрасных, полезных для каждого страниц, моральных!» («Vos grands maîtres du XVIIIe siècle, Voltaire, Diderot, Rousseau, ont écrit tant de fortes pages, belles, utiles pour chacun, morales!» [32, С. 38]). Это высказывание не только демонстрирует глубокое влияние французских просветителей на русского писателя, но и подтверждает правоту П. Буайе в его стремлении к подлинному, содержательному культурному обмену.

Мысль Л.Н. Толстого — это мысль об интеграции и синтезе культур, а не об интеллектуальном доминировании одной из них. Идея о том, что искусство и язык призваны объединять людей, наиболее ярко выражена в его эссе «Что такое искусство?» (1897)¹¹. В нем Л.Н. Толстой отмечал, что среди литераторов его эпохи величайшими были Ч. Диккенс, В. Гюго и Ф.М. Достоевский — именно потому, что передаваемое ими чувство способствовало согласию и братству между людьми¹². Сама деятельность Л.Н. Толстого подтверждала эти взгляды: он неоднократно переводил или редактировал произведения этих авторов, нередко адаптируя их в соответствии со своими убеждениями. Так, например, в 1890 г. он отредактировал перевод «Человека, который смеется» Виктора Гюго (выполненный А.Ю. Бижукимым) для своего издательства «Посредник» [21], в 1889 г. переработал рассказ Г. де Мопассана «Порт», изменив его название на «Сестры»¹³ и подписав: «Л.Н. Толстой (по мотивам Мопассана)».

Влияние Л.Н. Толстого выходило далеко за пределы литературы: знакомство с ним стало переломным моментом в судьбе П. Буайе. Вдохновившись «Азбукой» (1872)¹⁴ [22] Л. Толстого, П. Буайе совместно с Н. Сперанским, своим коллегой по Институту славянских исследований, написал учебник русского языка «Manuel pour l'étude de la langue russe, textes accentués, commentaire grammatical, remarques diverses en appendice, lexique»¹⁵, который выдержал шесть переизданий (1905, 1935, 1951, 1957, 1967, 2024). В Предисловии к Учебнику авторы указывают: «Deux noms, celui d'un Français et celui d'un Russe, se lisent sur la couverture de ce Manuel, et leur droit à y figurer est égal. Le plan général du livre, le choix des morceaux, la rédaction du commentaire et des remarques, la composition du Lexique ont été discutés et arrêtés en commun par

¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 30. Произведения 1882–1898. Москва : ГИХЛ, 1951. С. 26–203

¹² Там же. С. 177

¹³ Толстой Л.Н. Сестры (по мотивам Мопассана) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Круг чтения (1904–1908 гг.). Т. 2. Москва : ГИХЛ, 1957. С. 298–305.

¹⁴ Толстой Л.Н. Азбука // Соч. гр. Л.Н. Толстого. Кн. 1–4. Санкт-Петербург : тип. Замысловского, 1872. Кн. 4.

¹⁵ Boyer P., Speranski N. 1905. Manuel pour l'étude de la langue russe: Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique. Paris : Armand Colin.

Nicolas Spéranski et moi-même” — «Два имени, француза и русского, можно прочесть на обложке этого Учебника, и они имеют равное право фигурировать в нем. Общий план книги, выбор частей, написание введения и замечания, составление Лексикона обсуждалось и согласовывалось совместно Николя Сперанским и мною» (перевод наш. — *Авт.*)¹⁶. Об этом труде необходимо сказать подробнее, но его детальному анализу будет в дальнейшем посвящена отдельная статья.

Авторы учебника справедливо предполагают, что полноценное освоение языка невозможно без занятий с преподавателем или носителем, уже в предисловии предупреждая о сложностях, возникающих при изучении русского языка как языка флективного. Задача учебника — «представить верную и достаточно полную картину русского разговорного языка и способы высказывания» («Présenter un tableau fidèle et suffisamment complet de la langue russe parlée et de ses procédés d'expression»)¹⁷. Хотя книга содержит тексты для начинающих и подробные комментарии почти к каждому слову / предложению, в ней практически отсутствует фонетический блок — лишь указаны ударения, без объяснений и анализа особенностей русского произношения, представляющего особые трудности для франкофонов. Авторы предполагают, что читатель уже обладает базовыми навыками артикуляции, однако с методической точки зрения отсутствие фонетических комментариев остается серьезным упущением.

Не менее спорным выглядит включение на начальном этапе стилистически и семантически маркированной лексики. В качестве материала П. Буайе использовал тексты из толстовской «Азбуки» (указание на это авторы помещают в рамке на отдельной странице), где встречается множество диалектизмов — Л.Н. Толстой сознательно опирался на народную речь, пословицы и поговорки. С одной стороны, это можно считать недостатком, поскольку подобная лексика усложняет восприятие. С другой — такой подход отражает стремление П. Буайе погрузить учеников в естественную звуковую среду русского языка, дать им прочувствовать его ритм и мелодику. Напомним, что речь идет о русском языке начала XX в.

Выбор текстов Л.Н. Толстого не случаен. Как мы уже отмечали, П. Буайе был лично знаком с писателем и разделял его педагогические взгляды. Л.Н. Толстой считал, что обучение должно строиться на принципах свободы, уважения и доступности — именно так была организована его яснополянская школа для крестьянских детей. Учитель, по его мнению, не должен навязывать знания, а, напротив, обязан создавать условия для естественного раз-

¹⁶ Boyer P., Spéranski N. 1905. Manuel pour l'étude de la langue russe: Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. P. XI–XII. Lexique. Paris : Armand Colin.

¹⁷ Там же.

вития ученика. Эти идеи перекликаются с концепциями Жан-Жака Руссо¹⁸, но Л.Н. Толстой адаптировал их к русской реальности и к своей философско-религиозной системе.

Влияние толстовской мысли прослеживается и в структуре пособия П. Буайе. В отличие от традиционных учебников тех лет с жесткой системой упражнений и сухой грамматикой здесь нет механического закрепления материала — вместо этого предлагается свободное погружение в язык. Такой подход, с одной стороны, лишает ученика привычных ориентиров, привычной практики, но с другой — полностью соответствует толстовскому принципу свободного обучения.

Пособие П. Буайе позволяет не только освоить грамматику («скелет» языка, как это делал, например, П. Мериме, изучавший русский по учебнику К.-Ф. Рейффа), но и понять, как язык функционирует в реальности. В книге подробно разбираются формы слов, структура предложений, даются комментарии к культурным реалиям (включая приложение с лексиконом и входящий туда перечень междометий). Это создает эффект естественного языкового погружения, что стало новаторским решением для своего времени.

Несмотря на некоторые недостатки (отсутствие комплексной фонетики, сложная, порой диалектная, лексика), учебник П. Буайе остается одним из самых влиятельных пособий по русскому языку XX в.: переведенный на английский и изданный в 1916 г. в Чикаго, учебник П. Буайе и Н. Сперанского фактически стал основным в формировании американской русистики¹⁹. Более того, его структурные принципы предвосхитили современные образовательные тренды, такие как гипертекстовый подход (диалоговость в ходе усвоения материала и его постепенное усложнение с уменьшением подсказок); контекстное обучение (язык через культуру, через картину мира; прецедентные тексты, а не изолированные грамматические правила); свобода от формализма в обучении и от формального контроля (важный акцент на мотивации, а не на механическом запоминании). Вспомним, что схоластику и формализм в обучении высмеивал еще Ф. Рабле: «Обучение Гаргантюа сводилось к бессмысленной механической зубрежке схоластических книг. Он выучил их так хорошо, что при испытании мог пересказать все это не только наизусть, но даже наоборот. Отец его заметил, что от этого сын его становится все более толковее, задумчивее и страннее и в результате чего лишь отупел»²⁰.

Сегодня благодаря цифровым технологиям все эти идеи могут получить новое воплощение в озвучке текстов носителями языка для компенсации

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. *Эмил, или «О воспитании»*. Санкт-Петербург : Газ. школа и жизнь, 1912.

¹⁹ Памяти выдающегося и непревзойденного знатока русского языка и большого методиста // В помощь преподавателю русского языка в Америке / *A Guide to Teachers of the Russian Language in America*. Vol. 3. No. 17/18 Сентябрь — декабрь 1949.

²⁰ Рабле Ф. *Гаргантюа и Пантагрюэль*. Москва : ГИХЛ, 1961. С. 81–89.

отсутствия фонетического блока; в съемках видеолекций к грамматическим и культурологическим комментариям; в создании алгоритмов интервального повторения для запоминания лексики и расширения словаря. Характерна ре-марка П. Буайе: он указывает, что его учебник содержит примерно 3000 слов, объем, который сам П. Буайе называет основным. Примечательно, что авторитетный словарь Жоржа Гугенхейма “Dictionnaire fondamental de la langue française” (первое издание — 1958) содержит 3500 слов. Эти 3500 лексических единиц, по мнению автора словаря, — ядро часто встречающихся слов и основной доступный лексикон. Вместе они образуют фундаментальный французский язык и представляют собой очень прочную и достаточно широкую основу для изучения обычного языка, как в контексте французского языка как иностранного, так и французского как родного языка. Создание такого русского словаря, будем надеяться, только вопрос времени.

Заключение

Труд П. Буайе — это не просто учебник, а продукт глубокого интеллектуального диалога между французской и русской мыслью. Этот диалог двух людей своей эпохи — русского гениального писателя и выдающегося французского слависта — создал методику, способную не просто оставаться долгое время актуальной, но и эволюционировать вместе с обществом. Как показала история, именно такой непредвзятый, научный (а не интеллектуально-догматический) диалог порождает произведения, входящие в культурный код нации.

В апреле 1926 г. сам П. Буайе в статье «Les relations scientifiques entre la France et la Russie»²¹ не только анализировал особенности научного сотрудничества между странами, но и объявил о создании комитета по развитию научных отношений с Россией. Этот шаг — логическое развитие мысли о том, что настоящие открытия рождаются не через подавление одной культурной парадигмы другой, а через свободный и равноправный обмен идеями.

Методика П. Буайе, вдохновленного толстовскими принципами, доказала свою жизнеспособность. И сегодня, в эпоху цифровых технологий, переосмысляя наследие французского слависта, мы видим, как эти идеи могут обрести вторую жизнь, сохраняя при этом свою гуманистическую основу. К сожалению, как отмечал сам П. Буайе, не всегда удается избежать соблазна интеллектуализма, когда формальные и идеологические построения начинают преобладать над живой мыслью. Однако именно его работа служит ярким примером того, как можно сохранить баланс между двумя аспектами одного явления — межкультурного диалога стран.

²¹ Boyer P. Avril 1926. “Les relations scientifiques entre la France et la Russie”. Revue du Mois scientifique, no. 172, pp. 199–200.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 томах. Том 6. Москва : Русское слово, 1996–2002.
2. L'ours et le coq: Trois siècles des relations franco-russe: Essais en honneur de Michel Cadot. 2000. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle.
3. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002.
4. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков : эпохи и стили. Ленинград : Наука. Ленингр. отд., 1973.
5. Coeuré S. 1999. La Grande Lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939. Paris : Seuil.
6. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des archives russes, dir., éd. et préface par S. Coeuré, R. Mazuy. Paris : CNRS Editions, Collection "Mondes russes", 2012. P. 9.
7. Успенский Б.А. Предисловие // Sohier J. Grammaire et Méthode russes et françaises. München : Verlag Otto Saner, 1987. С. 1–24.
8. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. Москва : НЛЮ, 2001.
9. Проскурина В.Ю. Империя пера Екатерины II : Литература как политика. Москва : НЛЮ, 2017.
10. Занин С.В., Кошелева О.Б. Новые открытия текстов Дидро: моральный катехизис для Екатерины Великой // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 347–361.
11. Мезин С.А. Дидро и цивилизация России. Москва : Новое литературное обозрение, 2018.
12. Грищенко Н.А. Ф.И. Рейфф как миссионер русского языка и русской культуры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 26–31.
13. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Санкт-Петербург : Крига, 2008.
14. Gamalova N. Mélanges pour le centenaire de la slavistique lyonnaise, 1920–2020. Modernités russes. URL: <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=615> (accessed: 03.04.2025).
15. Мейерхольд и Франция. Публикация, вступит. статья и коммент. О.Н. Купцовой // Мнемозина : документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 4. Москва : Индрик, 2009. С. 741–796.
16. Apukhtina M. L'influence des didacticiens russes sur la formation des professeurs de français et sur l'enseignement du français en Russie. Université Côte d'Azur, 2019.
17. Espagne M. Le paradigme de l'étranger: les chaires de littérature étrangère au XIX-e siècle. Paris : Cerf, 1993. P. 315–319.
18. Эстетика Льва Толстого : сб. ст. / под ред. П.Н. Сакулина. Москва : Гос. акад. художественных наук, 1929.
19. Полонский В.В. Gallo-Rossica: из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. Москва : ИМЛИ РАН, 2019.
20. Гладкова (Калюжная) Л.В. Л.Н. Толстой и его франкоязычные корреспонденты об искусстве. Рецепция трактата «Что такое искусство?» во Франции // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 253–267.
21. Пахсарьян Н.Т. Виктор Гюго и Лев Толстой // Лев Толстой и его современники. Москва: Парад, 2010. С. 167–169.
22. Константинов Н., Петров А. Предисловие к двадцать первому и двадцать второму томам // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Москва : ГИХЛ, 1957. Т. 21. С. 5–38.

References

1. Bakhtin, M.M. 2002. *Collected Works*: In 7 volumes. Vol. 6. Moscow: Russkoe slovo publ. Print. (In Russ.)
2. L'ours et le coq: Trois siècles des relations franco-russe: Essais en honneur de Michel Cadot. 2000. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle. Print. (In French)

3. Lotman, Yu.M. 2002. *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Academic project publ. Print. (In Russ.)
4. Likhachev, D.S. 1973. *Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries: Epochs and Styles*. Leningrad: Nauka publ. Leningrad Department. Print. (In Russ.)
5. Coeuré, S. 1999. *La Grande Lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939*. Paris: Seuil. Print. (In French)
6. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des archives russes, dir., éd. et préface par S. Coeuré, R. Mazuy. 2012. Paris: CNRS Editions, Collection “Mondes russes”, p.9. Print. (In French)
7. Uspensky, B.A. Preface. In Sohier J. *Grammaire et Méthode russes et françaises*. München: Verlag Otto Saner, 1987. C. 1–24. Print. (In Russ.)
8. Zorin, A.L. 2001. *Feeding the Double-Headed Eagle: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Century*. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.)
9. Proskurina, V.Yu. 2017. *The Empire of Catherine II's Pen: Literature as Politics*. Moscow: NLO. Print. (In Russ.)
10. Zannin, S.V., Kosheleva O.B. 2014. “New discoveries of Diderot’s texts: a moral catechism for Catherine the Great”. *Dialogue with Time*, issue 48, pp. 347–361. Print. (In Russ.)
11. Mezin, S.A. 2018. *Diderot and the Civilization of Russia*. Moscow: New Literary Review publ. Print. (In Russ.)
12. Grishchenko, N.A. 2011. “F.I. Reiff as a missionary of the Russian language and Russian culture”. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 2, pp. 26–31.
13. Custine, A. de. 2008. *Russia in 1839*. St. Petersburg: Kriga publ. Print. (In Russ.)
14. Gamalova N. “Mélanges pour le centenaire de la slavistique lyonnaise”, 1920–2020. *Modernités russes*. URL: <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=615> (date of access: 03.03.2025). (In French)
15. “Meyerhold and France. Publication, introduction article and comment by O.N. Kuptsova”. 2009. *Mnemosyne. Documents and facts from the history of Russian theater of the twentieth century*. Issue 4. Moscow: Indrik publ, pp. 741–796. Print. (In Russ.)
16. Apukhtina M. 2019. L’influence des didacticiens russes sur la formation des professeurs de français et sur l’enseignement du français en Russie. Université Côte d’Azur. Print. (In French)
17. Espagne, M. 1993. Le paradigme de l’étranger: les chaires de littérature étrangère au XIX-e siècle. Paris: Cerf, pp. 315–319. Print. (In French)
18. Leo Tolstoy’s Aesthetics. Collection of articles edited by Sakulin, P. N. 1929. Moscow: State Academy of Artistic Sciences. Print. (In Russ.)
19. Polonsky, V.V. 2019. Gallo-Rossica: from the history of Russian-French literary relations of the late 18th — early 20th centuries. Moscow: IWL RAS publ. Print. (In Russ.)
20. Gladkova (Kalyuzhnaya), L.V. 2023. “L.N. Tolstoy and his French-speaking correspondents on art. Reception of the treatise ‘What is Art?’ in France.” *Literary fact*, vol. 30, no. 4, pp. 253–267. Print. (In Russ.)
21. Pakhsaryan, N.T. 2010. Victor Hugo and Leo Tolstoy. In: *Leo Tolstoy and his contemporaries*. Moscow: Parad publ., pp. 167–169. Print. (In Russ.)
22. Konstantinov, N., and A. Petrov. 1957. Preface to the twenty-first and twenty-second volumes. In: *Tolstoy L.N. Complete collected works*. Vol. 21. Moscow: GIHL, pp. 5–38. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Овчаренко Алексей Юрьевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0000-0002-8544-5812, ResearcherID: Z-3696-2019. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна — лаборант научной школы «Лингвокультурология и профессиональное общение», институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0009-0004-6127-0116, ResearcherID MGV-9836-2025. E-mail: lizashapr@yandex.ru

Воропаева Юлия Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0000-0002-5425-3359, ResearcherID: AAN-5202-2020. E-mail: voropaeva_yua@pfur.ru

Bio notes:

Alexey Yu. Ovcharenko is a D. Sc. (Philology), Professor at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8544-5812, ResearcherID: Z-3696-2019. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Elizaveta A. Shaprinskaya is a Laboratory technician at the scientific school “Linguacultural and professional communication”, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-6127-0116, ResearcherID MGV-9836-2025. E-mail: lizashapr@yandex.ru

Julia A. Voropaeva is a PhD, Associate Professor at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5425-3359, ResearcherID: AAN-5202-2020. E-mail: voropaeva-yua@rudn.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-395-407

EDN: SQQJWE

Научная статья / Research article

Две печатные машинки Кадыра Натхо, или Писатель транскультурного пограничья

К.С. Тхакахова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Российская Федерация

✉ karina-t-00@mail.ru

Аннотация. Отталкиваясь от афористического выражения С. Келлмана «Каждый транслингвальный писатель транслингвален по-своему», автор работы исследует отличительные особенности языковой биографии адыгейско-американского прозаика Кадыра Натхо (1927–2021). Выявлено, что писатель владел четырьмя языками — адыгейским, русским, арабским, английским. Показано, что главным катализатором многоязычия К. Натхо стала череда драматических и трагических событий, связанных со Второй мировой войной, вынужденной эмиграцией, семилетним пребыванием в Иордании и окончательным переселением в Соединенные Штаты Америки в середине XX в. Знание многих языков предопределило плотность интертекстуального пространства произведений К. Натхо («Николаас и Надюша», «Старые и новые сказки Кавказа», «В поисках себя», «Легенда о великом похищении»), наличие большого количества отсылок к другим этническим культурам. Установлено, что при всей глобальности художественного мышления интернационального писателя приоритетная роль отводится родному языку: черкесские реалии, интегрированные в плоть его художественных текстов, демонстрируют Космо-Психо-Логос кавказских народов, специфические особенности их ментальности, материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: транслингвальная литература, Кадыр Натхо, биографический фактор, эмиграция, языковая личность, писатель, межкультурная коммуникация, этнокультурное ядро, каталогизация, культурный код

История статьи: поступила в редакцию 12.03.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тхакахова К.С. Две печатные машинки Кадыра Натхо, или Писатель транскультурного пограничья / Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 395–407. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-395-407>

Two Printing Presses of Kadir Natkho, or A Writer of the Transcultural Borderland

Karina S. Tkhakakhova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, *Nalchik, Russian Federation*

✉ karina-t-00@mail.ru

Abstract. Based on the aphoristic expression of S. Kellman “Every translingual writer is translingual in his own way”, the author of this article examines the distinctive features of the linguistic biography of the Adyghe-American prose writer Kadir Natkho (1927–2021). It was revealed that the writer spoke four languages — Adyghe, Russian, Arabic, English. It is shown that the main catalyst for K. Natkho’s multilingualism was a series of dramatic and tragic events associated with the Second World War, forced emigration, a seven-year stay in Jordan and final resettlement to the United States of America in the mid-twentieth century. Knowledge of many languages predetermined the density of the intertextual space of K. Natkho’s works (“Nicholas and Nadyusha”, “Old and New Tales of the Caucasus”, “In Search of Oneself”, “The Legend of the Great Abduction»), the presence of a large number of references to other ethnic cultures. It has been established that, despite the globality of the artistic thinking of the international writer, the priority role is given to the native language: Circassian realities, integrated into the flesh of his artistic texts, demonstrate the Cosmo-Psycho-Logos of the Caucasian peoples, the specific features of their mentality, material and spiritual culture.

Key words: translingual literature, Kadir Natkho, biographical factor, emigration, linguistic personality, writer, intercultural communication, ethnocultural core, cataloguing, cultural code

Article history: received 12.03.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Tkhakakhova, K.S. 2025. “Two Printing Presses of Kadir Natkho, or A Writer of the Transcultural Borderland.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 395–407. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-395-407>

Введение

Кадыр Исхакович Натхо (1927–2021) — прозаик, публицист, драматург, сформировавшийся в сложной полиэтнической среде и привлекавший средства адыгейского, английского, русского и арабского языков в своей творческой и повседневно-практической деятельности. Некоторые аспекты его литературных произведений нашли отражение в трудах северокавказских филологов [1–4]. Однако вопросы, связанные с полилингвальной личностью писателя, до сих пор не получили должной научной рефлексии.

Цель исследования — идентификация полилингвальной личности К. Натхо в тесной соотнесенности с его литературным наследием. В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих *задач*: воссоздание биографического контекста творчества писателя в краткой форме; измерение рабочего пространства каждого из перечисленных языков в активе писателя; выявление языка с приоритетным статусом; описание авторского

метода сохранения культурных кодов родного языка путем их каталогизации в художественных текстах.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью восполнить информационный пробел, связанный с недостаточной изученностью особенностей полилингвальной личности К. Натхо, а также его произведений как важных источников этнокультурных и кросскультурных знаний.

В основу исследования положена сложившаяся в современном литературоведении междисциплинарная **методология**, предполагающая изучение творчества писателя-полилингва в его социально-исторической детерминированности: историко-литературный, интертекстуальный, а также этнолингвокультурологический метод, предполагающий анализ художественного материала с привлечением необходимых сведений по истории, культуре и языку конкретного этноса.

Обсуждение

Отечественный философ, культуролог, литературовед Г.Д. Гачев (1929–2008) с помощью разработанной им триадной формулы «Космо-Психо-Логос» не только сам изучил менталитет многих западноевропейских и восточных народов, но и научил молодых коллег осмысливать собственные этномиры. В то же время на одной из страниц своей монографии «Ментальности народов мира» автор предувещивает читателя о том, что помимо «одномерных индивидов» бывают и «многомерные» — в плане этнических пересечений или «пересечения множеств» [5. С. 11]. Для наглядности автор в схематичной форме даже изобразил своё «Я», состоящее из трёх этнокультурных компонентов — «Болгария», «Еврейство» и «Россия».

Гачевская концепция «пересечения множеств» на сегодняшний день воспринимается как интеллектуальная предпосылка и основа для появления целого научного направления полилингвильных и транскультурных исследований в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, базирующихся на дискурсивной площадке серийных тематических журналов. Интегративные направления новейшей филологии определяют также и содержание ежегодно проводимых в РУДН международных научных конференций с примечательным названием «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование».

Следует отметить, что длительное время в отечественной филологии царил большой разброс мнений относительно статуса транслингвальной литературы, самой её номинации и типологических разновидностей. На примере даже двух отдельно взятых российских (осетинских) учёных можно наглядно показать, насколько далеко шагнули научные идеи по решению проблем транслингвизма. Самую категоричную и даже нигилистическую позицию в этих вопросах в своё время занимал писатель и литературовед Н.Г. Джусойты

(1925–2017), который в 1957 г., касаясь темы этнической идентификации писателя, настаивает на том, что «национальная литература создается и может существовать только на родном языке» [6. С. 11]. Другой российский ученый — И.С. Хугаев в 2013 г., словно полемизируя со своим предшественником и соплеменником, отстаивает противоположную точку зрения: «Язык — важнейший критерий национальной идентичности литературы, но не абсолютный критерий. Чужой язык и своя культура состоят в творческом акте, в сложном диалектическом взаимодействии, в борьбе и единстве, сложно определяющем идейно-пластическую самобытность транслингвальных текстов» [7. С. 2].

И.С. Хугаев — тот исследователь, которому удалось преодолеть уровень бесконечных абстрактных рассуждений о феномене национальной транслингвальной литературы и предложить ее конкретные, тонко разработанные критерии, которые он делит на «базисные» и «надстроечные». К «базисным» критериям он относит фактическое происхождение, генезис литератора («кровь», ген); воспитание в лоне традиционной семьи и культуры; положительную национальную самоидентификацию. «Надстроечными» критериями ученый считает «владение родным языком» и «творчество на родном языке» [7. С. 3].

В контексте нашего исследования о творчестве адыгейско-американского писателя К. Натхо много ценной информации мы извлекли из статьи У.М. Бахтикиреевой «Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные?» [8]. В ней автор, не ограничиваясь только «русскими» проблемами, периферийным взглядом успевает отследить особенности также и англофонной литературы и сделать важное уточнение о том, что «англизычная литература не может ассоциироваться только с англоязычной литературой бывших колоний, поскольку на английском стали писать представители самых разных народов, не имеющих отношения к странам — бывшим колониям Англии» [8. С. 15]. Данный тезис по-особому высвечивает личностную и языковую биографию «советского кавказца», «нерусского россиянина» К. Натхо. Логическим продолжением предыдущей статьи является исследование Н.А. Токаревой с примечательным заголовком «Русскоязычная, билингвальная, транслингвальная, транскультурная?» [9]. Вопросительные знаки в названиях свидетельствуют о необходимости решения проблем номинологической стабилизации в области «гибридных текстов».

В этих условиях требовалась некая «Агора», то есть собрание компетентных специалистов, которые на основе анализа всей релевантной научной литературы сформировали бы «своеобразную навигационную карту подхода для исследователей, изучающих транслингвальную литературу как в России, так и за рубежом; обоснование базовых отличий между социокультурными локалами, из которых произрастает транслингвальная литература» [10. С. 263].

На сегодняшний день таким культурологическим навигатором закономерно можно считать статью У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой, Н.А. Тока-

ревой «На Агоре сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы» [10. С. 263], являющейся одновременно обзорной и аналитической. В ней производится мониторинг всех сложившихся концепций транслингвальной литературы, из которых в заключительном разделе «Кода» вылучивается весьма ценный для нашего исследования тезис о том, что «каждый транслингвальный автор транслингвален по-своему» [11. С. 9] со ссылкой на Стивена Келлмана — профессора Техасского университета Сан-Антонио.

Завершая теоретический блок настоящей статьи, хотелось бы отметить одну из работ литературоведа В.Р. Аминовой, которую можно квалифицировать как «мастер-класс» для молодых исследователей. В ней на примере анализа творчества татарского «гражданина мира» Равиля Бухараева (1951–2012), владевшего русским, татарским, английским, венгерским языками, отчетливо показано явление «культурной интерференции, возникающей как следствие взаимоналожения разных кодов и национальных традиций» [12. С. 292]. Интересны и важны рассуждения автора о таких явлениях, как «множественность идентификаций», «полисубъектность авторского сознания», «пластичность человека границы» [12. С. 293], которые могут быть приложимы и к субъекту нашего исследования. Все перечисленные в данном разделе труды Г.Д. Гачева, И.С. Хугаева, У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой, Н.А. Токаревой, В.Р. Аминовой и С. Келлмана в совокупности стали теоретической и методологической основой для анализа творчества американско-адыгейского прозаика.

Языковая биография К. Натхо. Языковая биография каждого человека, как правило, имеет историко-географическую детерминацию. Кадыр Натхо родился в 1927 г. в адыгейском ауле Хатрамтук, позже по решению партийных реорганизаторов Краснодарского края аульчане были переселены в село «Новый Натухай». Родной язык Кадыра Натхо — шапсугский (диалект адыгейского языка). В своей автобиографической книге «В поисках себя» автор весьма подробно рассказывает о процессе усвоения им русского языка и русской культуры через общение с русскими друзьями, учителями, врачами. С особой теплотой он описывает дружбу с ровесником Ваней, который своим веселым характером, удалью и остроумными проделками напоминает своего знаменитого тёзку Иванушку-дурачка, ключевого персонажа целой серии русских народных сказок.

События Великой Отечественной войны (1941–1945), оккупация фашистами южных рубежей страны круто перевернули всю судьбу К. Натхо. В дни батальной чехарды, когда власть немецких и советских войск чуть ли не ежедневно сменялась на его малой родине, когда на его глазах родная мать погибла от артиллерийского снаряда в собственном доме, подросток с потрясенным сознанием выбирает для себя путь эскейпизма из этого ада.

История его спасительного побега пестрит географическими названиями: Крым, Каменец-Подольский, Италия, Австрия, Реджио-Эмилия, Иордания,

Амман, Бейрут, Ливан, Хиджази, Греция, Соединённые Штаты Америки, Нью-Йорк. К этому ряду можно добавить и такие социокультурные фреймы, как «корпус военнопленных», «гражданство», «виза», «угроза репатриации», «трудоустройство», «квота», «травма руки», «инвалидность», «новый язык», показывающие степень предельной усложненности его маршрута «к самому себе». Каждая короткая или относительно длительная остановка на названных территориях становилась для К. Натхо не только школой физического выживания, но и школой межкультурной, меязыковой коммуникации.

Любопытный факт: даже на феномене постоянно меняющегося его личного антропонима он мог делать выводы о разности этнокультурных предпочтений людей. Русские и украинские попутчики Кадырбека стали называть «Колей». Арабы с возмущением убрали из его имени окончание «бек» и добавили «Абдул», сославшись на то, что это одно из имен Аллаха и простой смертный не имеет права носить такое имя». Для них он стал «Абдул-Кадыром», что в переводе означает «Раб Всемогущего»¹, в США его называют Ник, Николас, а при устройстве на работу барменом в Нью-Йорке хозяин заведения просит разрешения называть его «Джо»², звучным ковбойским именем.

В 1956 г. К. Натхо официально становится гражданином США при огромной поддержке Толстовского фонда, основанного в 1939 г. младшей дочерью Л.Н. Толстого для оказания помощи российским эмигрантам. Делясь своей методикой изучения английского языка, он отмечает, что большинство его друзей в г. Патерсоне «читали ежедневные и еженедельные российские газеты, из которых они узнавали наиболее важные новости, опубликованные два или три дня назад в американских газетах. Я твердо решил не следовать их примеру и читать только американскую литературу при помощи англо-русского словаря, который я приобрел в Аммане и привез с собой. Кроме того, решил учить наизусть двадцать английских слов ежедневно»³. К этому следует добавить благотворность самой языковой среды, а также интенсивное обучение К. Натхо «на курсах по правописанию и английской литературе в различных колледжах и университетах Нью-Йорка»⁴. Жадный до знаний, он прочитал 54-томную энциклопедию «Мудрость Западного мира (от Гомера до Чехова)» на английском языке, с параллельным конспектированием приглянувшихся цитат.

К. Натхо было 35 лет, когда по инерции от прочитанных книг ему самому захотелось что-то написать. Как отмечают исследователи, «языком художественного самовыражения будущий писатель выбрал американский вариант английского языка» [13. С. 20]. Он успел апробировать самые разные жанро-

¹ *Натхо К.И.* В поисках себя. Майкоп : ООО «Полиграф-ЮГ», 2018. С. 155

² Там же. С. 192

³ Там же. С. 184

⁴ Там же. С. 198

вые модификации, в их числе авторские сказки с элементами «short story» («Old and new Tales of Caucasus», 1969); любовно-приключенческий роман («Nikolas and Nadiusha», 1976); документально-автобиографический роман («В поисках себя», 2018); неоромантическая повесть на антивоенную тематику («Легенда о великом похищении», 2015).

Проведенный нами художественный анализ названных текстов показывает, что, о чём бы К. Натхо не писал, приоритетную сюжетную линию в них занимает тема Кавказа, проблема сохранения черкесской (адыгской) культурной идентичности. К. Натхо с большим уважением относился к культуре США, которая стремилась стать не столько «плавильным котлом», сколько «салатной миской», где все «ингредиенты» сохраняли бы свой цвет, текстуру и вкус и в то же время составляли концептуальное единство. Иначе чем объяснить, что Кадыру Исхаковичу и его черкесским единомышленникам было позволено в штате Нью-Джерси построить ныне действующий Черкесский культурный Центр с прилегающим к нему зданием исламской Мечети? Центр носит достаточно многопрофильный характер — в нём располагаются «Воскресная школа для обучения детей эмигрантов черкесскому языку», студия национальных танцев, а также библиотека, где хранятся газеты, журналы, книги на родном языке.

Две машинки. Притчей во языцех стала история о том, что в рабочем кабинете К. Натхо на двух концах огромного письменного стола стояли две печатные машинки — с латиницей и с кириллицей⁵. Раскрывая суть назначения разносистемных шрифтов в контексте нашего исследования, отметим, что черкесская письменность исстари и до сегодняшнего дня носит раздвоенный характер: «советские» адыги, ныне проживающие в РФ (кабардинцы, черкесы, адыгейцы), пользуются кириллицей, в то время как представители черкесских диаспор в зарубежных государствах (США, Сирия, Иордания, Турция, Голландия) — исключительно латиницей.

На всех адыго-черкесских конгрессах, международных конференциях данная проблема поднимается и всегда носит дискуссионный, трудноразрешимый характер. Вот характерный отрывок из автобиографического романа К. Натхо, где он пишет о повестке Первой Международной конференции, состоявшейся в октябре 2008 г. в Аммане (Иордания): «Шли горячие споры по вопросу изменения черкесского алфавита с кириллицы на латиницу. Делегаты от наших республик на родине решительно возражали против латиницы, в то время как делегаты от общин черкесской диаспоры во всем мире предпочитали её. Противники данного вопроса заявляют, что такие изменения алфавита повлекут за собой большие расходы, это потребует переиздания объёмного количества книг и научных материалов»⁶.

⁵ Натхо К.И. В поисках себя. Майкоп : ООО «Полиграф-ЮГ», 2018. С. 322

⁶ Там же. С. 368

Это первая из причин, по которой К. Натхо держал у себя в кабинете две «разноалфавитные», «разноязычные» печатные машинки. Вторая причина связана с тем, что он любил русский язык, не забывал его и, прежде чем отдавать свои художественные тексты майкопским филологам, переводчикам, издателям, в ряде случаев он пытался снабдить их еще и версиями автопереводов, на которые опирались профессиональные российские переводчики в лице З. Басте и Ф. Хуако.

«Перекрестное опыление». Осмысливая психологию творчества авторов-полиглотов, современные ученые отмечают: «„Перекрестное опыление“ культур в одном социуме обуславливает формирование особого типа личности — билингвальной, поликультурной творческой, или так называемой маргинальной личности, воспринимающей культуру своего народа извне и снаружи, а значит, более стереоскопичным зрением и более объемным мышлением, чем монолингв» [14. С. 87]. Используя предложенный авторами вегетативный метафорический комплекс «перекрёстное опыление», можно отметить, что каждое из произведений К. Натхо, вне всякого сомнения, густо покрыто инокультурной «пыльцой» из сферы итальянского, арабского, русского, английского языков, но при этом центральная часть «цветка», его «пестик», неизменно остается «кавказским», «черкесским».

Приведём несколько примеров, подтверждающих данную гипотезу. Так, по заголовку романа «Николас и Надюша»⁷ трудно определить черкесское начало романа: антропоним «Николас» ассоциируется с американской культурой, а «Надюша» — с русской. Однако в ходе повествования по методу «тройного коня» появляется фигура черкеса Дамада, который фактически становится приёмным отцом для Николаса — сироты-найдёныша на железнодорожной станции г. Варшавы. По сюжету, кавказский «аталык» полностью воспитывает мальчика по канонам черкесского этикета (культ стойкости, мужества; благородства, чести, уважения к старшим, гостеприимства, нравственного внимания к людям, чувства меры). Старик уделяет большое внимание проблеме физического совершенствования своего подопечного. Так, среди альпийских предгорий кавказец учит мальчика правильной ходьбе по пересечённой местности, акробатическим приёмам «свёрнутого колеса» при нисхождении с крутого холма, а также искусству ведения кинжальной самообороны. Уникальны эпизоды, посвящённые использованию «птичьего языка» горскими коммуникантами в условиях необходимости скрываться от преследующих вражеских сил. Этому вокальному мастерству также обучает мальчика кавказский опекун.

Автор романа показывает, как в дальнейшем все эти навыки помогают юному Николасу не просто физически преодолевать сложные жизненные обстоятельства, но и стать эмпатичной личностью, обрести любовь и счастье

⁷ Natho K.I. *Nicholas and Nadiusha* (Николас и Надюша). New York, 1976.

в семейной жизни. Получается своего рода художественная презентация «общекавказской нравственной философии, являющейся наилучшей базой для развития и поддержания в обществе традиционной культуры мира, согласия, взаимопонимания»⁸.

В сходной творческой манере написан и сборник К. Натхо «Старые и новые кавказские сказки», где на архетипическое сюжетное ядро, как правило, накладываются культурные реалии исторической прародины писателя и даже конкретные фрагменты его драматической истории жизни. Ярким тому примером является авторская сказка «Бештау и джинны». Основу художественного конфликта здесь составляет вечное противостояние человека и злых низших сил. Но в то же время в образе главного героя угадывается личность Кадыра Натхо. По сюжету, протагонист по дороге домой с вечеринки обнаруживает на горной тропе бриллиант, чем он внутренне очень гордился. Но однажды ночью к нему в спальню пробираются злые духи и в результате ожесточенной схватки отбирают его сокровище. Герой, оставшийся без драгоценного камня, начинает изнутри гореть до такой степени, что на нём «запылала даже одежда». Прибежавшим на помощь домочадцам удалось потушить пожар, но Бештау «уже не мог быть счастливым, как прежде»⁹. Считаем, что здесь автором использована амебейная композиция, где под «бриллиантом» подразумевается кавказская родина писателя, а под «джиннами» — полицейский режим, силы НКВД, печально известные «воронки», которые «без предупреждения и без всякого объяснения» в 1930-е гг. забирали в тюрьмы невинных людей¹⁰.

Современные специалисты по этнолингвистике настоятельно рекомендуют представителям гуманитарных наук заняться систематизацией и каталогизацией самых значимых культурных реалий в своем национальном «Психологосе». По определению Г.Д. Томахина, реалии — это «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной и духовной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. д.» [16. С. 10]. Реалии чаще всего относятся к разряду безэквивалентной лексики и считаются главным богатством любого языка.

Примечательный случай очевидной утраты современными северокавказскими студентами «базовых, культурных реалий» родного языка (на основе личного экспериментального опыта) в одной из своих научных статей приводит У.М. Бахтикиреева: «На мой вопрос „Как звучит на этническом языке понятие ‘Млечный путь’?“ ответил только пожилой преподаватель: „След,

⁸ Natho K.I. Nicholas and Nadiusha (Николас и Надюша). New York, 1976. P. 5

⁹ Natho K.I. Old and New Tales of the Caucasus (Старые и новые сказки). New York, 1969. P. 48

¹⁰ Натхо К.И. В поисках себя. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2018. С. 12

оставленный на небе после белого коня“. Молодёжь молчала, но зато все они хорошо знали, как это словосочетание звучит на английском» [17. С. 19].

У К. Натхо за плечами был немалый опыт работы учителя в им же самим основанной «Языковой школе при Центре черкесской культуры». Сохранилась даже его методика антропоцентрического преподавания родного языка, с отталкиванием от личных местоимений «я, мы, мой, твой, наш»¹¹.

Этнолингвокультурологический анализ произведений писателя показывает не только пристальное, но даже избыточное внимание автора к реалиям. С учительской методичностью он практически на каждой странице размещает «мини-словарики» с оригинальными лексемами из адыгейского языка и его переводами на английский язык (для американского издания) и на русский язык для русскоязычных читателей. В общей сложности мы насчитали 436 единиц, включающих в себя названия, имеющие отношение к национальной кухне, одежде, коммуникативной культуре, предметам материальной культуры, адыгскому этикету, традициям, обычаям, музыкальным инструментам, религиозным обрядам, традиционным именам, кличкам, растениям, животным, военной терминологии. Здесь же собраны присказки, пословицы, поговорки.

Заключение

Комплексное изучение автобиографического и литературного материала показало высокую степень детерминированности языковой личности К. Натхо фактами биографии (этнический адыгеец, русская школа, война, эмиграция, Иордания, США). В лингвистическом арсенале писателя четыре языка — адыгейский, русский, арабский, английский. Сфера их использования: на английском автор писал свои художественные произведения; на арабском общался с деловыми партнерами в период официальных визитов в Саудовскую Аравию, Кувейт и Арабские Эмираты; русский язык был необходим писателю при составлении подстрочников в помощь отечественным переводчикам его англоязычных текстов, а также в диалогах с русскоязычными коммуникантами в США и России.

В перечисленной четвёрке языков приоритетное место на протяжении всей жизни писателя занимает родной адыгейский язык — он говорит на нём с представителями черкесской диаспоры в Америке; ведёт уроки родного языка в специализированной школе для черкесских детей; разрабатывает учебные пособия; на всех черкесских конгрессах конференциях выступает исключительно на родном языке. И самое главное, инклюзивным методом, методом продуманной каталогизации писатель транслирует миру культурные коды своего языка, запечатлённые в его художественных произведениях.

¹¹ *Натхо К.И.* В поисках себя. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2018. С. 253

На основе проведенного исследования следует подчеркнуть значимость художественных текстов, где этноориентированными писателями наилучшим способом архивируются ценные компоненты языкового богатства в единстве лексических, синтаксических и этнокультурных аксиологем.

Список литературы

1. Абдокова М.Б. Тема отчего дома, мир природных, музыкальных образов в творчестве Кадыра Натхо // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2006. № 3. С. 56–61. EDN: HSOSWZ
2. Ахиджак Б.Н. Репрезентация традиционного этнического сознания в художественных текстах Кадыра Натхо // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 387–394. X-2018-15-3-387-394. <https://doi.org/10.22363/2618-897> EDN: YLXEZF
3. Жачемук З.Р. Литература адыгской диаспоры и художественное своеобразие романа «Отчужденные» Кадыра Натхо // Наследие веков. 2015. № 2. С. 123–126. URL.: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Zhachemuk.pdf (дата обращения: 30.03.2025). EDN: VPIJCT
4. Шаззо К.Г. Температура выживания... Послесловие к роману // Натхо К.И. Отчужденные : роман ; перевод с англ. яз. М. Тутарищевой. Майкоп : Меоты, 1992. С. 322–336.
5. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва : Изд-во Эксмо, 2003. ISBN 5-699-02497-2 EDN: QOCYIZ
6. Джусойты Н.Г. О национальном стиле и национальном языке // Литературная газета. 1957. 17 октября.
7. Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. Т. 13. № 1. С. 2–6. EDN: PXVEUV
8. Бахтикиреева У. М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 11–17 <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17> EDN: TMDVAB
9. Токарева Н.А. Русскоязычная, билингвальная, транслингвальная, транскультурная // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики : материалы Всероссийского научно-практического семинара / сост.: Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Минуллина. Казань : ИЯЛИ им. Г.И. Ибрагимова, 2024. С. 321–328. EDN: XWUIAO
10. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (2). С. 263–273. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263> EDN: XTWQKD
11. Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. Р. 9–12. X-2019-16-1-9-12. <https://doi.org/10.22363/2618-897> EDN: ZARASL
12. Аминева В.Р. Поэма Р. Бухараева «День мертвых»: пути самоидентификации лирического субъекта // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6 (2). С. 292–299. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.292> EDN: FNVNXX
13. Ахиджак Б.И. Этнокультурная специфика языкового сознания писателя-билингва // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп : изд-во АГУ, 2018. Вып. 3 (217). С. 17–23.
14. Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XYII. Вып. 1. С. 83–90. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-1-83-89> EDN: KNINDS
15. Бгажников Б.Х. Адыгская этика. Нальчик : Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 1999.
16. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Москва : Высш. шк., 1988.

17. Бахтикиреева У.М. Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы — осознанная необходимость // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Абакан, 1–2 октября 2020 г. С. 14–24. EDN: AODCYH

References

1. Abdokova, M.B. 2006. “The theme of the father’s home, the world of natural and musical images in the works of Kadyr Natkho.” *University news. North Caucasus region. Social Sciences. Appendix*, no. 3, pp. 56–61. Print. (In Russ.) EDN: HSOSWZ
2. Akhidzhak, B.N. 2018. “Representation of traditional ethnic consciousness in the artistic texts of Kadyr Natkho.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 15, no. 3, pp. 387–394. Print. (In Russ.) X-2018-15-3-387-394. <https://doi.org/10.22363/2618-897> EDN: YLXEZF.
3. Zhachemuk, Z.R. 2015. “Literature of the Adyghe diaspora and artistic originality of the novel ‘Alienated’ by Kadyr Natkho.” *Heritage of the centuries*, no. 2, pp. 123–126, 30 March 2025, http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Zhachemuk_pdf EDN: VPJICT
4. Shazzo, K.G. 1992. “Survival Temperature... Afterword to the novel.” In Natho, K.I. *Alienated*. Maykop: Meoty publ., pp. 322–336. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 2003. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo Publ., ISBN: 5-699-02497-2 EDN: QOCYIZ. Print. (In Russ.)
6. Dzhusoity, N.G. 1957. About national style and national language. *Literaturnaya gazeta*, Oct. 7. Print. (In Russ.)
7. Khugaev, I.S. 2013. “On the boundaries and criteria of national translingual literature.” *Vestnik Vladikavkaz scientific center*, vol. 13, no. 1, pp. 2–6. Print. (In Russ.) EDN: PXVEUV
8. Bakhtikireeva, U.M. 2021. “Russophone — Russophone — Russophony — Russophone literature — global or local words?” *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. XVIII, no. 1, pp. 11–17. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17> EDN: TMDVAB
9. Tokareva, N.A. 2024. “Russian-speaking, bilingual, translingual, transcultural.” In *National literatures of the Volga region and the Urals: research paradigms and practices: materials of the All-Russian scientific-practical seminar*. Co-edited by L.Sh. Galieva and F.H. Minullina. Kazan: Institute of Language, Literature and Art named after G.I. Ibragimov, pp. 321–328. Print. (In Russ.) EDN: XWUIAO. Print. (In Russ.)
10. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and N.A. Tokareva. 2021. “On ‘Agora’ today: approaches to the study of translingual literature.” *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 6 (2), pp. 263–273. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263> EDN: XTWQKD
11. Kellman, S.G. 2019. “Translingual Writers: Introductory Notes.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 1, pp. 9–12. X-2019-16-1-9-12. <https://doi.org/10.22363/2618-897> EDN: ZARASL
12. Amineva, V.R. 2020. “R. Bukharaev’s poem ‘Day of the Dead’: ways of self-identification of the lyrical subject.” *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 6 (2), pp. 292–299. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.292> EDN: FNVNKK
13. Akhidzhak, B.I. 2018. “Ethnocultural specificity of language consciousness of a bilingual writer.” *Bulletin of the Adyghe State University, series “Pedagogy and Psychology”*, no. 3, pp. 17–23. Print. (In Russ.)
14. Bakhtikireeva, U.M., and B.E. Shagimgereeva. 2020. “The linguistic being of a creative personality: Bakhyt Kairbekov.” *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. XYII, no. 1, pp. 83–90. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-1-83-89> EDN: KNINDS

15. Bgazhnokov, B.Kh. 1999. *Adyghe ethics*. Nalchik: EL-FA publ. Print. (In Russ.)
16. Tomakhin, G.D. 1988. *Real-Americanisms: Manual on Country Studies*. Moscow: HSE publ. Print. (In Russ.)
17. Bakhtikireeva, U.M. 2020. "Study and description of the national images of indigenous peoples of the Russian Federation through the carriers of language, folklore and literature — a realized necessity." *Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples. Siberia. Materials of the IV All-Russian scientific-practical conference. Abakan, 1–2 October*, pp. 14–24. EDN: AODCYH

Сведения об авторе:

Тхакахова Карина Султановна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173. ORCID: 0009-0001-6352-8043. E-mail: karina-t-00@mail.ru

Bio note:

Karina S. Tkhakakhova is a Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 173 Chernyshevsky St, Nalchik, 360004, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-6352-8043. E-mail: karina-t-00@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

LITERARY INTERPRETATION AND THEORY OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-408-418

EDN: REWEDF

Научная статья / Research article

М.Л. Матусовский как переводчик украинской поэзии: на примере стихотворения М. Бажана «Пролог до спогадів»

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, *Витебск, Республика Беларусь*

✉ irinazaj91@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено сопоставительному анализу лирического стихотворения классика украинской литературы XX столетия Микола Бажана «Пролог до спогадів» и его перевода на русский язык, выполненного известным русским поэтом Михаилом Матусовским («Пролог к воспоминаниям»). Основной акцент сделан на стремлении переводчика максимально сохранить при переложении произведения средствами иной (близкородственной) лингвокультуры его образную основу, что является принципиально значимым при переводе именно поэтических произведений. Продемонстрировано, что переводчиком полностью сохранено авторское композиционное оформление стихотворения, а речевые средства и способы, использованные М. Бажаном для образно-ценностного осмысления ключевых образов произведения (*воспоминания, материнские руки*), переданы в переводном варианте необыкновенно бережно и искусно, что обуславливает как существенную близость их к оригиналу в плане стилистической тональности, так и сохранение в значительной степени черт индивидуально-стилистической манеры автора (в частности, избираемый автором характер вводимых в стихотворение тропов — в большинстве своем синкретичных и отличающихся развёрнутостью). Реализованный переводчиком подход к переложению лирического стихотворения на украинском языке на русский язык — средствами иной, хотя и близкородственной, лингвокультуры — не только свидетельствует, по мнению автора публикации, о безусловном таланте Михаила Матусовского как переводчика, но и в известной степени позволяет считать его соавтором переведенного произведения Микола Бажана.

© Зайцева И.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: поэтический перевод, близкородственные языки, композиция, стилистическая тональность, тропы, индивидуально-авторская манера, переводчик-соавтор

История статьи: поступила в редакцию 24.10.2025; принята к печати 11.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зайцева И.П. М.Л. Матусовский как переводчик украинской поэзии: на примере стихотворения М. Бажана «Пролог до спогадів» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 408–418. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-408-418>

M.L. Matusovsky as a Translator of Ukrainian Poetry: Using the Example of M. Bazhan's Poem "Prologue to Memories"

Irina P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

✉ irinazaj91@mail.ru

Abstract. The study is devoted to comparative analysis of a lyrical poem by Mykola Bazhan, a classic of Ukrainian literature of the 20th century, "Prologue to Spogadiv" and its translation into Russian by the famous Russian poet Mikhail Matusovsky ("Prologue to Memories"). The main emphasis is placed on the translator's endeavour to preserve as much as possible, when translating the work by means of other (closely related) linguistic means of another (closely related) linguoculture. It is essential when translating poetic works. The article demonstrates that the translator has fully preserved the author's compositional design of the poem, and the speech means and methods used by M. Bazhan for the figurative-value comprehension of the key images of the work (memories, mother's hands) are transferred in the translated version with extraordinary care and skill, which determines both their essential closeness to the original in terms of stylistic tone and the preservation of the features of the author's individual-stylistic manner to a great extent (in particular, the author's chosen author. The approach realized by the translator to the transposition of a lyrical poem in Ukrainian into Russian — by means of a different, though closely-related, linguoculture — not only testifies, in the opinion of the author of the publication, to Mikhail Matusovsky's undoubted talent as a translator, but also allows us to consider him, to a certain extent, a co-author of Mykola Bazhan's translated work.

Key words: poetic translation, closely related languages, composition, stylistic tone, tropes, individual author's style, translator-co-author

Article history: received 24.10.2024; accepted 11.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Zaitseva, I.P. 2025. "M.L. Matusovsky as a Translator of Ukrainian Poetry: Using the Example of M. Bazhan's Poem 'Prologue to Memories.'" *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 408–418. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-408-418>

Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах соперник.

В.А. Жуковский

Введение

«Даже если бы Матусовский написал текст только одной песни «Подмосковные вечера», то ему еще при жизни можно было памятник ставить» (по данным сайта Российского общества «Знание»¹), — так известный режиссер Эльдар Рязанов определил значимость песенного творчества Михаила Матусовского, который является автором текстов ко многим чрезвычайно популярным песням. Кроме «Подмосковных вечеров», занесенных в Книгу рекордов Гиннеса как **самая исполняемая в мире** песня, это: «С чего начинается родина», «Московские окна», «Вологда», «Белой акации гроздь душистые...», «Школьный вальс» и многие другие.

Творчество Михаила Матусовского как поэта-песенника в самом деле стало необыкновенно значимой вехой в развитии советского искусства, воплотив в себе и своеобразие национального русского характера, прежде всего — отношение к значимым для представителя этой общности ценностям, и эстетически осмыслив эпохальные события в истории советского государства. В первую очередь это относится к пережитой советским народом трагедии Великой Отечественной войны, которая в песнях на слова М.Л. Матусовского нашла величественно-скорбное и вместе с тем глубоко «человечное» воплощение песни «На безымянной высоте», «Баллада о солдате», «Солдатская вдова», «Вернулся я на родину», «Как, скажи, тебя зовут» и т. д.

Однако песенное творчество **Михаила Львовича Матусовского**, 110-летие со дня рождения которого отмечается в 2025 году, — лишь одна грань таланта этой удивительно творчески разносторонней личности. Остается лишь сожалеть о том, что другим аспектам его творчества, среди которых и **переводческая деятельность**, пока еще уделяется, с нашей точки зрения, явно недостаточное внимание. Многогранность творчества М.Л. Матусовского весьма лаконично характеризуется и в существующих справочных источниках, в том числе и очень авторитетных. Например, в одной из наиболее обширных справочных статей о творчестве М.Л. Матусовского (практически единственной, где содержатся некоторые сведения о его переводческой деятельности), помещенной в биобиблиографическом словаре «Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги» под редакцией Н.Н. Скотова, содержится следующая информация: «**МАТУСОВСКИЙ** Михаил Львович [10(23).6.1915, Луганск — 16.7.1990, Москва] — **поэт**.

¹ Матусовский Михаил Львович URL: https://znanierussia.ru/articles/%D0%9C%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9B%D1%8C%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 09.12.2024).

Родился в семье фотографа, после окончания семилетки учился в Луганском строительном техникуме, работал на паровозостроительном заводе, печатался (с 1934) в местной периодике. Окончил Лит. ин-т им. А. М. Горького (1935–39) и аспирантуру МИФЛИ (1939–41). В 1939 опубликовал, в соавторстве с К. Симоновым, книгу стихов и прозы «Луганчане» о шахтёрах — участниках Гражданской войны в Луганске. ...

Он является автором большого числа переводов — антологии украинской, казахской, туркменской, марийской поэзии, особенно интересны переводы **Т. Шевченко, М. Бажана, С. Капутикян и С. Рустама**» (выделение наше. — И. З.) [1. С. 542–544].

Думается, что столь обширный пласт творческого наследия признанного мастера поэтического слова — стихотворные переводы минимум с четырёх языков — совершенно незаслуженно остаётся мало исследованным.

Приведем анализ одного из переводов М. Матусовским поэтических произведений классика украинской литературы — Миколы Бажана.

Обсуждение

М.Л. Матусовский, родившийся в Луганске и сформировавшийся на Луганщине как личность, о чём он не раз упоминал в своих произведениях, конечно же, не мог не испытать влияния поликультурности этого региона и, соответственно, взаимодействия языков, которые используются в общении жителями Луганского края. Он всегда был открыт для восприятия близкородственной *украинской* лингвокультуры — как дополняющей, образно конкретизирующей и т. п. родную для него лингвокультуру *русскую*: именно две эти лингвокультуры составляют основную часть социокультурного пространства Луганщины, где ведущее место принадлежит лингвокультуре русской, но при этом весьма ощутимо и влияние лингвокультуры украинской. Об этой открытости, как представляется, довольно красноречиво свидетельствует и внимание Матусовского-переводчика к украинской поэзии — произведениям, созданным украинскими классиками: Тарасом Шевченко, Миколой Бажаном, Владимир Сосюрой — в различные периоды становления украинской литературы.

При этом следует отметить, что в процессе своего довольно длительного взаимодействия (в течение минимум двух веков) две лингвокультуры преимущественно развивались *в гармоничном взаимодействии*, и это также нашло отражение в творчестве М. Матусовского. Однако нельзя отрицать и того, что в некоторые, хотя весьма редкие, периоды между ними существовали и отношения противостояния.

Микола Бажан (Николай Платонович Бажан, 1904–1983) — признанный классик украинской литературы, проявивший себя прежде всего в разных

жанрах поэтического творчества: лирические стихотворения, стихотворные циклы и поэмы, — но также в прозе, множестве публицистических жанров, в многообразной переводческой деятельности.

Известный литературовед Н.В. Костенко во вступительной статье со знаковым названием «Подвижник української культури» (рус. «Подвижник украинской культуры»), которая предваряет один из двухтомников поэтических произведений М. Бажана, включающего и значительный корпус переводов, так характеризует творческую манеру этого художника слова: «Засвоївши кращі творчі набутки попередньої доби, М. Бажан приніс в українське письменство масштабність історичного мислення, енергію філософської думки, довершену культуру словесного образу, вагомість книжного слова, створив новаторські епічні форми. Він був також блискучим перекладачем, літературознавцем, мистецтвознавцем, оригінальним кінотеоретиком і сценаристом» (рус. «Усвоив лучшие творческие достижения предшественников, М. Бажан привнёс в украинское писательство масштабность исторического мышления, энергию философской мысли, завершённую культуру словесного образа, весомость книжного слова, создал новаторские эпические формы. Он был также блестящим переводчиком, литературоведом, искусствоведам, оригинальным кинотеоретиком и сценаристом») [2. С. 6]. С этой характеристикой Н. В. Костенко творческой личности Микола Бажана перекликаются слова Л. Новиченко из вступительной статьи под названием «Жестокой мысли жажда...» (Поэзия Микола Бажан)» к тому «Стихотворения и поэмы» М. Бажана в серии «Большая библиотека поэта»: «Один из крупнейших поэтов Советской Украины, признанный мастер стихотворного перевода, учёный, публицист, общественный деятель, он оставил глубокий след в культуре своего народа, в многонациональной советской литературе. Имя М. Бажана стоит в ряду имён виднейших поэтов Украины и всей страны, многие из которых были его близкими товарищами и друзьями, — назовём среди них П. Тычину и М. Рыльского, Н. Тихонова и П. Антокольского, Н. Заболоцкого и Л. Мартынова, М. Танка и А. Кулешова, С. Чиковани и И. Абашидзе, С. Вургунa и Э. Межелайтиса...» [3].

Стихотворение «Пролог до спогадів» (1975; рус. «Пролог к воспоминаниям») — одно из поэтических произведений М. Бажана переведённых М. Матусовским на русский язык; перевод опубликован в 1975 году (С. 397.)

Стихотворение Микола Бажана, как можно видеть, было переведено М. Матусовским в год его создания, и, конечно же, выбор для перевода именно этого произведения видится неслучайным. Тема **памяти**, важной значимости **воспоминаний** для бытия человека, для его личностной самоидентификации, осознания **на фоне прошлого** нынешнего своего места — одна из ключевых для творчества самого Михаила Матусовского, о чём, в частности, свидетельствует его произведение «Семейный альбом», оцениваемое критиками как образец мемуарной прозы.

Оригінальний текст
(на українському мові)

ПРОЛОГ ДО СПОГАДІВ

*У спогадів на дні, як в зяючому кратері,
Буває попіл, виє тишина.
Я згадую прозорі руки матері.
Вона живе. В мені живе вона.
Здається, крикну, трохи мисль напружу, —
І знайдуть спогади вагу і плоть,
І ввійдуть владно й повноправно в душу,
Щоб жити там, хазяйнувати, бороть.
Здається, досить завернуть раптово,
Піти тропою топтаною вбік, —
І стане все на давнє місце знову,
З-за рогу вийде пережитий вік.
Здається, досить раптом завернути,
Піднятися по сходах в тишину,
Щоб знов торкнути порвану струну
І музику замовклу знов почути.
О пахощі гірких пом'ятих трав,
Імла тонка й срібляста, наче грена,
Сповитий зеленню, гнилям і млістю став
І зойк над ним, солодкий плач Шопена!
Ввійти у спогади і заблудитись в них,
В наповненій органним шумом пуці,
У пам'яті збирати невиспунцій
Шорсткі суцвіття й павіття доріг.
Тяжка робота родива й віднови,
Відтворення напівзабутих слів, —
І враз тебе пониже блиск раптовий
Того, чим жив, чим і мужнів і снів.
Перегримілий штурм клавіатури,
Тачанка вилетіла на щербатий брук,
Обгортка більшовицької брошури,
Що взяв, як хліб, ти з материнських рук.
Ти кожну синю жилку пальців бачиш,
Ласкавих пальців жовтої руки,
Вчуваєш їх нерівний пульс і плачеш,
Як плачуть в снах самотні старики.*

Переводний текст
(на російському мові)

ПРОЛОГ К ВОСПОМИНАНИЯМ

*В моих воспоминаньях, словно в кратере,
То вспыхива вдруг, то снова тишина.
Я снова вспоминаю руки матери.
Она живёт. Во мне живёт она.
Вот, кажется, молчанье нарушу —
И сразу, обретая вес и плоть,
Войдут воспоминанья властно в душу,
И их уже ничем не побороть.
И стоит мне внезапно вспомнить что-то
И в сторону свернуть тропой не той —
Как миг неожиданно из-за поворота
Опять предстанет век пережитой.
И кажется, лишь только пожелаешь
Подняться по ступеням в тишину —
И порванную обретёшь струну,
И вновь раздастся музыка былая.
О горький запах трав, что здесь растут,
Нам память будоражащий мгновенно,
И зеленой гнилой покрытый пруд,
И вскрик над ним, и сладкий плач Шопена!
Среди воспоминаний, словно в чаще,
Я заблудиться б, вероятно, смог,
Перебирая в памяти неснящей
Сухие ветви пройденных дорог.
Нелёгкая работа обновленья
И поисков полузабытых слов —
И вновь при вспыхе молнии виденье
Того, чем жил, того, чем жить готов.
Давно утихший гром клавиатуры,
На мостовой тачанки грозный звук,
И та обложка ленинской брошюры,
Что взял, как хлеб, из материнских рук.
Ты в памяти своей таишь и прячешь
Прожилки этой ласковой руки —
И ощущаешь пульс её, и плачешь.
Как ночью плачут только старики.*

1975²

1975³

² Бажан М.П. Вибрані твори у 2 т. / редкол.: Павличко Д.В. (голова), Заблук М.П. (заст. голови) та ін. Київ. : Укр. енцикл., 2003. Т. 1. Вірші та поеми. 608 с.

³ Бажан Микола. Стихотворения и поэмы / пер. Алексей Александрович Сурков и др. Ленинград : Советский писатель, 1988. 448 с. URL.: <https://coollib.xyz/b/244108-mikola-bazhan-stihotvoreniya-i-roemu/tead> (дата обращения: 12.09.24).

Как известно, перевод *поэтического* произведения отличается безусловными особенностями, поскольку «при переводе поэзии возникают совершенно специфические проблемы, ибо форма выражения (ритм, размер, рифма и пр.) является существенным фактором при передаче аудитории духа сообщения» [4. С. 143]. «При этом **самым трудным и важным в переводе является не лингвистический, а художественно-образный момент**, т. е. способность переводчика воссоздать образный мир произведения» (выделено нами. — И.З.) [5. С. 735].

Именно на сохранении художественно-образного своеобразия переводимого поэтического произведения и сосредоточивает первоочередное внимание М. Л. Матусовский при передаче стихотворения М Бажана средствами *близкородственной* – русской – культуры.

Во-первых, переводчиком максимально сохранено **композиционное** оформление произведения, что принципиально важно для лирического стихотворения, поскольку с композицией в нём тесно соотнесены ритм, размер, рифма и другие свойственные этому жанру особенности. В переводе полностью сохранён смысл названия, а в собственно тексте — ключевые для авторского замысла фрагменты, обрамляющие лирическую структуру: *начальное* и *конечное* четверостишия («сильные» для восприятия текста, в особенности художественного, позиции), в которых воплощён образ *материнских рук* — центральный образ стихотворения символический:

Оригинальный текст

*У спогадів на дні, як в зяючому кратері,
Буває попіл, віє тишина.*

Я згадую прозорі руки матері.

Вона живе. В мені живе вона. ...

Ти кожну синю жилку пальців бачиш,

Ласкавих пальців жовтої руки,

Вчуваєш їх нерівний пульс і плачеш,

Як плачуть в снах самотні старики.

Переводной текст

В моих воспоминаньях, словно в кратере,

То вспышка вдруг, то снова тишина.

Я снова вспоминаю руки матери.

Она живёт. Во мне живёт она. ...

Ты в памяти своей таишь и прячешь

Прожилки этой ласковой руки —

И ощущаешь пульс её, и плачешь.

Как ночью плачут только старики.

Приведённые фрагменты оригинального и переводного вариантов стихотворения идентичны по синтаксическому оформлению; в значительной степени совпадают по использованным автором и переводчиком в синтаксических конструкциях грамматическим формам (в частности — по глагольным формам второго лица единственного числа: *вчуваєш / ощущаешь, плачеш / плачешь* и т. п.). Образ материнских рук конкретизирован переводчиком через обращение к деталям, очень сходным с авторскими — например: укр. *кожна синя жилка пальців; ласкаві пальці жовтої руки* — рус. *прожилки этой ласковой руки*; помимо этого, в приведённых выражениях полностью совпадают

используемые определения-эпитеты: *ласкаві пальці* — *ласковая рука*. Примечательно, что в некоторых случаях переводчик *развивает* сформированный автором в оригинальном произведении образ, наделяя его дополнительными смыслами эстетического свойства — например, включая в *метафору*, которая в оригинале отсутствует; ср.: укр. *ти кожну синю жилку пальців бачиш, ласкавих пальців жовтої руки* — *ты в памяти своей таишь и прячешь прожилки этой ласковой руки*. Если в оригинальном варианте стихотворения значимость рассматриваемого образа контекстуально подчёркнута *лексическим повтором*, то в переводном варианте наблюдаем введение его в более экспрессивный — *метафорический* — контекст, что способствует и более выраженной конкретизации воплощаемого смысла.

Отмеченные особенности свидетельствуют о стремлении переводчика максимально сохранить образную основу оригинального произведения именно в том виде, в каком она сформирована автором. Это подтверждается и сохранением в переводе почти всех *изобразительно-выразительных средств и способов*, присутствующих в оригинале. В первую очередь это относится к *тропам*, среди которых значимое место занимают *метафоры* (преимущественно антропоморфные, но также и иного типа), где осмысливается центральный образ лирического произведения — образ *воспоминаний*: укр. *і знайдуть спогади вагу і плоть, і ввійдуть владно й повноправно в душу, щоб жити там, хазяйнувати, бороть* — рус. *обретая вес и плоть, войдут воспоминанья властно в душу, и их уже ничем не побороть*; укр. *ввійти у спогади і заблудитись в них, в наповненій органім шумом пущі* — рус. *среди воспоминаний, словно в чаще, я заблудиться б, вероятно, смог*.

Как можно убедиться, автором рассматриваемый образ осмысливается в составе *развёрнутых* тропов *синкретичного* характера: помимо распространения метафор несколькими рядами однородных членов (*вагу і плоть; жити, хазяйнувати, бороть* и т. п.), в их структуру вводятся и другие тропы — в частности *эпитеты* явно индивидуально-авторского свойства: *ввійдуть владно й повноправно в душу; в наповненій органім шумом пущі*.

Переводной вариант лирического текста демонстрирует очевидное стремление переводчика сохранить при переводе стихотворения не только авторские средства и способы осмысления центрального образа произведения, но и своеобразие авторского подхода к нему — безусловно, насколько позволяют средства русского языка, на который транслируется лирический текст, и учётом необходимости оставить в том же, что и у автора, виде ритмико-интонационный рисунок последнего. Именно этим, как представляется, обусловлена замена авторского *эпитета* тропом иного характера — *сравнением* — во втором из приведённых выше фрагментов.

М. Бажан при создании стихотворения активно обращается и к такому, не менее развёрнутому, нежели метафора, тропу как *сравнение*, авторскую

индивидуальность которого М. Матусовский также стремится передать, насколько возможно, близко к авторскому замыслу. Это особенно заметно при переводе двух начальных строк произведения, представляющих собой синкретичный троп с экспрессивным сравнением (воспоминания осмысливаются как *кратер*, в который заключены разноплановые жизненные события): укр. *у спогадів на дні, як в зяючому кратері, бушує попіл, виє тишина* — рус. *в моих воспоминаньях, словно в кратере, то вспышка вдруг, то снова тишина*. Не менее экспрессивен и синкретичный троп, включающий сравнение, в заключительной части текста, где перевод практически тождественен оригиналу: укр. *обгортка більшовицької брошури, що взяв, як хліб, ти з материнських рук* — рус. *та обложка ленинской брошюры, что взял, как хлеб, из материнских рук*.

Немаловажная роль в создании образного каркаса лирической структуры отводится М. Бажаном лексическим единицам, разнообразным по своим характеристикам, среди которых и элементы, не входящие в состав литературного языка: *диалектизмы* — например, *родиво* («**РОДИВО** ... діал. Пологи» [6. С. 1230] (рус. *диал.* Роды); *разговорные слова* — например, *снів* «**СНИТИ** ... розм. Бачити уві сні» [6. С. 1351] (рус. *разг.* Видеть во сне). Особо следует отметить такое слово, как *навіття* (в метафорическом выражении *навіття доріг*), которое не зафиксировано толковыми словарями украинского языка, что позволяет воспринимать его как *авторский неологизм* со значением, близким к 'переплетение, паутина'.

Как известно, лексика, не входящая в состав общеупотребительной, представляет для перевода особую сложность, часто являясь в принципе точно не переводимой на другой, даже близкородственный, язык. Представляется, что именно этим обусловлен тот факт, что в качестве аналогов стилистически маркированным единицам переводчик избирает общеупотребительные лексические единицы, максимально приближенные к образной системе оригинального произведения: укр. *тяжка робота родива й віднови* — рус. *нелёгкая работа обновления*; укр. *навіття доріг* — рус. *сухие ветви пройденных дорог* — и т. п.

Заключение

Таким образом, перевод на русский язык стихотворения «Пролог до спогадів» украинского поэта-классика Микола Бажана, выполненный Михаилом Львовичем Матусовским, отличается, с нашей точки зрения, всеми признаками высококачественного переводного варианта поэтического произведения. В нём переводчику удалось с максимально возможной адекватностью — при учёте объективно существующих между языками, несмотря на близкородственность, структурно-функциональных различий — сохранить основные *образно-композиционные* параметры оригинального произведения, что явля-

ется принципиально значимым при переводе поэтического текста. Это нашло отражение в практически полном соответствии образно-ценностной системы переводного варианта, включая проявления *индивидуально-авторской* манеры Миколы Бажана, аналогичной системе оригинального произведения, что свидетельствует о тонком и глубоком чувстве языка у переводчика, причём как по отношению к языку, на который переведено стихотворение, так и к языку оригинального текста. Подход, реализуемый М. Матусовским при переводе лирического произведения способствует максимальному сохранению, помимо *образно-ценностной* системы произведения, иных — ключевых для этого жанра — параметров: *рифмы, ритма, размера, стилистической тоналности, композиционного оформления* и т. п.

В заключение, как представляется, будет уместным ретроспективно осмыслить слова В.А. Жуковского, взятые в качестве эпиграфа для данной публикации. С нашей точки зрения, проанализированный перевод даёт основания для некоторого возражения приведённому высказыванию: возможны случаи, когда «соперничество» автора и переводчика оказывается на втором плане, на первый же выходит стремление интерпретатора максимально сохранить образно-ценностные особенности переводимого произведения, минимально трансформируя при этом все способы их оформления: композицию, стилистическую и эмоциональную тональность и т. п.

Список литературы

1. Бикбулатова К.Ф. Матусовский Михаил Львович // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь : в 3 томах / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит (Пушкинский Дом); науч. ред. и сост. В.Н. Запевалов [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Скатова. Москва : ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 2: З–О. С. 542–544.
2. Костенко Н.В. Подвижник української культури // Бажан М.П. Вибрані твори у 2 т. Київ : Укр. енцикл., 2003. Т. 1. Вірші та поеми. С. 5–55.
3. Новиченко Л. «Жестокой мысли жажда...» (Поэзия Миколы Бажана) // Бажан Микола. Стихотворения и поэмы / пер. Алексей Александрович Сурков и др. Ленинград : Советский писатель, 1988. 448 с. С. 3–43.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва : Флинта: Наука, 2003. 320 с. EDN: QQOCSX
5. Раренко М.Б. Перевод // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. Москва : НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб. Стб. 735–737.
6. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.

References

1. Bikbulatova, K.F. 2005. "Matusovsky Mikhail Lvovich." In *Russian Literature of the 20th Century: Prose Writers, Poets, Playwrights: Biobibliographical Dictionary*: in 3 volumes / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House); scientific editor and compiler V.N. Zapevalov [et al.]; under the general editorship of N.N. Skatov, vol. 3. Z–O, pp. 542–544. Moscow: OLMA-Press Invest publ. Print. (In Russ.)

2. Kostenko, N.V. 2003. "A nomad of Ukrainian culture." In Bazhan, M.P. *Selected works* in 2 vol., edited by D.V. Pavlychko, M.P. Zablyuk and others, vol. 1. Poems and verses, 5–55. Kyiv: Ukr. encyclopedia publ. Print. (In Ukr.)
3. Novichenko, L. 1988. "Thirst for a cruel thought..." (Poetry of Mikola Bazhan)." In Bajan Mikola. *Poems and verses* (transl. by A.A. Surkov and others), pp. 3–43. Leningrad: Sovetskii pisatel' publ. Print.
4. Nelyubin, L.L. 2003. *"Explanatory translation dictionary."* Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (In Russ.) EDN: QQOCSX
5. Rarenko, M.B. 2001. "Translation." *Literary encyclopedia of terms and concepts*, pp. 735–737, ch. ed. and compiler A.N. Nikolyukin. Moscow: NPK "Intervac" publ. Print. (In Russ.)
6. Busel, V.T., heads ed. and compilation. 2005. *Large explanatory dictionary of the Ukrainian language (with supplements and additions)*. Kyiv: Irpin': VTF "Perun" publ. Print. (In Ukr.)

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков, факультет гуманитарного знания и коммуникаций, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, 210036, г. Витебск, Московский проспект, д. 33. ORCID: 0000-0002-4659-0929. E-mail: irinazaj91@mail.ru

Bio note:

Irina P. Zaitseva is a Doctor of Philology, Professor, Head of World Languages Department, Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Moskovskiy Avenue 33, Vitebsk, 210036, Republic of Belarus. ORCID: 0000-0002-4659-0929. E-mail: irinazaj91@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438

EDN: RFWTAZ

Научная статья / Research article

Проблема перевода лингвистического термина на материале французского и русского языков

Д.С. Золотухин^{ORCID}

Университет Париж Ситэ, Париж, Франция

✉ denis.zolotukhin@u-paris.fr

Аннотация. Рассмотрены понятийные, семантические и формальные особенности лингвистических терминов, выявляемые при подборе эквивалентов в рамках перевода текстов научных работ по языкознанию с французского языка на русский и наоборот. На основе эпистемологических и терминоведческих подходов, а также существующей переводческой практики в данной области проведена систематизация параметров лингвистического термина, которые необходимо учитывать при переводе как работ прошлых веков, так и современных текстов. Изучение проблемных аспектов работы над лингвистическими терминами, эксплицитно представленными в комментариях к изданным переводам, позволяет установить взаимосвязь терминологических параметров в синхронии и диахронии как на понятийном, так и на языковом уровне. В переводах основополагающих текстов франкоязычных и русскоязычных лингвистов (Потебня, Соссюр, Бенвенист, Лотман и др.), а также в двуязычных и одноязычных словарях лингвистической терминологии выявлено 36 французских терминологических единиц, требующих внимания со стороны русскоязычных переводчиков, авторов научных текстов, терминографов. В результате проведённого контекстологического, дефиниционного и компонентного анализа данных единиц продемонстрированы их лексико-семантические и морфологические особенности, специфика их понятийной соотнесенности, предложены пути решения конкретных переводческих проблем и обоснована необходимость комплексного подхода, учитывающего языковые, понятийные, пространственные, временные и эпистемологические характеристики термина, с целью повышения качества перевода, совершенствования содержания словарей лингвистической терминологии, развития научной коммуникации между франкоязычными и русскоязычными языковедами.

Ключевые слова: лингвистический термин, метаязык, эквивалентность, научный перевод, история лингвистики

История статьи: поступила в редакцию 23.01.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Золотухин Д.С. Проблема перевода лингвистического термина на материале французского и русского языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 419–438. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438>

© Золотухин Д.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Translating Linguistic Terms: A Case Study of French and Russian Terminologies

Denis S. Zolotukhin

Paris Cité University *Paris, France*

✉ denis.zolotukhin@u-paris.fr

Abstract. This paper explores the conceptual, semantic and formal features of linguistic terms that emerge in the process of selecting equivalents when translating scientific texts on linguistics from French to Russian and vice versa. Based on epistemological and terminological approaches, as well as existing translation practices in this field, a systematization of the linguistic term parameters is carried out. These parameters must be considered when translating both works of previous centuries and contemporary texts. By analyzing translation challenges, explicitly discussed in the commentary of published translations, the paper reveals the interrelations among terminological parameters in both synchronic and diachronic perspectives, at conceptual and linguistic levels. The analysis focuses on the translations of foundational texts by French- and Russian-speaking linguists (e.g., Potebnja, Saussure, Benveniste, Lotman), and on bilingual and monolingual dictionaries of linguistic terminology. The author identifies 36 French terminological units that warrant special attention from Russian-speaking translators, academic authors, and terminographers. Through contextual, definitional, and component analysis of the selected terminological units, this study reveals their lexical-semantic and morphological characteristics, as well as the specifics of their conceptual relationships. It proposes concrete solutions to recurring translation challenges and argues for a comprehensive approach that accounts for the language, conceptual, spatial, temporal, and epistemological dimensions of terminology. This approach is intended to improve translation accuracy, enhance the content of linguistic terminology dictionaries, and strengthen scientific communication between French- and Russian-speaking linguists.

Key words: linguistic term, metalanguage, equivalence, scientific translation, history of linguistics

Article history: received 12.03.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Zolotukhin, D.S. 2025. “Translating Linguistic Terms: A Case Study of French and Russian Terminologies.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 419–438. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438>

Введение

Изучение механизмов создания и выражения научного знания можно осуществлять как в исторической перспективе, прослеживая эволюцию идей, понятий, теорий и терминологий в той или иной научной области, так и в сравнительно-сопоставительной перспективе, обращая внимание на отличительные признаки между школами, направлениями, терминологическими системами, существующими одновременно. Историческая эпистемология учитывает феномен «духа времени» (фр. «l’air du temps»), определяющий особенности не только содержания описываемого знания на определённом временном отрезке, но и форму его выражения в устных и письменных текстах научных работ. Сравнительная эпистемология учитывает «дух места» (фр. «l’air du

lieu»), обуславливающий вариации научного языка и дискурса в зависимости от территориального нахождения научных сообществ (локальных эпистем) [1. С. 11–14]. Ядерными элементами научного языка являются термины, которые могут варьироваться в зависимости не только от временного отрезка, но и от географической зоны даже в рамках одного языка, например, когда речь идёт о разных вариантах французского [2. С. 157].

Конкретизируя проблематику, можно сказать, что различие между франкоязычной лингвистикой и русскоязычной лингвистикой лежит на двух уровнях: **понятийном** — область различий в содержании научных теорий и подходов к описанию языковых явлений, и **языковом** — область различий в форме выражения лингвистических идей. Одной из точек соприкосновения двух уровней является **термин**, выражающий научное понятие с помощью языкового материала и, следовательно, неотделимый ни от языковой, ни от понятийной областей [3]. Согласно отдельным терминоведческим исследованиям, работа по нормализации и систематизации терминологических систем должна начинаться на уровне понятий и определений, и только затем стоит переходить к термину [4. С. 262]. Однако доступ к системе понятий мы получаем через язык, то есть через терминологию, содержащуюся в текстах. Только в такой языковой форме понятия «наследуются» следующими поколениями лингвистов. Именно термины являются ключевыми элементами в истории науки — «маркерами историчности»¹.

Рассматривая корреляцию между понятийным и языковым уровнями в рамках перевода научных текстов по лингвистике следует опираться на исследования, посвященные проблеме перевода в гуманитарных науках в целом [5] или в одной из таких наук [6], поскольку лингвистика разделяет с ними многие особенности в связи с общей спецификой, во-первых, объекта, во-вторых, подходов к его изучению. Однако возникающие в связи с переводом терминов вопросы о принципах гармонизации терминологических систем [7] не могут быть полностью переложены на термины лингвистической области в связи с их отличительными особенностями. Интерес к проблеме перевода именно лингвистических терминов как центральных лексических единиц языковедческих текстов возникает, как правило, при непосредственной практической работе переводчиков с соответствующим материалом. О трудности перевода или даже о невозможности перевести отдельные термины часто говорится в переводческих комментариях (сносках), сопровождающих текст перевода (например, [8; 9]), или в отдельных статьях, опубликованных переводчиками-лингвистами в процессе или после завершения работы над переводом (например, [10]). О терминологических вызовах, стоящих перед переводчиками таких текстов, также пишут исследователи в области переводоведения, эпистемологии, истории лингвистики (например, [11; 12]).

¹ Ltt13. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

Данные вызовы относятся к разным аспектам, и большинство из них являются универсальными, то есть возникают при работе с любыми языковыми парами. Но если сузить проблематику до французского и русского языков, то проблема наблюдается, прежде всего, в отсутствии прочного фундамента — современного двуязычного словаря лингвистической терминологии. Франкоязычный «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо, переведенный на русский в 1960 г.², стал архаичным и изначально не указывал на причину выбора того или иного эквивалента. «Словарь славянской лингвистической терминологии»³ предлагает для французского термина эквиваленты сразу на нескольких языках, что не позволяет продемонстрировать разнообразие возможных переводов одного термина. «Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии»⁴ является одним из самых полных, но требует обновления. Учебный «Словарь русских лингвистических терминов»⁵ предлагает французские эквиваленты для русских терминов без предоставления разных вариантов.

Отсутствие современного словаря, на первый взгляд, не должно мешать работе над переводами текстов прошлых веков. Однако в связи с постоянной работой исследователей в области истории языкознания «старые» терминологии постепенно уточняются, дополняются определения уже известных понятий. Например, обнаружение рукописей Ф. де Соссюра на протяжении всего XX в. способствовало уточнению значений фундаментальных сосюровских терминов, ставших известными ещё со времён публикации «Курса общей лингвистики». Подобные изменения, влияющие на появление новых версий переводов языковедческих работ, редко находят моментальное отражение в терминологических словарях. В результате в существующих словарях обнаруживаются неточности в части трактовки и перевода терминов, относящихся к аналам истории языкознания [13].

Наконец, можно рассмотреть эту проблему с противоположной стороны и поставить вопрос следующим образом: возможен ли идеальный двуязычный словарь лингвистических терминов, учитывая специфику самого термина в данной научной области? Для ответа на данный вопрос предлагаем обратиться к особенностям лингвистического термина как в сфере фиксации (вышеперечисленные двуязычные словари), так и в сфере функционирования (русские переводы Грамматики Пор-Рояля, работ Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, Г. Гийома, Л. Теньера, А.-Ж. Греймаса; французские переводы работ

² Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н.Д. Андреевой. ; ред. А.А. Реформатского ; предисл. В.А. Звегинцева. 2-е изд., испр. Москва : УРСС, 2004.

³ Jedlicka A. Dictionary of Slavonic linguistic terminology. Praha : Academia, 1977.

⁴ Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. Москва : Высш. шк., 1989.

⁵ Gueorguiev, Z. 1999. Dictionnaire des termes linguistiques russes. Paris : L'Harmattan. Print.

А.А. Потебни, Н.С. Трубецкого, Ю.М. Лотмана). Уточним, что в понятие франкоязычной лингвистики мы включаем научное знание о языке, созданное и создаваемое на французском языке во франкоязычных странах. Под русскоязычной лингвистикой мы понимаем соответственно языковедческие исследования, проводимые в русскоязычном пространстве на русском языке. Указывая на это разграничение, мы придерживаемся позиции швейцарского слависта П. Серио, согласно которому, наука в России вполне вписывается в общий поток идей и дискуссий Западной Европы. При этом русскоязычные лингвисты могут обсуждать, интерпретировать и уточнять отдельные понятия в своей манере: «...как Рим и Византия были когда-то двумя противоположными, яростно противоборствующими, но взаимодополняющими версиями христианства» (перевод автора статьи) [1. С. 22].

Цель исследования состоит в том, чтобы не только продемонстрировать такие противоречия, но и способствовать усовершенствованию научной коммуникации между представителями двух лингвистик, в частности — в области перевода лингвистических терминов. Для достижения этой цели в первой части работы мы систематизируем особенности лингвистического термина в переводческом аспекте. Данные особенности выявляются посредством изучения теоретической литературы, посвященной проблеме термина в лингвистике, сопоставления существующих переводов, обращения к переводческим комментариям, эксплицитно демонстрирующим сложности подбора эквивалентов между русским и французским языками. Во второй части статьи мы обратимся к анализу тех французских терминов, перевод которых на русский язык до сих пор остаётся проблематичным.

Параметры лингвистического термина в переводческом аспекте

Термин представляет собой специфическую лексическую единицу, выражающую научное понятие одной или нескольких областей. Научное понятие соотносится с семантической структурой термина, в которую включены **объём** (границы научного объекта как результата обобщения конкретных языковых данных) и **содержание** (характеристики и аспекты описываемого объекта) выражаемого понятия. Семантическое построение объёма и содержания в структуре термина подразумевает выделение определённых понятийных признаков [14. С. 2004] в соответствии с точкой зрения, с которой учёный рассматривает свой объект. Говоря о лингвистическом термине, Ф. де Соссюр заявлял, что объект в лингвистике не существует без точки зрения, так как такой объект создаётся самим лингвистом: «...нет ни малейшей возможности воспринимать и разграничивать языковой факт без предварительной выработки точки зрения» (перевод автора статьи) [15. С. 93]. Из этого следует, что при изучении

конкретных языковых данных лингвисты моделируют собственные объекты, границы и характеристики которых могут оказаться отличными от границ и характеристик изначальных языковых феноменов. Связано это с тем, что сами языковые данные (феномены), наблюдаемые в действительности, являются недискретными (не имеют чётких границ) [16. С. 417] и полиаспектными [17. С. 14]. Это даёт лингвисту относительную свободу в установлении границ и аспектов объекта при выборе научной точки зрения, а также объёма и содержания понятия при осмыслении объекта. Внутри лингвистики формируются отдельные понятийные системы и, соответственно, отдельные терминологии, иногда идиолектные — в рамках научного творчества одного лингвиста, создающего свою терминологическую микросистему. Поэтому для перевода, например, терминов Л. Теньера невозможно было использовать русские эквиваленты, ранее подобранные для перевода схожих терминов Ш. Балли, ведь Л. Теньер отвергал предшествующие ему термины и выстраивал свою терминологию [18. С. 614–615].

Возникает такой терминологический феномен, как **полиморфизм**, характерный для разных научных областей [19. С. 67–87]. В когнитивных условиях [16. С. 416] пластичности понятийных структур и разнообразия вариантов концептуализации объекта один и тот же термин может указывать либо на один и тот же объект, но в разных границах и аспектах, либо на несколько разных объектов, характеризуясь многозначностью или омонимией [20]. Одно понятие также может выражаться либо одним термином, характеризующимся семантической и формальной (орфографической, морфологической и т.д.) вариативностью [16. С. 6–15], либо разными терминами — абсолютными синонимами (полностью совпадающими по значению), то есть дублетами, либо условными синонимами (близкими по семантической структуре, но характеризующимися наличием на денотативном и сигнификативном уровнях дифференциальных черт), то есть квазисинонимами [2. С. 160–168].

Представленные особенности наблюдаются не только на **синхроническом**, но и на **диахроническом** срезе языковедческого знания, характеризующегося «многослойной и неравномерно укоренённой историчностью» (перевод автора статьи) [17. С. 14]. Это проявляется, например, в отказе от какого-либо термина ввиду его принадлежности к неактуальной теоретической области или нежелательным понятийным или семантическим ассоциациям, которые он вызывает [16. С. 418]. В практике перевода текста с устаревшей терминологией это может отражаться в обратной тактике: переводчик должен избегать излишней модернизации терминологии. Так, русские переводчики, работавшие над текстом «Грамматики Пор-Рояля» в конце XX в., избегают «модернизации» терминологии и не употребляют современные русские термины в качестве эквивалентов для французских терминов XVII в.: в переводе намеренно не употребляются термины *подлежащее*, *сказуемое*, *предикат*,

предикация [21. С. 12]. «Неоправданного осовременивания» избегают и переводчики текстов Л. Теньера [18. С. 614]. Когда необходимость употребить современный термин всё же возникает (например, употребление термина *коннотация* для *connotation* в тексте «Грамматики Пор-Рояля»), перевод сопровождается соответствующим комментарием [21. С. 106].

Ещё одним фактором, определяющим нестабильный характер лингвистического термина, является влияние на деятельность лингвиста его собственных представлений. Современные исследователи лингвистического дискурса предлагают учитывать роль «представляемого», или «воображаемого» (фр. «*imaginaire*»), в создании и выражении лингвистического знания⁶. Ученые отмечают, что речь не идёт об иллюзорных представлениях (в социологической интерпретации П. Бурдьё), которые могут «ослеплять» лингвиста в его исследовании, а о **мире представлений** (индивидуальной и субъективной картине мира) как необходимом условии, включающем желания, надежды, вовлеченность, непостоянность и другие субъективные проявления в деятельности лингвиста. То есть всё то, что характеризует лингвиста как человека, являющегося членом общества в определённое время и на определённой территории со своим научным, идеологическим, социальным и политическим контекстом⁷. Индивидуальные представления влияют на все описанные выше процессы по построению и осмыслению научных объектов и выражению понятий с помощью терминов, определяя характер всего научного языка и задавая его форму для целых научных парадигм. В качестве примера можно привести естественнонаучное рассмотрение языка как живого организма в эпоху компаративистики XIX в., следы которого до сих пор прослеживаются в лингвистической терминологии (*langue mère*, *langue fille* и т.д.).

Терминологические вариации на понятийном и языковом уровнях в синхронии и диахронии безусловно усиливаются, когда речь заходит о разных языках, а также разных странах с различающимися, например, культурными практиками и предубеждениями [16. С. 419] [17. С. 21]. Поэтому переводчик научных текстов по лингвистике должен обладать не только огромным количеством фактических знаний в области данной науки, но и высшей степенью пластичности мышления, способного комбинировать все описанные уровни переводимого лингвистического термина и подбираемого для него эквивалента. Речь, соответственно, должна идти о специалисте одновременно в области истории лингвистики, терминоведения, переводоведения и в той узкой лингвистической дисциплине, к которой относится переводимый текст. Предъявляя к специалисту такие требования, мы автоматически внедряем в процесс перевода ещё один слой того самого «мира представлений»: переводчик сам принадлежит к определённому времени, месту, научному контексту,

⁶ Ltr13. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

⁷ Там же.

переводческой или терминоведческой научной школе, что не может не определять результат его перевода. Интересны случаи, когда переводчик оказывается под влиянием представлений автора переводимого текста. Так, в русском переводе работы Э. Бенвениста содержатся комментарии, в которых обосновывается выбор того или иного русского эквивалента. В этих обоснованиях переводчик использует метод генетического определения понятий, принадлежащий самому Э. Бенвенисту [22. С. 423–424]. Лингвисты-переводчики, которые берутся за перевод языковедческой работы, часто имеют субъективный интерес к содержащейся в ней теории и, следовательно, находятся под её влиянием, что не может не отражаться на самом переводе.

При переводе научных текстов по лингвистике мы сталкиваемся, таким образом, с удвоением всех тех сложностей, которые наблюдаются при рассмотрении лингвистического термина на уровне одного языка: переводчик имеет дело с двумя языками — двумя совокупностями терминов и терминологий. Так, опираясь на языковой уровень, переводчик осуществляет выбор лексической единицы, форма и значение которой наилучшим образом соответствовали бы переводимому термину. Все единицы, среди которых осуществляется переводческий выбор, находятся в лексико-семантических отношениях не только с другими терминами, но и с другими единицами общеупотребительного языка. Например, во французском языке слово *discours* используется лингвистами как термин, означающий «дискурс» («Actualisation du langage par un sujet parlant. P. Méton. Résultat de cette actualisation» в словаре TFLi⁸), в то время как другие носители французского языка используют то же слово в нетерминологическом значении — «речь» («propos suivis, d'une certaine longueur, que l'on tient en conversation; p. ext. Propos tenus dans un entretien» в том же словаре). Э. Жаке и Л. Кистер приводят в качестве примера такого же явления термин *contexte* [20. С. 47]. В этих случаях мы имеем дело с лексическими единицами, в семантической структуре которых, если следовать концепции А.А. Потебни, присутствует «дальнее значение», содержащее в себе научную информацию, и «ближайшее значение», представляющее собой ядро семантики слова, доступное любому носителю языка [23. С. 63]. Терминология представляет собой, следовательно, подсистему в системе общеупотребительного языка и полностью ей подчиняется. Поэтому терминологический выбор переводчика ограничен совокупностью отношений и правил того языка, на который осуществляется перевод.

На такие особенности обращали внимание переводчики как с русского на французский [24. С. 16], так и с французского на русский [8. С. 198]. Например, Л.М. Скрелина при переводе текстов Г. Гийома обращает внимание на присутствие во французских единицах *vision* и *visibilité* сем /знание/

⁸ Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (дата обращения: 01.09.2024).

и /понимание/ [Там же], которые могут быть недоступны русскоязычному читателю при столкновении с русскими эквивалентами *видение* и *видимость*, которые было бы логично предложить. Переводчик вынужден использовать именно такие термины, так как лексическая система русского языка не предоставляет иного варианта.

Случается, однако, что языковые требования намеренно избегаются переводчиком. Так, в русском переводе работы А.-Ж. Греймаса указывается на стремление достигнуть и соблюдать терминологическую строгость, поступаясь «чисто лингвистическими требованиями соответствия перевода оригиналу», и например, переводить *qualificatif* как квалификативный, но *qualitatif* как качественный [25. С. 11]. Под терминологической строгостью здесь понимается учёт внутренних особенностей другого уровня — понятийного, на котором переводчик вступает в область наслаивающихся друг на друга точек зрения. Как было отмечено выше, в лингвистике точка зрения определяется многими факторами, в том числе территориальной принадлежностью исследователей. Понятия, выстроенные на основе иногда одних и тех же языковых данных в разных странах, отличаются, могут не иметь соответствий, то есть и вовсе отсутствовать в одной из сравниваемых систем до тех пор, пока переводчик не приступит к передаче этого понятия посредством подбора подходящего термина. Как отмечает П. Серио в комментариях к переводу работы Н.С. Трубецкого, текст приходилось не только переводить на французский, но и встраивать его в терминологию и понятийную систему, понятные для носителей французского языка, впитавших другие интеллектуальные традиции [26. С. 31]. Хотя этот текст посвящён не языковедческой, а философской тематике, он наглядно демонстрирует данную переводческую стратегию.

Такая работа требует тщательного исследования научных понятий в двух системах — сравнительного анализа лингвистических теорий и практик в синхронии и диахронии, позволяющего установить терминологическую эквивалентность, находя («discovered equivalence») или создавая соответствия («created equivalence») [27. С. 489–490]. Крайними проявлениями «создаваемой» эквивалентности являются термины-неологизмы в тексте перевода (например, [28. С. 19]), калькирования или заимствования: все три способа создания эквивалента представляют собой то, что С. Амадори называет «языковым гостеприимством» [6. С. 104]. Отметим, что очевидная, на первый взгляд, «найденная» эквивалентность может оспариваться переводчиком. Например, при переводе философских трудов Н.С. Трубецкого на французский язык для термина *подсознание* подбирается эквивалент *inconscient*, хотя этот термин во французском языке обозначает феномен «бессознательного» по З. Фрейду, в то время как «подсознательное» соотносится с *subconscient* (*под-* = *sub-*). Однако переводчик отказывается от прямого соотнесения терминологии Н.С. Трубецкого с терминологией З. Фрейда и предлагает не ассоциировать две авторские системы [26. С. 151].

Синтез выявленных особенностей сводится к следующим параметрам лингвистического термина, которые необходимо учитывать при подборе эквивалента в другом языке. Так, сначала следует установить временной параметр — определить соотношение эквивалентов на оси диахронии или синхронии. Затем осуществляется переход к установлению принадлежности терминов к определённому географическому пространству, на котором они используются (например, использование лингвистического термина *prédictat* в школьных программах Квебека в отличие от Франции), к одной или нескольким лингвистическим областям (например, фонетика, лексикология, грамматика, общая лингвистика и т.д.), к конкретным направлениям (например, порождающая грамматика, прагматика, биолингвистика и т.д.), школам (например, Пражский кружок, Женевская школа, Московская школа и т.д.), персональным теориям с соответствующей идиолектной терминологией (например, Ф. де Соссюр, Г. Гийом, А.А. Потебня и т.д.). Все эти параметры задаются субъективными условиями, связанными с парадигмальными или индивидуальными представлениями как автора терминов, так и переводчика. Каждый параметр всегда имеет двойственную соотнесенность, так как может реализовываться на понятийном и на языковом уровне, что и будет продемонстрировано далее.

Анализ перевода некоторых проблемных терминов

Проведенное исследование показало неразрывное взаимодействие понятийного и языкового уровней в рамках каждого термина. При этом выделяются такие термины, для которых очевидная эквивалентность отсутствует именно в связи с языковыми различиями между двумя системами. Так, во французском языке существуют два этимологически и морфологически связанных существительных — *énoncé* и *énonciation*, ставших лингвистическими терминами: в концепции Э. Бенвениста и последующих развитиях данной концепции *énoncé* обозначает «результат речевого акта, текст высказывания», а *énonciation* — «высказывание как речевое действие» [22. С. 441]. На русский язык оба существительных можно передать с помощью термина *высказывание* [29. С. 110], поскольку в русском языке данная единица может отсылать как к результату, так и к процессу. Однако, чтобы подчеркнуть разграничение, при переводе работ Э. Бенвениста для *énoncé* используется термин *высказывание*, а для *énonciation* — *акт высказывания* [22]. Но первый компонент словосочетания **акт высказывания** эквивалентен французскому слову *acte*, которое Э. Бенвенист употребляет для выражения понятия «речевого акта» — *acte de parole* [30. С. 185]. Такая асимметрия между терминологиями на языковом уровне способствует, соответственно, сложностям в установлении чёткой эквивалентности между, с одной стороны, французскими терминами

énonciation, acte de parole, acte de discours, acte de langage и, с другой стороны, русскими терминами *акт коммуникации, коммуникативный акт, акт речи, речевой акт, акт высказывания*. Учёт идиолектного характера авторской терминологии заставляет переводчика принять во внимание тот факт, что термин *énonciation* в системе Э. Бенвениста имеет ряд квазисинонимов: *phrase, énoncé performatif, instance de discours*⁹, каждый из которых не только требует своего собственного эквивалента при переводе, но и уточняет значение центрального термина в этой системе — *énonciation*. При очевидной понятийной симметричности разграничений между *высказыванием-énoncé* как результатом и *высказыванием-énonciation* как процессом асимметрия возникает именно на уровне языка, что способствует ослаблению данного разграничения и более частотному употреблению в русскоязычных текстах (не только в переводах работ Э. Бенвениста) термина *высказывание* в двух значениях.

Интересный случай представляет группа терминов из области семантики. Во французской терминологии существуют, например, такие термины, как *signification, sens, acception*. Термины *signification* и *sens* могут употребляться как квазисинонимы, но при детальном языковедческом разграничении всё же выражают разные понятия и соответствуют русским терминам *значение* и *смысл*. При этом отдельного внимания требует частотный в современной лингвистике термин *acception*, обозначающий *контекстуальное значение*, которое может приобретать та или иная единица: *acception* — это функциональное проявление многозначности¹⁰, в отличие от *смысла (sens)*, наблюдаемого в семантике слова и вне контекста. Согласно двуязычным словарям, *acception* эквивалентен русским терминам *смысл* и *значение*¹¹, однако более точный эквивалент, требующий фиксации и пояснения в словарях, — *контекстуальное значение*, или *контекстуальный смысл*, а выражение «*mot dans cette acception*» можно переводить как «*слово, употреблённое в этом значении*», при том что в обеих терминологиях есть ещё один термин — *emploi / употребление*.

Таким образом, мы наблюдаем пример того, как доступное русскоязычным лингвистам разграничение на уровне понятий упирается в языковую асимметрию, требующую уточняющих компонентов: прилагательное *контекстуальный* в случае с *acception* и существительное *акт* в случае с *énonciation*.

Концентрация понятийных противоречий наблюдается при сопоставлении французских терминов *notion* и *concept* с русскими терминами

⁹ Ltr13. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

¹⁰ Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage / Jean Dubois, Mathée Giacomo, Louis Guespin. Paris: Larousse, 1994.

¹¹ Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. Москва : Высш. шк., 1989.

понятие и *концепт*. На языковом уровне, казалось бы, переводчик может легко добиться полного соответствия, однако во французском языке эти два термина часто употребляются как дублиеты или квазисинонимы и могут, следовательно, оба переводиться как *понятие* (как при передаче соссюрковского противопоставления «*акустический образ — понятие*» = «*image acoustique — concept*», так и в рамках перевода современных текстов). Современный русский термин *концепт*, в свою очередь, выражает более узкое понятие (ментальная единица и система ценностей, свойственная национальному сознанию и культуре этноса и т.д.¹²) в связи с развитием когнитивной лингвистики и интеграцией соответствующего понятийного и терминологического аппарата, в то время как во французской терминологии *concept* в области когнитивной лингвистики является не таким частотным, а в словарях когнитивных наук даже не выводится в отдельную статью.

Обратимся к терминам, перевод которых активизирует взаимодействие понятийного и языкового уровня в наибольшей степени. К таким терминам относится, например, одна из центральных и самых частотных единиц французской лингвистической терминологии — *langage*, вызывающая определенные трудности при переводе не только на русский язык. Дело в том, что данный термин соответствует нескольким понятиям в рамках франкоязычной системы и указывает иногда на объект с очень размытыми границами. *Langage* указывает на главный объект лингвистики и используется как компонент термина, обозначающего лингвистическую область — *sciences du langage* («науки о языке», т.е. *языкознание, лингвистика*). В русском языке для *langage* могут быть предложены сразу несколько эквивалентов: например, *язык, речь, слово* могут обозначать в концепции А.А. Потебни такой же недискретный объект, находящийся между греческим *λόγος* и немецким *Sprache* по А. Гумбольдту [9. С. 81]. Особый интерес к французскому термину *langage* начинают проявлять лингвисты в начале XX в., когда швейцарский лингвист Ф. де Соссюр использует его для выражения общего понятия, включающего ключевые объекты его концепции — *langue* (*язык*) и *parole* (*речь*). В русскоязычной среде общее понятие *langage* в разное время предлагали выражать с помощью терминов *речь, язык-речь, речевая деятельность, языковая деятельность, совокупность языковых явлений, Язык вообще, язык как феномен, языковой феномен* [13]. Такая вариативность отражает соотнесение разных параметров функционирования термина с переводческой точки зрения.

На понятийном уровне в истории языкознания были предприняты попытки, с одной стороны, передать соссюрковский термин *langage* с помощью таких единиц, которые могли бы выражать такое же широкое понятие

¹² Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. Т. 1. 2-е изд. Москва : ФЛИНТА, 2014. С. 88

(неологизм *язык-речь*), либо соотнести с уже существующими терминами: например, с термином *языковая / речевая деятельность*, существовавшим в терминологии русскоязычных лингвистов для указания на совокупность внешних и внутренних проявлений языка [13].

На языковом уровне термин *langage* как лексическая единица французского языка обладает планом выражения, включающим два компонента. Корень *lang-* (от *langue* — «язык», а не «речь») заставляет переводчиков постепенно вводить прилагательное *языковой* и существительное *язык* вместо устоявшегося прилагательного *речевой*. Суффикс *-age*, с точки зрения одних переводчиков, обозначает /процесс/, /деятельность/ (как в *bavardage* — «болтовня» от *bavarder* — «болтать») и оправдывает использование существительного *деятельность*. С другой точки зрения, суффикс *-age* имеет сему /совокупность/ и указывает на правомерность эквивалентов *язык-речь, совокупность языковых явлений*. Учитывая, что *langage* образован от существительного *langue*, а не от глагола, вторая группа эквивалентов является более обоснованной [31]. Учёт понятийных и языковых характеристик переводимого термина позволяет подобрать наиболее удачные эквиваленты: *Язык вообще, язык как феномен, языковой феномен* [13], которые будут уместны, однако, только при передаче авторской терминологии Ф. де Соссюра.

Идиолектность подсистем лингвистической терминологии не всегда учитывается. Так, в русскоязычном тексте одного из трудов Ф. де Соссюра термин *science du langage* («наука о языке», «языкознание») неожиданно переводится как *наука о языковой деятельности* [32. С. 34]. В данном случае происходит наложение перевода авторской терминологии Ф. де Соссюра на перевод терминов вне данного идиолекта. При переходе на более общее понятие в рамках общей французской терминологии термин *langage* вполне можно передать с помощью термина *язык*. Удачную интерпретацию мы видим в статье Н.Д. Арутюновой, которая, учитывая все параметры французского термина *langage*, не использует унаследованный из русскоязычных соссюровских текстов термин *речевая/языковая деятельность*: «Взаимодействие языка и речи — социального и персонального, объективного и субъективного, соборного и личностного, общего и единичного, потенциального и актуального, надсознательного и индивидного, отчужденного и присвоенного — в рамках *целостного феномена языка (langage)*» (курсив автора. — Д.3.) [33. С. 15]. В русском переводе Г. Гийома в термине *acte de langage* компонент *langage* переводится как *речезыковой* [8. С. 20–205].

Обратим также внимание на тот случай, когда учёт понятийных и языковых особенностей терминов необходим в том числе для соблюдения этических норм. Речь идёт о французском термине *langue des signes*, обозначающем структурированную систему конвенциональных жестов рук и выражений лица, позволяющую глухим и слабослышащим выражать и сообщать свои

мысли¹³. Данный термин может также использоваться для обозначения любой системы жестовой коммуникации: в частности, жестового языка североамериканских индейцев, австралийских аборигенов и принявших обет молчания монахов. В русской терминологии мы обнаруживаем два термина, которые активно употребляются как эквиваленты для французского *langue des signes* — *язык жестов* и *жестовый язык*, среди которых первый является устаревшим и некорректным, хотя и продолжает фигурировать в словарях лингвистической терминологии и в русских переводах не только франкоязычных текстов, содержащих *langue des signes*, но и англоязычных — с соответствующим термином *sign language* [34].

Причины такого расхождения также могут принадлежать двум уровням — понятийному и языковому. Особенность трактовки понятия жестового языка в русскоязычной системе частично связана с концепцией Н.Я. Марра, согласно точке зрения которого до появления звучащих языков существовала «ручная», «линейная» речь, или язык жестов, мимики, «кинетический» язык [35. С. 192–202], что приносило в понятие языка жестов некую примитивность и доисторичность. Такая трактовка содержится даже в современных изданиях словарей лингвистической терминологии¹⁴. Языковая особенность термина *язык жестов*, форма которого (существительное + существительное) хотя и полностью калькирует французское *langue des signes*, заключается в том, что в русском языке родительный падеж компонента *жестов* несёт в себе значение либо описания и партитивности (язык состоит из жестов, и это его основная характеристика, хотя это не единственный его элемент), либо принадлежности (язык «принадлежит» жестам по аналогии с терминами *язык театра*, *язык тела*, *язык танца* и т.п., что снижает статус жестового языка как полноценной языковой системы). Поэтому в русской терминологии в 1990-х гг. термин *язык жестов* стал заменяться на термин *жестовый язык* [34], морфологически равный таким терминам, как *русский язык*, *французский язык* и т.д. Сегодня для обозначения системы жестовой коммуникации глухих и слабослышащих должно использоваться именно такое словосочетание. Учёт понятийных и языковых различий между терминами *langue des signes* и *язык жестов* / *жестовый язык* позволяет, таким образом, разрешить этическую проблему и признать статус жестового языка. Одновременный учёт диахронической оси развития термина предполагает, что при переводе текстов Н.Я. Марра с русского на французский недопустимо использование термина *langue des signes* — для передачи элементов этой авторской терминологии

¹³ Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (accessed: 01.09.2024).

¹⁴ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. Т. 1. 2-е изд. Москва : ФЛИНТА, 2014. С. 88.

применяется такой эквивалент, как *langage gestuel* [36]. Всё это, безусловно, требует фиксации и объяснения в словарях лингвистической терминологии.

Приведём последний пример (в рамках данной статьи), который наилучшим образом подчеркнёт необходимость пересмотра существующих эквивалентов между французским и русским языками. Так, в словаре А.Д. Назаряна мы обнаруживаем французский термин *sentiment linguistique* и его русский эквивалент — *языковое чутьё*. В конце 80-х гг. XX в., когда словарь создавался, такая эквивалентность была возможна. Однако в русской терминологии также существовал термин *языковое чувство* (*чувство языка*), а во французской, например, *sens du langage* [37], то есть в обоих языках наблюдалась условная синонимия, уже тогда затрудняющая корректную передачу терминов. За прошедшие десятилетия во франкоязычной лингвистике сформировалось довольно чёткое различие между как минимум четырьмя понятиями, выраженными терминами *sentiment*, *sensibilité*, *sens*, *sensation* с вариацией на уровне сочетаемости (*sentiment de la langue / linguistique*, *sens du langage*). Соответственно, эквивалентность «*sentiment linguistique* = *языковое чутьё*» является неполноценной. Современный анализ данных единиц на понятийном и языковом уровнях позволяет предложить переводить *sentiment* как *восприятие*, *sensibilité* как *чутьё*, *sens* как *чувство*, а *sensation* — как *ощущение* [Там же]. Этот пример хорошо демонстрирует потенциал переводческой работы с точки зрения концептуализации всего того, что ещё не было концептуализировано [24. С. 15] в одной из лингвистических традиций. На важность переводческой работы по концептуализации и последующей систематизации научного знания обращают внимание, например, специалисты по переводу языковедческих текстов с французского на японский [12].

Рассмотренные примеры являются наглядной демонстрацией явления, которое в эпистемологии лингвистики иногда называют «порочным кругом» (фр. *cercle vicieux*) [15. С. 64]. Лингвисты, создающие и использующие термины, как и переводчики, подбирающие для таких терминов эквиваленты в другом языке, с помощью языковых средств выражают понятия, выстраиваемые на основе языковых явлений. Совмещение языка-объекта и языка-инструмента и образует этот круг, по которому вынуждены двигаться, словно по «болотистому грунту» [Там же. С. 55], исследователи, не имея возможности выстроить необходимую дистанцию между языковым и понятийным уровнями, доступную, например, при научном переводе текстов в других областях, даже гуманитарных.

Заключение

Переводчику текстов нужно проводить искусственное разграничение между двумя уровнями, анализируя каждый из них по совокупности параметров: время, место, область, направление, школа, автор. Особенности, связан-

ные с недискретностью и полиаспектностью языковедческих объектов, проявляются и на чисто понятийном уровне, что соотносит вызовы, стоящие перед переводчиками работ по лингвистике, с проблемами специалистов других гуманитарных областей (в частности в сфере философии), где особое влияние на результат работы оказывают субъективные представления переводчика и его индивидуальный выбор, который может осуществляться под влиянием картины мира автора переводимого текста, а также автора конкретной терминологии.

Данные особенности необходимо учитывать в целях достижения высокого качества перевода языковедческих работ и высокой степени адекватности подобранных эквивалентов, что будет способствовать обновлению содержания существующих двуязычных словарей и систем автоматического перевода. Понятийная и терминологическая систематизация языковедческого знания, сопровождающая переводческую работу, поможет усовершенствовать одноязычные словари лингвистической терминологии, которые должны отражать описанные параметры терминологических единиц. Отвечая, таким образом, на заявленный во введении вопрос о возможности идеального двуязычного словаря лингвистической терминологии, можно ответить, что для лингвистической области важно само движение к созданию этого словаря. Такое стремление имеет двойную перспективу: во-первых, развитие отдельных систем лингвистического знания посредством их обогащения другими системами; во-вторых, развитие межсистемной научной коммуникации благодаря улучшению взаимопонимания между франкоязычными и русскоязычными исследователями.

Список литературы

1. *Sériot P.* Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. 2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012.
2. *Alipour M., L'Homme M.-C.* Une typologie revisitée de la synonymie // *Traductologie, terminologie et traduction. Translatio*. 2021. No. 10. Problématiques de traduction. No. 8. P. 157–171.
3. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Москва : Либроком, 2012.
4. *Ragazzini B.* Harmonising concepts and terms for the development of knowledge. A study on the need for names and the necessity for harmonisation in the 19th century // *Terminologie & Ontologie: Théories et Applications. Actes de la conférence TOTh 2022*. Université Savoie Mont Blanc. Chambéry Cedex. Presses Universitaires Savoie Mont Blanc, 2023. P. 259–279.
5. *Milliaressi T., Berner C., et al.* Traduire les sciences humaines. Problematiques De Traduction. *Translatio. Classiques Garnier*. 2021. No. 6. P. 13–18.
6. *Amadori S.* Apologie de la polémique. La traduction-translation d'un «Étranger» théorique // *L'Imaginaire du traduire : langues, textes et pratiques des savoirs*. Paris: Classiques Garnier («Problématiques de traduction» 13). 2023. P. 93–105.
7. *Гринев-Гриневиц С.В.* Сопоставительное терминоведение — основа международной унификации и стандартизации терминологий // *Научно-техническая терминология*. 1997. Вып. 2. С. 28–34.
8. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. Москва : Прогресс, 1992.

9. *Potebnja A.* La pensée et le langage. Trad. du russe par P. Sériot, M. Schönenberger. Limoges : Lambert-Lucas, 2022.
10. *Kim S.D.* Les problèmes de la traduction du Cours de linguistique générale dans le monde de l'écriture chinoise : terminologie, épistémologie, réception // *Cahiers du CLSL*. 2018. No. 57. P. 7–2.
11. *Ivanova E.* Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe) // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2000. No. 53. P. 177–196.
12. *Takeuchi-Clément R.* Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique : Cheminement d'adaptation lexicale du japonais // *Traduire les sciences humaines*. Ed. T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. Classiques Garnier, 2021. Translatio, № 8, Série. Problématiques de traduction, No. 6. P. 167–185.
13. *Zolotukhin D.* Traduire «De la double essence du langage» en Russe // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2025. No. 75. P. 121–141.
14. *Neveu F.* Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage. Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique // *Rencontres Linguistiques Méditerranéennes : La terminologie, entre traduction et bilinguisme*. Hammamet. Tunisie, 2004. P. 107–120.
15. *Saussure F. de.* Science du langage : De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372. Éd. critique par R. Amacker. Genève : Librairie Droz, 2011.
16. *Freixa J.* Causes of terminological variation // *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge* / ed. by Pamela Faber, Marie-Claude L'Homme. John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 399–420.
17. *Swiggers P.* Terminologie et terminographie linguistiques : problèmes de définition et de calibrage // *Syntaxe & Sémantique*. 2006. No. 7 (1). P. 13–28.
18. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988
19. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. Санкт-Петербург : Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003.
20. *Jacquey E., Kister L.* Polysémie des vocabulaires de spécialité dans l'écrit scientifique // *Cahiers de Lexicologie*. 2024. Vol. 124. No. 1. P. 47–68.
21. *Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Ленинград : Ленинградский университет, 1991.
22. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова ; пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др. Москва : Прогресс, 1974.
23. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. 4-е изд., стер. Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
24. *Lotman Y.* La structure du texte artistique / trad. du russe par Anne Fournier, Bernard Kreise, Eve Malleret, Joëlle Young sous la direction de Henri Meschonnic. Préface de Henri Meschonnic. 1973.
25. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. Москва : Академический Проект, 2004.
26. *Troubetzkoy N.S.* L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques / trad. et notes P. Sériot. Mardaga, 1996.
27. *Pilar L.-A.* Terminology and equivalence // *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge* / ed. by P. Faber, M.-C. L'Homme. John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 477–502.
28. *Lotman J.* L'explosion et la culture. Limoges : PULIM, 2005.
29. *Рыжова Л.П.* Содержание терминов «предложение» и «высказывание» во французской лингвистике // *Вопросы современной лингвистики*. 2022. № 6. С. 109–118.
30. *Benveniste É.* Langues, cultures, religions / édition et introduction de Chloé Laplantine et Georges-Jean Pinault, 2015. P. 40.
31. *Kyheng R.* Le langage : faculté, ou généralisation des langues ? Enquête saussurienne // *Texte!* 2006. Vol. XI. No. 1. URL: http://www.revue-texto.net/Saussure/Sur_Saussure/Kyheng_Langage.html (accessed: 09.10.2024).

32. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. Москва : Издательская группа «Прогресс», 2001.
33. Арутюнова Н.Д. Высказывание в контексте диалога и чужой речи // *Revue des études slaves*. 1990. Т. 62, № 1–2. С. 15–30.
34. Золотухин Д.С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций // *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 597–606.
35. Мapp Н.Я. Основные вопросы языкознания. Акад. наук СССР, Гос. акад. матер. культуры им. Н.Я. Мapp. Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
36. Sériot P. Le monde perdu de Nikolaj Marr : un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne // *Penser l'histoire des savoirs linguistiques* / ed. S. Archaimbault et al. ENS Éditions. 2014. pp. 601–609.
37. Золотухин Д.С. Корреляция понятий ощущения, восприятия, чувства и чутья во французской и русской лингвистических терминологиях // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 6 (31). URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1654945> (дата обращения: 24.02.2025)

References

1. Sériot, P. 2012. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. 2nd ed. Limoges: Lambert-Lucas. Print.
2. Alipour, M., and M.-C. L'Homme. 2021. "Une typologie revisitée de la synonymie." *Traductologie, terminologie et traduction. Translatio*, no. 10, *Problématiques de traduction*, no. 8, pp. 157–171. Print.
3. Leychik, V.M. 2012. *Terminology Studies: Subject, Methods, Structure*. Moscow: Librokom publ. Print. (In Russ.)
4. Ragazzini, B. 2023. "Harmonising concepts and terms for the development of knowledge. A study on the need for names and the necessity for harmonisation in the 19th century." In *Terminologie & Ontologie: Théories et Applications. Actes de la conférence TOTh 2022*, Université Savoie Mont Blanc, Chambéry Cedex, Presses Universitaires Savoie Mont Blanc, pp. 259–279. Print.
5. Milliaressi, T., Berner C., et al. 2021. *Traduire les sciences humaines. Problématiques de traduction. Translatio*, Classiques Garnier, no. 6, pp. 13–19. Print.
6. Amadori, S. 2023. "Apologie de la polémique. La traduction-translation d'un 'Étranger' théorique." In *L'Imaginaire du traduire: langues, textes et pratiques des savoirs*. Paris: Classiques Garnier (*Problématiques de traduction* 13), pp. 93–105. Print.
7. Grinev-Grinevich, S.V. 1997. "Comparative Terminology Studies as the Basis for International Unification and Standardization of Terminologies." *Scientific and Technical Terminology*, issue 2, pp. 28–34. Print. (In Russ.)
8. Guillaume, G. 1992. *Principles of Theoretical Linguistics*. General editing, afterword, and commentary by L.M. Skrelin. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
9. Potebnja, A. 2022. *La pensée et le langage*. Translated from Russian by P. Sériot, M. Schönenberger. Limoges: Lambert-Lucas. Print.
10. Kim, S.D. 2018. "Les problèmes de la traduction du *Cours de linguistique générale* dans le monde de l'écriture chinoise: terminologie, épistémologie, réception." *Cahiers du CLSL*, no. 57, pp. 7–24. Print.
11. Ivanova, E. 2000. "Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe)." *Cahiers Ferdinand de Saussure*, no. 53, pp. 177–196. Print.
12. Takeuchi-Clément, R. 2021. "Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique: Cheminement d'adaptation lexicale du japonais." In *Traduire les sciences humaines*, edited

- T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. *Classiques Garnier, Translatio*, no. 8, *Série Problématiques de traduction*, no. 6, pp. 167–185. Print.
13. Zolotukhin, D. 2025. “Traduire *De la double essence du langage* en Russe.” *Cahiers Ferdinand de Saussure*, no. 75, pp. 121–141. Print.
14. Neveu, F. 2004. “Sur l’usage des termes complexes dans le discours de la science du langage. Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique.” In *Rencontres Linguistiques Méditerranéennes: La terminologie, entre traduction et bilinguisme*, Hammamet, Tunisie, pp. 107–120. Print.
15. Saussure, F. de. 2011. *Science du langage: De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372*. Edited R. Amacker. Genève: Librairie Droz. Print
16. Freixa, J. 2022. “Causes of terminological variation.” In *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge*. Edited Pamela Faber and Marie-Claude L’Homme. John Benjamins Publishing Company, pp. 399–420. Print.
17. Swiggers, P. 2006. “Terminologie et terminographie linguistiques: problèmes de définition et de calibrage.” *Syntaxe & Sémantique*, vol. 7, no. 1, pp. 13–28. Print.
18. Tesnière, L. 1988. *Fundamentals of Structural Syntax*. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
19. Shelov, S.D. 2003. *Term. Terminological Definitions*. St. Petersburg: Faculty of Philology. St. Petersburg State University.
20. Jacquey, E., and L. Kister. 2024. “Polysémie des vocabulaires de spécialité dans l’écrit scientifique.” *Cahiers de Lexicologie*, vol. 124, no. 1, pp. 47–68. Print.
21. Arnauld, A., and C. Lancelot. 1991. *General Rational Grammar (The Port-Royal Grammar)*. Leningrad: Leningrad University publ. Print. (In Russ.)
22. Benveniste, É. 1974. *General Linguistics*. Edited, with an introduction and commentary Y.S. Stepanov; translated from French by Yu.N. Karaulov et al. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
23. Kobozeva, I.M. 2009. *Linguistic Semantics*. 4th ed., revised. Moscow: Librokom publ. Print. (In Russ.)
24. Lotman, Y. 1973. *La structure du texte artistique*. Translated from Russian Anne Fournier, Bernard Kreise, Eve Malleret, Joëlle Young, under the direction of Henri Meschonnic. Preface by Henri Meschonnic. Print.
25. Greimas, A.J. 2004. *Structural Semantics: The Search for Method*. Translated from French L. Zimina. Moscow: Academic Project publ. Print. (In Russ.)
26. Troubetzkoy, N.S. 1996. *L’Europe et l’humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*. Translated and annotated P. Sériot. Mardaga. Print.
27. Pilar, L.-A. 2022. “Terminology and equivalence.” In *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge*. Edited P. Faber and M.-C. L’Homme. John Benjamins Publishing Company, pp. 477–502. Print.
28. Lotman, J. 2005. *L’explosion et la culture*. Limoges: PULIM. Print.
29. Ryzhova, L.P. 2022. “The Content of the Terms ‘Sentence’ and ‘Utterance’ in French Linguistics.” *Issues of Modern Linguistics*, no. 6, pp. 109–118. Print. (In Russ.)
30. Benveniste, É. 2015. *Langues, cultures, religions*. Edited and introduced Chloé Laplantine and Georges-Jean Pinault. Print.
31. Kyheng, R. 2006. “Le langage : faculté, ou généralisation des langues ? Enquête saussurienne.” *Textot!*, vol. XI, no. 1. URL: http://www.revue-textot.net/Saussure/Sur_Saussure/Kyheng_Language.html (accessed: 09.10.2024).
32. Saussure, F. de. 2001 (2000). *Notes on General Linguistics*. Moscow: Progress Publishing Group. Print. (In Russ.)
33. Arutyunova, N.D. 1990. “The Utterance in the Context of Dialogue and Reported Speech.” *Revue des études slaves*, vol. 62, no. 1–2, pp. 15–30. Print. (In Russ.)
34. Zolotukhin, D.S. 2024. “Between Gesture Language and Sign Language: The Problem of Equivalence of French and Russian Metalanguage Terms for Gesture Communication Systems.” *SibScript*, vol. 26, no. 4, pp. 597–606. Print. (In Russ.)

35. Marr, N.Ya. 1936. *Fundamental Issues of Linguistics*. Academy of Sciences of the USSR, State Academy of Material Culture named after N.Ya. Marr. Leningrad: State Socio-Economic publ. Print. (In Russ.)
36. Sériot, P. 2014. “Le monde perdu de Nikolaj Marr : un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne.” In *Penser l'histoire des savoirs linguistiques*. Edited S. Archaimbault et al. ENS Éditions, pp. 601–609. Print.
37. Zolotukhin, D.S. 2020. “Correlation of the Concepts of Sensation, Perception, Feeling, and Intuition in French and Russian Linguistic Terminologies.” *Scholarly Notes of Novgorod State University*, no. 6 (31). URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1654945> (accessed: 24.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Золотухин Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории истории лингвистических теорий, Университет Париж Ситэ, Франция, 75205, Париж, улица Thomas Mann, д. 5. ORCID: 0000-0002-5772-729X. eLibrary SPIN-код: 5185-5748. E-mail: denzolotukhin@gmail.com

Bio note:

Denis S. Zolotukhin is a Candidate of Philology, researcher of the laboratory of linguistic theories, Paris Cité University, 5 Thomas Mann St, Paris, 75205, France. ORCID: 0000-0002-5772-729X; eLibrary SPIN-code: 5185-5748. E-mail: denzolotukhin@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТАТЬИ

INFORMATIONAL ARTICLES

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-439-448

EDN: RIWAVD

Информационная статья / Informational article

Русская литература в журнале «Простор» 1991–1999 гг.: публикации, рецензии, научные статьи

Н.Ю. Окутин^{ORCID}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
Москва, Российская Федерация

✉ flexusfelex@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено феномену казахстанского «толстого» журнала «Простор» в период с 1991 по 1999 г. Впервые журнал рассматривается как культурный медиатор, способствовавший сохранению связей между русским и казахстанскими культурными полями в постсоветский период. Проанализирована публикационная деятельность журнала, представившего широкому читателю неизвестное и забытое наследие Серебряного века, запрещенных ранее советских писателей и представителей русской эмиграции. Дан обзор литературоведческих и литературно-критических публикаций на страницах журнала, свидетельствующих об интересе казахстанской науки к русской литературе в новую эпоху. Акцентируется роль «Простора» в сохранении единого русско-казахстанского культурного поля в постсоветский период, поддержании стабильности общего интеллектуального и научного пространства.

Ключевые слова: «толстый» журнал, публикационная деятельность, русская литература, забытые писатели, русско-казахское культурное поле

История статьи: поступила в редакцию 30.01.2025; принята к печати 19.03.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Окутин Н.Ю. Русская литература в журнале «Простор» 1991–1999 гг.: публикации, рецензии, научные статьи // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 439–448. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-439-448>

Russian Literature in the Journal “Prostor” 1991–1999: Publications, Reviews, Scientific Articles

Nikita Yu. Okutin

A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

✉ flexusfelex@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the phenomenon of Kazakhstani “thick” magazine “Prostor” in the period from 1991 to 1999. For the first time the magazine is considered as a cultural mediator that contributed to the preservation of ties between Russian and Kazakh cultural fields in the post-Soviet period. The publication activity of the journal, which presented to the reader the unknown and forgotten heritage of the Silver Age, previously banned Soviet writers and representatives of the Russian emigration, is analyzed. The review of literary and literary-critical publications on the pages of the journal is given, which testify to the undying interest of Kazakhstani science to Russian literature in the new era. The role of “Prostor” in preserving a unified Russian-Kazakh cultural field in the post-Soviet period, maintaining the stability of the common intellectual and scientific space is emphasized.

Key words: “thick” magazine, publishing activities, Russian literature, forgotten writers, Russian-Kazakh cultural field

Article history: received 30.01.2025; accepted 19.03.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Okutin, N.Yu. 2025. “Russian Literature in the Journal “Prostor” 1991–1999: Publications, Reviews, Scientific Articles.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 439–448. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-439-448>

Введение

Уже в 1960-е гг. «Простор» привлекал внимание весьма смелыми по тем временам публикациями писателей, не запрещенных официально к печати, но негласно не приветствуемых советской властью. С 1963 по 1974 г. на страницах «Простора» под руководством видного казахстанского советского писателя И.П. Шухова появились весьма значимые публикации наследия полуопальных писателей: «Простор» одним из первых опубликовал повесть А. Платонова «Джан» (1964, № 9), стихотворения О. Мандельштама (1965, № 4; 1966, № 11), М. Цветаевой (1968, № 3), А. Ахматовой (1969, № 8; 1971, № 2), незавершенную пьесу «Слепая красавица» Б. Пастернака (1969, № 10). Тогда же на страницах журнала началось открытие репрессированного поэта Павла Васильева, были опубликованы его стихи (1963, № 6; 1964, № 4; 1966, № 8; 1967, № 10) и первые труды исследователей, посвященные его творчеству¹.

¹ См.: Анов Н.И. Известные стихи Павла Васильева // Простор. 1963. № 6. С. 96–97; Мадзигон Т.М. О малоизвестных и неизвестных произведениях Павла Васильева // Простор. 1964. № 4. С. 109–111; Косенко П.П. Третья книга Павла Васильева // Простор. 1964. № 7. С. 120–121; Косенко П.П. Повесть о Павле Васильеве // Простор. 1967. № 1. С. 12–62; Мадзигон Т.М. Новое о Павле Васильеве // Простор. 1967. № 10. С. 74–75.

В 1991–1999 гг., как справедливо писал один из исследователей «Простора», «начался новый этап в истории республики», происходили возрождение «культуры и традиции народов Казахстана» и консолидация независимой казахской нации, в том числе посредством возвращения из небытия имен лучших представителей казахского народа, и «Простор» был одним из главных участников процесса возрождения национального самосознания [1. С. 153].

Особенно важным и ценным представляется тот факт, что именно в это время на страницах журнала огромное внимание уделялось русской литературе, ее изучению и осмыслению. Можно говорить о том, что «Простор» в 1990-е гг. выступил в качестве значимого культурного медиатора, способствующего сохранению и укреплению культурных связей между Россией и Казахстаном в новую эпоху. Активная публикация произведений русской литературы, а также материалов, посвященных ее проблемам, способствовала поддержанию диалога между двумя культурами и позволяет рассматривать «Простор» как важный инструмент сохранения общего культурного пространства.

Наша статья связана с подготовкой материалов для «Большой энциклопедии русистики Евразии», работа над которой идет в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, и призвана обобщить представления о важнейших публикациях журнала «Простор» в период с 1991 по 1999 г., свидетельствующих о сохранении прочного интереса публики к русской литературе на новом этапе развития казахского государства. Статья разделена на два основных блока, наиболее ясно отражающих специфику издания — «публикации», куда вошли самые интересные образцы художественной литературы, опубликованные «Простором», и «статьи», где речь идет о важнейших литературоведческих и литературно-критических статьях казахстанских ученых и критиков, посвященных феноменам русской литературы и культуры.

Публикации

Особое место в истории «Простора» эпохи 1990-х гг. принадлежит В.Э. Молодякову — японисту, историку, библиофилу и коллекционеру литературного наследия зачастую незаслуженно забытых писателей «второго» и «третьего» рядов. Именно журнал «Простор» стал главной площадкой, на которой В.Э. Молодяков публиковал свои находки². Публикации предваряются вступительной статьей, кратко, но содержательно описывающей творческий путь и художественные особенности творчества публикуемого поэта³. Особый интерес

² Главной, но не единственной: библиофильские исследования Молодякова также публиковались в журналах «Согласие», «Дон», «Волга», «Подъем», «Литературный Азербайджан», «Библиография» и др. Полную библиографию, составленную самим автором, см.: URL: <https://molodiakov.livejournal.com/294627.html>

³ Список публикаций В.Э. Молодякова на страницах «Простора»: Владимир Вейдле. «Мы хоронили Россию». Статья, стихотворения. Вступительная заметка и публикация //

Молодякова вызывают неизвестные поэты, поскольку «забытых, как правило, вспоминают, а неизвестные приходят из ниоткуда и в никуда уходят», хотя у некоторых из них «нельзя даже набрать стихотворений на отдельную публикацию» [2. С. 236].

Для сопроводительных статей Молодякова характерно стремление к вдумчивому, всестороннему анализу поэтики избираемых им авторов, что позволяет показать, почему неизвестные творцы достойны читательского внимания. Молодяков стремится вписать эти имена в контекст современной им эпохи, сопоставляя их с виднейшими представителями поэзии Серебряного века. В одной из статей Молодяков, анализируя поэзию киевского поэта В.Н. Маккавейского, указывает на близость «изысканной четкости» его стиха технике Брюсова, а использование поэтом «звучных архаичных слов» сближает его с Вяч. Ивановым [2; С. 237]. В то же время Молодяков не стремится поместить Маккавейского в пантеон «высокой» классики и указывает, что в его поэзии «видишь только игру, скорее пародию, чем подражание, хотя он

Простор. 1990. № 8. С. 133–137; Блок и Зиновьев, или Еще раз о поэте и черни // Простор. 1991. № 9. С. 107–111; Георгий Адамович. Потерянный рай. Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1991. № 3. С. 96–100; Борис Коплан. «Завещанный нам долг...». Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1991. № 5. С. 153–157; Граф Василий Комаровский. «И горечи не превозмочь...». Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1991. № 6. С. 114–118; Константин Эрберг. Окаменевший костер. Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1991. № 10. С. 133–137; Н.В. Давыдов. Из воспоминаний о В.С. Соловьеве. Вступительная заметка, публикация и примечания // Простор. 1991. № 11. С. 171–176; Граф Василий Комаровский. Странник сиреневой ночи. Стихотворения, проза, воспоминания современников. Вступительная статья, публикация, примечания // Простор. 1993. № 6. С. 140–169; Сергей Соловьев. «О чем поет мне этот полдень синий?...» Стихотворения. Предисловие и публикация // Простор. 1993. № 11. С. 240–246; Молодой Брюсов: портрет без ретуши. Стихотворения, рассказы. Вступительная заметка, публикация и примечания // Простор. 1993. № 12. С. 205–217; Иван Коневской. «Я – из-за моря хмурый варяг...». Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1994. № 6. С. 254–260; Алексей Скалдин. Черный рыцарь. Стихотворения. Предисловие и публикация // Простор. 1994. № 7. С. 268–275; Владимир Злобин. Вечный спутник. Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1994. № 8. С. 175–179; Георгий Шенгели, его друзья и враги // Простор. 1995. № 4–5. С. 135–138; Магические рассказы Павла Муратова. Павел Муратов. Остров Молчания. Собеседник. Рассказы. Предисловие и публикация // Простор. 1995. № 2–3. С. 148–156; Чародей Эллис. Эллис. Стихотворения. Предисловие и публикация // Простор. 1995. № 9–10. С. 105–107; Черная Мадонна. Борис Поплавский. Над солнечною музыкой воды. Стихотворения // Простор. 1995. № 11–12. С. 139–141; Неизвестный поэт Дмитрий Шестаков. Д.П. Шестаков. Стихотворения. Публикация и примечания // Простор. 1996. № 2. С. 92–95; Владимир Маккавейский. «У злата житниц и божниц...». Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1996. № 5. С. 107; Валерий Брюсов. Шара. Незданная повесть. Вступительная заметка, публикация и примечания // Простор. 1996. № 7. С. 108–115; Гриф. Сергей Кречетов. Стихотворения. Публикация // Простор. 1996. № 9. С. 119–121; А.П. Могилянский. Клюев на средах Карпинских. Публикация // Простор. 1996. № 12. С. 109–110; Жизнь и книги Сергея Волкова // Простор. 1997. № 7. С. 100–102; «Творимая легенда» Виктора Гофмана. Стихи. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1997. № 4. С. 88–92; Уроки Брюсова. Неюбилейные заметки. Незданные стихи // Простор. 1998. № 12. С. 77–84.

неизменно серьезен» [2. С. 237], что, тем не менее, уже само по себе является ценным и дает достаточно оснований для возвращения имени Маккавейского широкому читателю (а возможно, и исследователю, занимающемуся поэтами Серебряного века, находившимися вдали от магистральной линии развития поэзии).

Молодяков создает целостный образ неизвестных поэтов с помощью анализа их рецепции глазами современников. Так, в поэте С.А. Сафонове, Молодяков отмечает двойственность его образа: «балагур, весельчак, актер-любитель, газетный поденщик-фельетонист», с одной стороны (в подтверждение чего приводится выдержка-характеристика поэта из газеты «Петербургская жизнь»), а с другой — «одаренный поэт-лирик, оставивший количественно небольшое, но исключительно цельное и значимое наследие» [3. С. 220].

Часто Молодяков пытается выявить причины, по которым многообещающие поэты не удостоились известности при жизни или после кончины. В статье, предваряющей публикацию стихов И. Коневского (И.И. Ореуса), Молодяков обращается к анализу образа поэта и находит причины равнодушия к молодому символисту в «непохожести» и чуждости воспитанного в «строгой, набожной» семейной атмосфере молодого человека и «богоискательству» Мережковских, и богемному эстетству «миriskусников». В то же время И. Коневской трактуется Молодяковым как «уникальный, единственный в русской поэзии представитель героического нордического духа, духа арийской северной элиты» [4. С. 254–255]. Публикации ученого в журнале «Простор» внесли свой значимый вклад в изучение забытой и малоизвестной литературы Серебряного века.

В 1990-е гг. продолжается начатая в 1960-х гг. работа по возвращению читателю наследия репрессированного поэта Павла Васильева. В третьем номере журнала за 1991 г. опубликована статья Г. Тюрина, в которой исследователь по архивным данным стремится восстановить детали уголовного преследования и гибели поэта [5. С. 101–111]. Им же в девятом-десятом номере за 1992 г. опубликовано публицистическое наследие Васильева, ценность которого заключается в его роли своеобразной строительной площадки, «на которой проходили первичную апробацию отдельные художественные детали, образы...» [6. С. 121]. В шестом номере печаталась работа одного из ведущих «васильеведов» П.П. Косенко, посвященная выходу тома стихов поэта и знакомящая читателя с особенностями его поэтики — реалистичность изображения, стремление к правде жизни, исконно русское сочувствие не победителям, но побежденным [7. С. 173–175].

Усилиями Н. Гринкевича в «Просторе» были опубликованы написанный в 1888 г. биографико-психологический этюд Л.Я. Гуревич о Марии Башкирцевой, с которого началось возвращение эгодокументального наследия художницы на родину (где его горячо приняли, в частности, Велимир Хлебников и

Марина Цветаева)⁴, повесть забытого представителя первой волны эмиграции И.Ф. Калининкова «Лагерь в пустыне»⁵ и ранее не публиковавшаяся в Советском Союзе поэма Саши Черного «Дом над Великой»⁶.

Особый интерес вызывают публикации наследия классиков XX в. В первом номере 1993 г. представлены малоизвестные произведения М. Булгакова, написанные им во время службы в газете «Гудок»⁷. Статья публикатора Ф. Баллонова содержит обстоятельный текстологический комментарий, воссоздающий историю первоначальной публикации произведений в региональных журналах (таких как «Бакинский рабочий») и убедительно доказывающий авторство именно Булгакова [8]. В том же номере впервые опубликован автобиографический роман советского писателя, путешественника и этнографа С.Н. Маркова. Публикация сделана на основе рукописи романа, переданной исследователю и автору публикации В. Владимирову вдовой автора⁸.

Достойны внимания публикации те материалы творческого наследия А. Аверченко, Тэффи и А. Бухова, которые не публиковались в Советском Союзе по сугубо идеологическим причинам. Они осуществлены исследователем русской сатиры Р. Соколовским⁹. В статье об А. Аверченко Соколовский стремился сменить устоявшееся представление о писателе как «юмористе» (стараниями официозных издательств, лишь выборочно допустивших наследие Аверченко к публикации даже в эпоху «перестройки») и акцентировал внимание на сатирической стороне его творчества, «остро бичующей зло» и неизменно приобретающей «политическую окраску» [9. С. 282].

Следует отметить публикацию переписки А.П. Чехова с Л.С. Мизиновой, ранее никогда не публиковавшуюся полностью. Хранящиеся в отделе рукописей РГБ письма были представлены и прокомментированы Александром Бельмым. Это представляется существенным вкладом в развитие чеховедения и изучение эпистолярного наследия классика¹⁰.

⁴ Гринкевич Н.Н. Все пленяло в ней... // Простор. 1991. № 1–2. С. 260; Гуревич Л.Я. М.К. Башкирцева. Биографико-психологический этюд // Там же. С. 261–279.

⁵ Гринкевич Н.Н. Журавлиный зов // Простор. 1991. № 7. С. 80–83; Калининков И.Ф. Лагерь в пустыне. Земля. Баба-змея. С. 83–122.

⁶ Гринкевич Н.Н. Неизвестный Саша Черный // Простор. 1991. № 8. С. 73–75; Черный А. Дом над Великой. Картины из русской жизни // Там же. С. 75–80.

⁷ Булгаков М.А. В часы смерти. Попутчица. 40 казенных червонцев // Простор. 1993. № 1. С. 160–165.

⁸ Марков С.Н. Автобиографический роман // Простор. 1993. № 1. С. 2–95; Владимиров В. Постигание правды и добра // Простор. 1993. № 1. С. 95–97. Продолжение публикации романа см. в: Простор. 1993. № 2. С. 77–163.

⁹ Бухов А. Девушка № 1738. Покойный Ливашин // Простор. 1992. № 11–12. С. 195–201; Аверченко А. Случай с ревизором. Граждане. Рассказы // Простор. 1993. № 7. С. 284–292; Тэффи. Вспоминаем. Без предвзвешенности. Карандаш. Дети. Тонкие письма // Простор. 1994. № 2. С. 253–264.

¹⁰ Чехов и Лика. Роман в письмах. Публикация и предисловие А. Белого // Простор. 1996. № 1. С. 2–29

Мы не имеем возможности представить полный обзор всех ценных публикаций «Простора» за указанный период, хотя среди них есть безусловно интересные материалы: документальная проза М. Алданова¹¹, повесть Е. Замятина¹², рассказы В. Набокова¹³, М. Зощенко¹⁴ (в том числе ранее не публиковавшиеся произведения)¹⁵, мемуары Игоря Софиева — сына поэта первой волны эмиграции Ю. Софиева¹⁶. Видно, что публикации «Простора» не только восполняли значительные лакуны в культурной памяти, связанной с русской эмигрантской литературой и литературным наследием писателей, ранее не допускавшихся до широкого читателя, но и способствовали реконструкции историко-литературного контекста, актуализируя забытые имена и тексты. Это подчеркивает важнейшую роль «Простора» в сохранении и популяризации культурного наследия и поддержании общего русско-казахского культурного пространства в постсоветский период.

Статьи

«Простор» в 1990-е гг. способствовал развитию казахской литературоведческой русистики. В номерах журнала публиковались литературно-критические статьи как уже состоявшихся на то время литературоведов (В.В. Бадиков, А.Е. Кулумбетова), так и тех, кому еще только предстояло внести свой вклад в изучение русской литературы (В.В. Савельева).

Статьи видного казахского литературоведа-русиста Виктора Владимировича Бадикова посвящены главным именам и феноменам русской литературы XX в. В третьем номере журнала за 1992 г. исследователем опубликована статья, посвященная проблемам жанрового определения романа «Мы» Евг. Замятина, принадлежность «Мы» к антиутопии доказывается посредством сопоставления произведения с другим текстом о возможном будущем коммунистической утопии — «Чевенгуром» А. Платонова, определяемым В. Бадиковым как «квазиутопия» [10. С. 195]. По мнению исследователя, два текста исторически дополняют друг друга, поскольку писатели, несмотря на разные трактовки современного им утопического проекта и разницу в мировоззрении,

¹¹ Алданов М. Сталин, Луначарский, Азеф. Исторические портреты // Простор. 1994. № 4. С. 165–206.

¹² Замятин Е. Колумб. Неоконченная повесть / предисловие и публикация И. Ляшенко // Простор. 1996. № 6. С. 78–87.

¹³ Набоков В. Пять рассказов. Забытый поэт. Ассистент режиссера. Как-то раз в Алеппо... Отрывок из разговора, 1945. Ланс / перевод и примечания А. Колотов // Простор. 1996. № 4. С. 9–28.

¹⁴ Зощенко М. «Зощенко начинается...» / пред. и публ. Н. Скалона // Простор. 1996. № 10. С. 99–108.

¹⁵ Зощенко М. Черт знает что такое! // Простор. 1999. № 1. С. 109–112.

¹⁶ См.: Софиев И. Монпарнасские сны // Простор. 1997. № 2. С. 93–99; Софиев И. Монпарнасские сны. Окно в столовой // Простор. 1997. № 3. С. 108–111

смогли предугадать «сам процесс социалистического строительства в бывшем СССР», т. е. стремительный переход от краткого народного коммунизма к продолжительному партийно-государственному, имеющему в целях «социальное и духовное закрепощение личности, подавление всяческой свободы и демократии» [10. С. 199–200].

Многие статьи В. Бадикова в «Просторе» представляют собой отклики на работы, посвященные русской литературе. В десятом номере за 1991 г. содержится его рецензия на книгу Н.Р. Скалона о советской философской прозе, в которой вдумчиво проанализирован нетривиальный подход автора монографии к явлению «философского романа». Бадиков дополняет рассуждения исследователя собственной позицией, указывая, что, по его мнению, в прозе XX в. «модус перехода» художественности в философичность резко усиливается и доходит вплоть до «иллюзии слияния художественного мышления с научным» [11. С. 130].

Некоторые отклики В. Бадикова носят явный критический характер, как, например, в его статье во втором-третьем номере «Простора» за 1995 г., где решительно опровергаются зоиловские инвективы в адрес В. Маяковского со стороны одного из публицистов [12]. Ответная статья Бадикова — не апология Маяковского, но образец объективного литературоведческого подхода к личности писателя и его значительному творческому наследию, заслуживающему должного внимания, а не грубой хулы.

Современное казахское литературоведение представлено статьями такого видного ученого-русиста, как В.В. Савельева. В статье в десятом номере «Простора» за 1996 г. она анализирует исторические подходы к трактовке сновидений от Гиппократ и Гераклита до Ф.М. Достоевского и З. Фрейда и обращается за примерами сновидческих состояний к произведениям классиков русской литературы (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков) [13]. В работе уделено мало внимания литературоведческому анализу сновидческих пассажей из художественных произведений, однако ее ценность заключается прежде всего в формировании теоретической базы онейропозтики путем эссеистского анализа ключевых концепций трактовки сновидений, что в дальнейшем проложит дорогу к сугубо литературоведческим трудам исследовательницы, посвященным проблемам онейропозтики и увенчавшимся двумя обстоятельными монографиями¹⁷.

Литературоведческий анализ сновидческих состояний представлен в следующей статье В. Савельевой в одиннадцатом номере «Простора» за 1997 г. На примере снов Раскольникова, Татьяны Лариной, Андрея Болконского, Григория Отрепьева из пушкинского «Бориса Годунова», тургеневской Елены

¹⁷ См.: *Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейропозтика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013; *Савельева В.В.* Облака, сны, слезы в художественной антропологии А.П. Чехова. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014.

Стаховой В. Савельева устанавливает соответствие между географическим пространством сновидений героев, деталями увиденных ими элементов ландшафта с их духовным состоянием, отличительными чертами их образа или же с ожидающими их событиями и потрясениями, которые, таким образом, оказываются аллегорически предсказаны во сне [14].

Привлекают внимание статьи, посвященные анализу произведений, лишь в недавние годы представленных широкому читателю. Вопреки традиции обращаться преимущественно к анализу романов В. Набокова А.Е. Кулумбетова избирает для изучения небольшой рассказ «Terra Incognita». Герменевтический анализ произведения, его хронотопа, особенностей композиционного построения («нарушение принципа диалогизации» и пр.) позволяет определить его жанр скорее как «философско-психологическую романтическую по стилю новеллу», нежели рассказ [15: 135].

Заключение

Журнал «Простор» внес значительный вклад в сохранение и популяризацию русской литературы. Были опубликованы произведения забытых и неизвестных авторов Серебряного века, ранее запрещенных советских писателей и видных представителей русской эмиграции. «Простор» способствовал сохранению единого культурно-литературного пространства между Россией и Казахстаном в постсоветский период. Популярность журнала в Казахстане и России свидетельствует об устойчивом интересе к русской литературе как важному элементу общего для обеих стран историко-культурного наследия. Анализ научных трудов казахских литературоведов, посвященных русской литературе, сигнализирует о продолжении традиций глубокого изучения русской словесности в Казахстане. Наш анализ показал, что русская литература в 1990-е гг. оставалась значимым элементом культурной и научной жизни Казахстана и играла ключевую роль в сохранении общего историко-культурного наследия.

Список литературы

1. Листая страницы журнала. «Простор» 30–90-х годов // Простор. 1998. № 5. С. 143–153.
2. Молодяков В.Э. Рассказы библиофила. Неизвестные поэты // Простор. 1994. № 1. С. 236–246.
3. Молодяков В.Э. Неизвестные поэты // Простор. 1994. № 4. С. 220–230.
4. Молодяков В.Э. Иван Коневской. «Я — из-за моря хмурый варяг...». Стихотворения. Вступительная заметка и публикация // Простор. 1994. № 6. С. 254–261.
5. Тюрин Г.А. «Литература — моя плоть и кровь...» О поиске архивно-следственного дела Павла Васильева // Простор. 1991. № 3. С. 101–111.
6. Тюрин Г.А., Черных С. Павел Васильев — очеркист // Простор. 1992. № 9–10. С. 121–127.
7. Косенко П.П. Павел Васильев — перечитывая наново // Простор. 1992. № 6. С. 173–175.
8. Балонов Ф. Михаил Булгаков: газетная поденщина // Простор. 1993. № 1. С. 155–159.
9. Соколовский Р.А. ...И сатирик чистой воды // Простор. 1993. № 7. С. 282–284.

10. Бадиков В.В. «Мы» и «Я» в коммунистическом рае. Предвидения Евг. Замятина // Простор. 1992. № 3. С. 193–200.
11. Бадиков В.В. Модус перехода и сопротивления // Простор. 1991. № 10. С. 128–130.
12. Бадиков В.В. Что скрывается за очередным разоблачением Маяковского? // Простор. 1995. № 2–3. С. 136–139.
13. Савельева В.В. Свидетель сновидений // Простор. 1996. № 10. С. 82–92.
14. Савельева В.В. Ландшафт сновидений // Простор. 1997. № 11. С. 107–117.
15. Кулумбетова А.Е. Постигание замысла. О «Terra incognita» В. Набокова // Простор. 1995. № 2–3. С. 133–136.

References

1. Leafing through the pages of the magazine. “Prostor” of the 30–90s. 1998. *Prostor*, no. 5, pp. 143–153. Print (In Russ.)
2. Molodiakov, V.E. 1994. “Stories of a bibliophile. Unknown poets.” *Prostor*, no. 1, pp. 236–246. Print (In Russ.)
3. Molodiakov, V.E. 1994. “Unknown poets.” *Prostor*, no. 4, pp. 220–230. Print (In Russ.)
4. Molodiakov, V.E. 1994. “Ivan Konevskoy. ‘I am a frowning Varangian from across the sea...’. Poems. Introductory note and publication.” *Prostor*, no. 6, pp. 254–261. Print (In Russ.)
5. Tyurin, G.A. 1991. “‘Literature is my flesh and blood...’ On the search for the archival and investigative case of Pavel Vasiliev.” *Prostor*, no. 3, pp. 101–111. Print (In Russ.)
6. Tyurin, G.A. 1992. “Chernykh S. Pavel Vasiliev — essayist.” *Prostor*, no. 9–10, pp. 121–127. Print (In Russ.)
7. Kosenko, P.P. 1992. “Pavel Vasiliev — rereading novo.” *Prostor*, no. 6, pp. 173–175. Print (In Russ.)
8. Balonov, F. 1993. “Mikhail Bulgakov: newspaper daily.” *Prostor*, no. 1, pp. 155–159. Print (In Russ.)
9. Sokolovsky, R.A. 1993. “...And a satirist of pure water.” *Prostor*, no. 7, pp. 282–284. Print (In Russ.)
10. Badikov, V.V. 1992. “‘We’ and ‘I’ in the Communist Paradise. Yevgeny Zamyatin’s Foresight.” *Prostor*, no. 3, pp. 193–200. Print (In Russ.)
11. Badikov, V.V. 1991. “Modus of Transition and Resistance.” *Prostor*, no. 10, pp. 128–130. Print (In Russ.)
12. Badikov, V.V. 1995. “What is behind the next exposure of Mayakovsky?” *Prostor*, no. 2–3, pp. 136–139. Print (In Russ.)
13. Savelyeva, V.V. 1996. “Witness of dreams.” *Prostor*, no. 1, pp. 82–92. Print (In Russ.)
14. Savelyeva, V.V. 1997. “Landscape of dreams.” *Prostor*, no 11, pp. 107–117. Print (In Russ.)
15. Kulumbetova, A.E. 1995. “Comprehension of the idea. About “Terra incognita” by V. Nabokov.” *Prostor*, no. 2–3, pp. 133–136. Print (in Russ.)

Сведения об авторе:

Окутин Никита Юрьевич — аспирант, младший научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ, Институт литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., 25А стр. 1. ORCID: 0009-0008-1591-1241. E-mail: flexusfelex@gmail.com

Bio note:

Nikita Yu. Okutin is a postgraduate student, junior researcher, Department of Literature of Russia’s Ethnicities and the CIS Countries, A.M. Gorky Institute of Literature, Russian Academy of Sciences, 25A, bldg 1, Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-1591-1241. E-mail: flexusfelex@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-449-459

EDN: RUVVCZW

Информационная статья / Informational article

Литературоведческая русистика в Российско-Армянском университете (1991–2021): материалы к «Большой энциклопедии русистики Евразии»

Д.А. Аксенова^{ID}

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

✉ a.darya2809@yandex.ru

Аннотация. В работе осмысляются особенности изучения русской литературы в Российско-Армянском (Славянском) университете (г. Ереван). Актуальность работы обусловлена тем, что в ней впервые описан один из путей распространения русской культуры в Армении и интеграции русского и армянского научных литературоведческих полей. Описываются основные направления деятельности кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета, вносящего весомый вклад в укрепление российско-армянских культурных связей. Исследование проведено на основе материалов сайта университета, новостных статей и информации, предоставленной сотрудниками университета. Дается характеристика научной деятельности преподавателей кафедры в сфере изучения русской литературы, краткое описание проведенных конференций, университетских курсов, способствующих развитию интереса к русской литературе и культуре у студентов университета. Анализ свидетельствует о том, что интерес к современной русской литературе, например, исследованию русского постмодернизма, особенно среди молодых ученых растет. Литература XX в., от Серебряного века до 1990-х гг., определяется как доминирующая эпоха в научных предпочтениях исследователей.

Ключевые слова: литературоведческая русистика, русистика Евразии, Российско-Армянский университет, кафедра русской и мировой литературы и культуры

История статьи: поступила в редакцию 23.01.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Аксенова Д.А. Литературоведческая русистика в Российско-Армянском университете (1991–2021): материалы к «Большой энциклопедии русистики Евразии» // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 449–459. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-449-459>

Literary Russian Studies at the Russian-Armenian University (1991–2021): Materials for “The Great Encyclopedia of Russian Studies in Eurasia”

Daria A. Aksenova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, *Moscow, Russian Federation*

✉ a.darya2809@yandex.ru

Abstract. The paper reflects on the peculiarities of studying Russian literature at the Russian-Armenian (Slavic) University (Yerevan). The relevance of the work is due to the fact that it describes for the first time one of the ways to spread Russian culture in Armenia and integrate Russian and Armenian scientific literary fields. The main activities of the Department of Russian and World Literature and Culture of the Russian-Armenian University, which makes a significant contribution to the strengthening of Russian-Armenian cultural ties, are described. The study was conducted on the basis of materials from the university’s website, news articles and information provided by university staff. The article provides a description of the scientific activities of the department’s lecturers in the field of studying Russian literature, a brief description of the conferences, university courses that promote the development of interest in Russian literature and culture among university students. The analysis shows that interest in modern Russian literature, especially among young scientists, for example, the study of Russian postmodernism, is growing. The literature of the 20th century, from the Silver Age to the 1990s, is defined as the dominant era in the scientific preferences of researchers.

Key words: Literary Russian studies, Russian Studies of Eurasia, Russian-Armenian University, Department of Russian and World Literature and Culture

Article history: received 23.01.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Aksenova, D.A. 2025. “Literary Russian Studies at the Russian-Armenian University (1991–2021): Materials for ‘The Great Encyclopedia of Russian Studies in Eurasia.’” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 449–459. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-449-459>

Введение

В Армении сложилась и плодотворно развивается одна из сильнейших школ русистики. Внимание уделяется не только преподаванию русского языка, который является вторым по распространенности в этой стране, но и изучению русской литературы на серьезном научном уровне. Широко известно, как много армянские ученые делают для изучения наследия В.Я. Брюсова. Особое место русской культуре уделяется в университетах, где созданы русскоязычные кафедры, научные центры, проводятся конференции международного уровня, способствующие развитию литературных и культурных связей между Арменией и Россией. Речь идет, в частности, о таких научных форумах, как Международная научно-методическая конференция «Вопросы преподавания русского языка и литературы в учебных заведениях Армении» (Рос-

сийско-Армянский (Славянский) университет, ноябрь 2008 г.). Они направлены на популяризацию русского языка и русской литературы в армянской научной среде. Отличительной особенностью является тесное сотрудничество между армянскими университетами, отдельными кафедрами и ведущими учебными заведениями России, организующими совместные проекты. Разрабатываются методические пособия по изучению русской литературы в школе, как широкого профиля, так и узконаправленные, посвященные отдельному течению русской литературы. Среди них можно выделить такие, как учебные пособия Амирханян А.М. «Русская литература XIX–XX веков» (2008) [1], Нураловой С.Э. «Русская литература XIX века» (2003) [2], Ханян К.С. «Русская поэзия в оценке армянской критической мысли XIX века» (2017) [3], Даниэлян Э.С. «Русское народное поэтическое творчество» [4], Атаджанян И.А. «Учебное пособие по русской литературе: УНТ, древнерусская литература, литература XVIII века» [5]. Статьи русистов публикуются в таких литературоведческих периодических изданиях, как «Актуальные проблемы литературы и культуры (Вопросы филологии)» (по итогам одноименной конференции, проводимой кафедрой всемирной литературы и цивилизаций факультета международной коммуникации и политологии Государственного университета имени В.Я. Брюсова), «Вестник» Государственного университета имени В.Я. Брюсова, «Историко-филологический журнал» (НАН РА), «Вестник Ереванского университета. Русская филология», «Литературоведческий журнал», «Русский язык в Армении» и др. Периодическое издание, входящее в перечень ВАК РА и индексирующееся в РИНЦ, имеет Российско-Армянский университет. «Вестник Российско-Армянского университета», включающий в себя две серии — гуманитарные и общественные науки, физико-математические и естественные науки, — состоит из рубрик, соответствующих научным специальностям, в число которых входит литературоведение, арменоведение и лингвистика.

Показательным событием в сфере развития русистики в Армении стало основание в 1997 г. в рамках соглашения между Россией и Арменией Российско-Армянского (Славянского) университета¹ (г. Ереван). Обучение в нем ведется на русском языке на основе программ, составленных по российским стандартам и требованиям, с возможностью продолжать обучение в российских высших учебных заведениях. Сведения о деятельности этого университета займут значимое место в «Большой энциклопедии русистики Евразии», работа над которой ведется в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Первая серия энциклопедии содержит информацию о развитии русистики в странах бывшего СССР в 1991–2021 гг. Этот масштабный проект является свидетельством единого научного пространства и направлен на описание и сохранение забытых или малоизвестных работ литературоведов-русистов за пределами России.

¹ Далее — Российско-Армянский университет.

Целью статьи является описание деятельности кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета по изучению русской литературы, описание направлений ее исследований, освещение деятельности ее специалистов. Результаты исследования будут использованы в «Большой энциклопедии русистики Евразии», а также могут рассматриваться как источник дополнительной информации о российско-армянских связях.

Обсуждение

Деятельность Российско-Армянского университета непосредственно направлена на установление культурных контактов между Арменией и Россией. Университет начал образовательную деятельность в 1999 г. В качестве одного из основных его целеполагающих положений утверждается необходимость «содействия развитию научного и кадрового потенциала обоих государств путем привлечения для работы в Университете научно-педагогических кадров из Российской Федерации и Республики Армения» [4], привлечения к этой работе специалистов диаспоры.

В настоящее время в Институте филологии и межкультурных коммуникаций университета функционирует кафедра русской и мировой литературы и культуры, основанная в 2002 г. как учебно-научное подразделение. В 2007 г. она вошла в состав факультета филологии, а в 2012 г. — в состав Института гуманитарных наук. Кафедра достаточно успешно проявила себя на научных форумах и симпозиумах, конференциях, в том числе международного уровня. Основные направления деятельности сегодня — изучение современного литературного процесса, транснациональных авторов в контексте русской литературы, истории и теории литературы, фольклора, мифопоэтики, литературных связей, культурологии и истории искусств.

Заведующая кафедрой, Лилит Суменовна Меликсетян, кандидат филологических наук, профессор, переводчик, возглавляет кафедру с 2008 г. Она занимается преподавательской деятельностью в Российско-Армянском университете с 2002 г. За вклад в развитие и укрепление армяно-русских культурных связей награждена медалью им. А.С. Пушкина Президентом Российской Федерации В.В. Путиным². В сферу научных интересов Л.С. Меликсетян входит история зарубежной литературы, переводоведение, теория литературы. Большое количество ее научных работ посвящено исследованию переводов литературных произведений на армянский язык и творчеству американского писателя армянского происхождения Уильяма Сарояна [5]. Часть работ исследователя посвящена русской литературе, например, приему интертекстуальности в современной литературе («Чеховские аллюзии в пьесе Л. Петрушевской

² Путин наградил медалью доцента РАУ Лилит Меликсетян // Диалог. 1 февраля 2018 г. URL: <https://dialogorg.ru/news/010118-nagrajdenieputin/> (дата обращения: 17.01.2025).

„Три девушки в голубом“», 2004)³, соносфере в лирике («Звуковые образы в цикле „Армения“ Осипа Мандельштама», 1998) [6]. Поэтический анализ русской лирики с армянской тематикой, проводимый Л.С. Меликсетян, обладает особенной глубиной, не всегда доступной носителю русской культуры. Определяя, например, семантику образов камня и архитектуры в творчестве О.Э. Мандельштама [7], исследователь ориентируется на восприятие камня армянской нацией как некоей основы и обнаруживает в цикле поэта «Армения» образное воплощение архитектуры городов родной Армении, предлагает альтернативное прочтение темы языка (например, «большероты» улицы) с точки зрения той же архитектуры («...для ереванских домов начала века были чрезвычайно характерны так называемые „даланы“ — большие арочные проходы» [8. С. 68]). Детальный анализ, проведенный исследователем, позволяет увидеть, что в стихотворениях О.Э. Мандельштама тема камня имеет гораздо более глубокий смысл, чем это представляется носителю русской культуры.

Разнообразны научные интересы у Соны Саргисовны Маргарян, кандидата филологических наук, доцента кафедры. Ее преподавательская деятельность включает чтение курсов по русской литературе XVIII–XX вв., устному народному творчеству, истории русского и зарубежного театров, актерскому мастерству, специфике экранизации и театрализации литературной классики, детской литературе, массовой литературе, методике преподавания литературы, сопоставительному анализу русской и армянской литературы, а также литературоведческих курсов (поэтика художественного текста, литературный анализ текста в школе и др.). В соавторстве С.С. Маргарян была разработана и опубликована «Программа практического, творческого курса “Литературные чтения”» [9]. Особенность курса заключается в адресации студентам, окончившим армянские школы и не имеющим достаточного объема знаний по русской литературе и необходимым навыкам для ее анализа. Процесс преподавания направлен не только на передачу знаний по анализу текста, но и на обучение самостоятельному созданию текста. В списке авторов, рекомендуемых для изучения в курсе, — А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, М.А. Булгаков, И.Д. Крылов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, М.М. Зощенко, С.А. Есенин, Ю.К. Олеша, Е.И. Носов, А.И. Приставкин, В.О. Пелевин и др. Внимание уделяется не только классикам XIX в., но и современным писателям.

Особое место в исследовательской деятельности С.С. Маргарян занимает изучение творчества Л.Н. Андреева (звуковая семантика, образная составляющая, ономастика). В 2009 г. ей была защищена кандидатская диссертация на тему «Некоторые аспекты поэтики прозы Леонида Андреева», в которой исследуется антропонимика, соносфера и цветовая палитра творчества Л.Н. Андреева [10]. Имена персонажей, полагает исследователь, выбираются

³ Российско-Армянский (Славянский) университет. URL: <https://rau.am/content/ocherki-istorii> (дата обращения: 08.08.2024).

писателем с учетом их звучания; смена имени, его потеря или неудачное имя играют роковую роль в судьбе персонажа. Звуковая сфера произведений Л.Н. Андреева описана как ритмичная и музыкальная, наполненная повторами, звуковым символизмом и рифмой. Исследование символики цвета приводит исследователя к выводу о том, что писатель использует резкие, экспрессивные тона, помогающие придать действию подлинный драматизм.

Также С.С. Маргарян работает над изучением творчества Л.С. Петрушевской («„Иные миры“ в сказочной прозе Л.С. Петрушевской», (2011) [11], О.Э. Мандельштама («Звучащее слово Осипа Мандельштама», 2021) [12].

Молодое поколение преподавателей Российско-Армянского университета значительно расширяет круг обсуждаемых научных проблем. Например, в сферу исследований преподавателя Седы Сейрановны Айвазян входит русская литература второй половины XX в. и новейшая литература, в том числе неподцензурная литература и постмодернизм. С.С. Айвазян читает курсы соответствующей тематики: «Неподцензурная литература и культура второй половины XX века», «Филологическая герменевтика», «История и методология филологических исследований». Исследователь является лауреатом международного конкурса педагогических работников «Язык без границ» (2020 г.), осуществляющих образовательную деятельность на русском языке.

Кима Армановна Ванескегян преподает курсы «Древнерусская литература», «Фольклор и литература», «Новейшая литература». Многие ее статьи опубликованы в российских изданиях. Большое внимание исследователь уделяет постмодернистской литературе, проводя детальный анализ ее поэтики; на примере романа Е.Л. Чижова «Собиратель рая» она провела анализ симуляционной темпоральности, подразумевающей «раздробленность» [13. С. 122] персонажа во времени, безвременность, которой сопутствуют потерянности в пространстве и мотив блуждания, «концепт потери памяти как хронотопическое блуждание в рассыпающемся времени» [13. С. 123]. Концепт вещи, противопоставленный классическому собирательству русской литературы, описан как точка сгущения пространства и времени, олицетворение прошлого и распадающегося настоящего.

Значительную роль в истории Российско-Армянского университета сыграла литературовед, доктор филологических наук, член Союза писателей Армении Татьяна Михайловна Геворкян, являющаяся основателем кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета. Как крупный цветаявед она издала две монографии — «На полной свободе любви и дара: Индивидуальное и типологическое в литературных портретах Марины Цветаевой» (2003), посвященную анализу облика поэтессы на основе созданных ей портретов современников (В.Я. Брюсова, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, М. Волошина, А. Белого, Б.Л. Пастернака), и «Марина Цветаева: Поэт. Прозаик» (2017), которая на тот момент являлась итогом изучения творчества М. Цветаевой. Т.М. Геворкян также является

организатором первых Цветаевских чтений в Ереване (2002 г., Российско-Армянский университет), лауреатом Литературной премии имени М.И. Цветаевой в номинации «За вклад в цветаеведение» (2015). В 2002 и 2007 гг. была удостоена премии «За лучшую статью года» журнала «Вопросы литературы», где опубликовано значительное количество ее статей, посвященных творчеству М. Цветаевой.

Нельзя не отметить вклад уже ушедших из жизни преподавателей кафедры. Доктор филологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения Левон Мкртычевич Мкртчян с 1998 г. являлся ректором Российско-Армянского университета и проработал на этой должности до конца жизни (2001). Посмертно, в 2002 г., он был награжден орденом «Золотой крест» за вклад в развитие армяно-русских отношений. Л.М. Мкртчян является организатором издания переводов на русский и другие языки творчества средневековых армянских поэтов, инициатором издания единственной прижизненной книги русской советской поэтессы М.С. Петровых «Дальнее дерево» (Ереван, 1968). Им написаны предисловия к изданиям произведений русских писателей в серии «Գրու րիւնիւնիւնիւնի րիւնիւնիւնի» («Библиотека русской классики»). Перу Л.М. Мкртчяна принадлежат крупные работы: «Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX веков» (1968), «Поэт Армении. (О Вере Звягинцевой)» (1974), «Для человека ход времен печален. Штрихи к портрету Михаила Дудина» (1992), «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» (1992), «Так назначено судьбой. [Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых]» (2000); «Боль о человеке. Очерки по истории русской литературы» (2001).

Первый декан факультета журналистики Российско-Армянского факультета, кандидат филологических наук, доцент Рафаэл Григорьевич Айрапетян посвятил свои основные работы творчеству Ф.М. Достоевского⁴. Его кандидатская диссертация «Христианские мотивы и тема народа в „Дневниках“ и „Записных книжках“ Ф.М. Достоевского» (2003), а также монография [14] посвящены вопросу об особом предназначении русского народа в воззрениях Ф.М. Достоевского, ответ на который заключается в мощной христианской культуре; также освещены тема народа и интеллигенции, православия, Восточный вопрос.

Кафедра русской и мировой литературы и культуры университета провела немало крупных научных конференций. С 2005 г. ежегодно проводится Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся

⁴ См. работы: Преступление и раскаяние. (Читая Гегеля и Достоевского) // Декабрьские литературные чтения. Сб. литературоведческих статей. Вып. IV. Ереван, 1998; Концепция семьи в творчестве Ф.М. Достоевского // Հնարանի կոնգրէսին Ֆ.Մ. Դոստոևսկիի ստեղծագործությունները. Ереван, 2009; Роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в малой прозе А.П. Чехова // Сургучевские чтения. Вып. VII: Культура провинции: локальный и глобальный контекст. Ставрополь, 2010.

мире», на которой представляются доклады как о современной русской литературе, так и о новом прочтении русской классики, проблемах перевода и теории литературы. Например, в 2024 г. среди тем, освещенных в докладах участников, были «Мир сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина в армянской рецепции» (к.ф.н., доцент А.С. Атанесян), «Некоторые особенности „армянского травелога“ А.Г. Битова» (к.ф.н., профессор Л.С. Меликсетян), «Роман Набокова „Король, дама, валет“ в контексте русской литературной традиции» (д.ф.н., профессор Н.М. Хачатрян), «Русские переводы „Гамлета“ Шекспира в рассмотрении и оценках В.Г. Белинского» (к.ф.н., доцент Н.К. Гончар-Ханджян), «Теннесси Уильямс в русской театральной традиции» (к.и.н., ст. преп. А.А. Арутюнян) и др.

В 2006 г. кафедрой была организована Международная научная конференция, приуроченная к 100-летию Д.С. Лихачева, «Лихачевские чтения», в 2002 г. — Международная научная конференция «Цветаевские чтения», в 2008 г. — Международная научно-методическая конференция «Вопросы преподавания русского языка и литературы в учебных заведениях Армении», конференции, посвященные творчеству А. Битова, Ф.М. Достоевского и др. В октябре 2011 г. проводилась Международная научная конференция «Мандельштамовские чтения»⁵, приуроченная к 120-летию со дня рождения поэта и 80-летию выхода цикла «Армения». Среди участников были литературоведы из России: И.З. Сурат, Н.А. Богомолов, Н.Н. Богомолова, А. Мец. Нетрадиционный формат конференции включал не только официальный день слушаний и обсуждения научных докладов, но и путешествие по местам, связанным с О.Э. Мандельштамом. Регулярно проводятся научные семинары, например, «Новейшая армянская поэзия на русском языке» (2008), «Основные тенденции развития новейшей литературы» (2010). Названные научные мероприятия пополняют список литературоведческих конференций, проводимых в Республике Армения в последние тридцать лет, среди которых — международная научная конференция «Брюсовские чтения, организуемая в символические для Армении и памяти В.Я. Брюсова даты с 1962 г. (организатор — Брюсовский научный центр при кафедре русской литературы Государственного университета имени В.Я. Брюсова), благодаря которой Ереван получил статус столицы брясоведения; ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы литературы и культуры» (организатор — Государственный университет имени В.Я. Брюсова); цикл международных научно-практических конференций, посвященных творчеству классиков русской литературы — А.И. Солженицыну, А.П. Чехову, А.С. Пушкину, Б.Л. Пастернаку, И.А. Гончарову, М.Ю. Лермонтову, Н.А. Некрасову и другим (традиционно проводится в юбилейные для писателя или поэта годы). В Республике Армения на базе высших

⁵ По армянским следам Мандельштама // Еркрамас. 20.10.2011. URL: <https://yerkramas.org/article/22496/po-armyanskim-sledam-mandelstama> (дата обращения: 18.01.2025).

учебных заведений регулярно проводятся конференции, в центре внимания которых — вопросы, касающиеся русско-армянских культурных и литературных связей: международная конференция «Русский язык и литература в образовательной системе Армении: проблемы и перспективы» (Государственный университет имени В.Я. Брюсова, 2008), международная научная конференция «Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития» (Ереванский Государственный университет, 2019), международная научно-практическая конференция «Русский язык, литература и история в кросс-культурном пространстве» (Государственный университет имени В.Я. Брюсова, 2017).

В Российско-Армянском университете существует Центр русистики, который помимо анализа языковой ситуации в Армении уделяет внимание развитию русской литературы, ее включенности в образовательные программы. Центр создан на базе кафедры русского языка и профессиональной коммуникации в рамках научно-исследовательского проекта «Русский язык в Армении: статус, социолнгвистические функции и функционирование в образовательной системе». Ответственный за выполнение данного направления, связанного с литературой, — заведующая кафедрой русской и мировой литературы и культуры Л.С. Меликсетян. Одна из значимых традиций, закрепленных центром, — празднование Дня русского языка в день рождения А.С. Пушкина, чтение его произведений, в том числе в переводах на другие языки, проведение викторин, что способствует высокой степени вовлеченности студентов в изучение русской культуры.

Заключение

Изучение русской литературы на кафедре русской и мировой литературы и культуры в Российско-Армянском университете свидетельствует о целенаправленном расширении межкультурных связей. Показательно, что литературоведческой русистике внимание уделяется не только в процессе обучения: происходит распространение научного интереса к русской литературе, «заражение» им студентов, о чем говорит большое количество молодых специалистов, занимающихся как преподаванием, так и изучением творчества русских писателей, преимущественно XX в. На фоне высокого интереса к русской классике в Армении значительным оказывается в Российско-Армянском университете пласт исследований и курсов, посвященных современной русской литературе. Несомненно, этому способствует увлеченность самих преподавателей университета, пример тому — курс С.С. Маргарян «Литературные чтения», включающий в себя обучение интерпретации произведений не только общеизвестных русских классиков, но и современных писателей, а также тех, кто для большого числа армянских читателей остается пока неизвестным.

Список литературы

1. Амирханян А.М. Русская литература XIX–XX веков : учебное пособие. Ереван : Лусабац, 2008.
2. Нуралова С.Э. Русская литература XIX века : учебное пособие. Ереван : Ереванский филиал ИВЭСЭП, 2003.
3. Ханян К.С. Русская поэзия в оценке армянской критической мысли XIX века : учебно-методическое пособие. Ереван : Лингва, 2017.
4. Даниелян Э.С. Русское народное поэтическое творчество : учебное пособие. Ереван, 2008.
5. Атаджанян И.А. Учебное пособие по русской литературе: УНТ, древнерусская литература, литература XVIII века. Ереван, 2003.
6. Меликсетян Л.С. Битлис как концепт в творчестве У. Сарояна // *Imagining the Landscape: Views from Armenia and Japan*. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo. 2013. P. 60–68.
7. Меликсетян Л.С. Чеховские аллюзии в пьесе Л. Петрушевской «Три девушки в голубом» // Чеховские чтения. Ереван, 2004. С. 48–50.
8. Меликсетян Л.С. Звуковые образы в цикле «Армения» Осипа Мандельштама // Декабрьские чтения. Ереван, 1998. С. 36–42.
9. Меликсетян Л.С. Архитектура и камень в армянском нарративе Осипа Мандельштама // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве : сб. материалов Международного научного конгресса. Ч. 3. М., 2021. С. 67–69.
10. Маргарян С.С. Программа практического, творческого курса «Литературные чтения» / в соавт. с Т.М. Геворкян, С.Н. Арзуманян, Р.В. Шубиным, Л.С. Меликсетян. Ереван, 2007.
11. Маргарян С.С. Некоторые аспекты поэтики прозы Леонида Андреева : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Ереван, 2009.
12. Маргарян С.С. «Иные миры» в сказочной прозе Л.С. Петрушевской // Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире». Ереван : Изд-во РАУ, 2011.
13. Маргарян С.С. Звучащее слово Осипа Мандельштама // Международный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» : сб. материалов. Ч. 3. М., 2021.
14. Ванексегян К.А. Память вещи и симуляционная темпоральность в романе «Собирающая» Евгения Чижова // *Stephanos*. 2022. № 3 (53). С. 120–127. URL: <https://stephanos.ru/izd/2022/2022-53-11.pdf> (дата обращения: 17.01.2025). <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2022-53-3-120-127>.
15. Айрапетян Р.Г. Христианские мотивы в «Дневниках писателя» и «Записных тетрадях» Ф.М. Достоевского. Ереван, 2005.

References

1. Amirhanyan, A.M. 2008. *Russian Literature of the 19th–20th Centuries*. The training manual. Yerevan: Lusabac publ. Print. (In Russ.)
2. Nuralova, S.E. 2003. *Russian literature of the 19th century*. The training manual. Yerevan: Yerevanskiy filial IVESEP Publ. Print. (In Russ.)
3. Hanyan, K.S. 2017. *Russian poetry in the evaluation of Armenian critical thought of the 19th century*. Educational and methodical manual. Yerevan: Lingva publ. Print. (In Russ.)
4. Danielyan, E.S. 2008. *Russian folk poetry*. Educational manual. Yerevan. Print. (In Russ.)
5. Atadganyan, I.A. 2003. *Educational manual on Russian literature: folklore, ancient Russian literature, literature of the 28th century*. Yerevan publ. Print. (In Russ.)
6. Meliksetyan, L.S. 2013. “Beatlis as a concept in the work of U. Saroyan.” *Imagining the Landscape: Views from Armenia and Japan*. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, pp. 60–68. Print. (In Russ.).

7. Meliksetyan, L.S. 2004. "Chekhov's allusions in L. Petrushevskaya's play 'Three Girls in Blue'." Chekhov readings. Yerevan, pp. 48–50. Print. (In Russ.)
8. Meliksetyan, L.S. 1998. "Sound images in the cycle 'Armenia' by Osip Mandelstam." December readings. Yerevan, pp. 36–42. Print. (In Russ.)
9. Meliksetyan, L.S. 2021. "Architecture and Stone in the Armenian Narrative by Osip Mandelstam." *Materials of Scientific Congress "Russian language in the global scientific and educational representation"*, vol. 3. Moscow: Pushkin state Russian language institute publ., pp. 67–69. Print. (In Russ.).
10. Margaryan, S.S., Gevorgyan, T.M., Arzumanyan, S.N., Shubin, R.V., and L.S. Meliksetyan. 2007. *The program of the practical, creative course "Literary readings."* Yerevan publ. Print. (In Russ.)
11. Margaryan, S.S. 2009. "Some aspects of the poetics of Leonid Andreev's prose." Dissertation Thesis. Yerevan. Print. (In Russ.)
12. Margaryan, S.S. 2010. "Notes on the poetics of A. Voznesensky's poem 'Goya'." *4th Annual Scientific Conference*. Russian-Armenian University Publ. Yerevan. Print. (In Russ.)
13. Margaryan, S.S. 2021. "The sounding word of Osip Mandelstam." *International Congress "The Russian Language in the Global Scientific and Educational Space"*, vol. 3. Moscow. Print. (In Russ.)
14. Vaneskegyan K.A. 2022. "The memory of a thing and simulation temporality in the novel 'The Collector of Paradise' by Evgeny Chizhov." *Stephanos*, no. 3 (53), pp. 120–127. URL: <https://stephanos.ru/izd/2022/2022-53-11.pdf> (accessed: 17.01.2025). <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2022-53-3-120-127>.
15. Ayrapetyan, R.G. 2005. *Christian Motifs in F.M. Dostoevsky's "Diaries of a Writer" and "Notebooks"*. Yerevan. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Аксенова Дарья Алексеевна — аспирант, младший научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ, Институт литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., 25А стр. 1. ORCID: 0009-0008-6161-4280. SPIN-код: 3317-8270. E-mail: a.darya2809@yandex.ru

Bio note:

Daria A. Akseanova is a Postgraduate Student, a Junior Research Fellow, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, bldg 1, Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-6161-4280. SPIN-code: 3317-8270. E-mail: a.darya2809@yandex.ru

